

ФИЛОСОФИЯ

УДК [001:1] (075.1)

ВИРТОСФЕРА

В.В. Афанасьева

Саратовский государственный университет
E-mail: veraafanasyeva@mail.ru

Предлагается онтологическая концепция, постулирующая существование универсального глобального феномена – виртосферы, виртуальной оболочки земли, синергично включающей в себя всю совокупность виртуальных феноменов различной природы, как естественных, так и сотворенных человеческой деятельностью. Исследуются структура виртосферы и существенные особенности виртуального пространства и времени.

Ключевые слова: виртосфера, виртуальное пространство.

Virtosphere

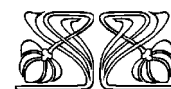
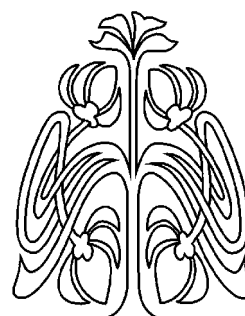
V.V. Afanasyeva

A new ontology which postulates existence of a universal phenomenon – virtosphere – is offered. Virtosphere is the global virtual manifold which includes the whole set of virtual phenomena both of natural and artificial origin. The structure of the virtosphere as well as the properties of the virtual space-time continuum are investigated.

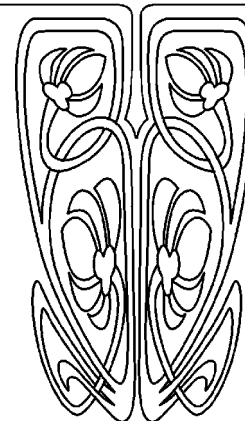
Key words: virtosphere, virtual space.

Виртуализация всех сфер общественной жизни стала одним из самых значимых феноменов нового тысячелетия и коснулась социальных, культурных, технических процессов. В свете происходящих в социуме изменений чрезвычайно актуальным представляется философское осмысление виртуальной реальности как глобального и универсального феномена. Несомненно, что философский анализ феномена виртуальности требует оригинальных подходов и меняет классические онтологические представления о мире, о реальности, о способах существования пространственно-временных объектов. В концепциях недавно сложившейся виртуалистики виртуальность в большинстве случаев изучается в рамках постнеклассической парадигмы, определяющей объектами своего рассмотрения нелинейность, нестабильность, индетерминированность, поливариантность и полионтичность как неотъемлемые характеристики бытия. Возникающая в результате подобного рассмотрения постнеклассическая интерпретация действительности включает в себя и представления о полионтичности мира, связанные, прежде всего, с феноменом виртуальности.

В современной философской литературе помимо «психологическо-экзистенциального» подхода к анализу виртуальной реальности, представленного работами Н.А. Носова¹ и его последователей, сложился и онтологический подход, рассматривающий виртуальность как универсальный онтологический феномен со специфическими свойствами. В рамках онтологического подхода виртуальность осмысливается как один из онтологических уровней

**НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ**

бытия, на которые расщепляется единый горизонт существующего, как особый «слой» сложного полионтичного мира в его разворачивании от бытия к небытию.

Бытие при этом представляется структурированным, допускающим представление о степени бытия или небытия, а реальность мыслится многоуровневой. Последовательный феноменологический анализ виртуальности позволяет рассматривать ее как недовоплотившуюся реальность, ввести представление о многоуровневой реальности. Более подробные исследования позволяют считать и саму виртуальность онтологически структурированной, выделить в ней различные бытийные подуровни: естественные, технические, культурные, духовные виртуальные феномены. Попытки определить существенные онтологические свойства виртуальности позволяют обнаружить в ней онтологическую «ущербность», отсутствие у виртуального бытия основных предикатов бытия реального. В работах С.С. Хоружего рассматривается связь виртуальности и неопределенности, виртуальность мыслится как «недород» бытия, невыраженность, недовоплещенность². В рамках онтологического подхода также выяснено, что виртуальность всегда определяет поле возможностей, но не просто предоставляет реальным объектам множество возможностей, а осуществляет переход к одной из них. Виртуальность действительна и объективна, она способствует реализации того, что соответствует законам природы или общественным законам, она всегда выступает дорогой к новой реальности. Существенными свойствами виртуальности являются кратковременность существования, неустойчивость, изменчивость, динамичность, неопределенность, способность влиять на реальные объекты или даже превращаться в них³. Особо отметим, что в рамках психологического подхода к исследованию виртуальности преимущественно анализируются микроситуации, в которых конкретный субъект, индивидуум погружается в сотворенную им самим или другими субъектами виртуальную среду, в то время как онтологический анализ позволяет оценить виртуальность как универсальный и глобальный феномен, определяющий существование множества природных и искусственных объектов.

Интенсивно проводимые в рамках виртуалистики исследования социальных систем сходятся на том, что общество в целом активно виртуализируется. Феномен виртуализации общества как принципиально новый глобальный процесс, отражающий реальные трансформации социума, анализировался А. Бюлем⁴, М. Поэту⁵, М. Вейстеном, А. Крокером⁶. Создание социальных моделей, использующих представления виртуалистики, связано и с именами российских исследователей Д.В. Иванова⁷, К.К. Колина⁸, В.Н. Гасилина⁹.

Исследуя виртуальную реальность как глобальный феномен, нельзя не обратиться к осмыслению его и как неотъемлемого спутника культуры. Культурологическое исследование виртуальной реальности постулирует, что вся мировая культура определенным образом связана с творимыми человеком виртуальными мирами. Гносеологический, познавательный аспект человеческой деятельности может быть описан и описывается на основе творения виртуальных миров. Виртуальная реальность создается творцом-художником, творцом-музыкантом, творцом-поэтом, творцом-ученым и обладает всеми существенными свойствами виртуального бытия. Виртуальные культурные феномены связаны с процессами свободного становления, возникновения принципиально новых структур, столь характерных для творчества, и любой субъект культуры не может обойтись без них в процессах создания или потребления культурных объектов.

Исследуя сотворенную виртуальную реальность, мы констатируем, что ее существование и заметное проявление в значительной степени связаны с появлением единого информационного поля, с созданием глобальной инфотехносреды¹⁰, являющейся результатом совместного действия всех информационных технических систем и средств коммуникации, в том числе и Интернета. Инфотехносреда обладает беспрецедентно сложной структурой, элементами связи которой и важными составляющими являются мощные виртуальные потоки, условно разделяемые нами на виртуальные коммуникации, виртуальные источники информации, виртуальные научные изыскания и виртуальные развлечения.

ния. Виртуальные коммуникации, в свою очередь, можно разделить на финансовые, экономические, социальные, культурные, межличностные. Они определяют существование и деятельность реальных социальных объектов. Например, функционирование современной банковской системы невозможно без виртуальных денег, виртуальных банковских операций, осуществляемых посредством направленных виртуальных финансовых потоков. В результате возникают всемирные виртуальные *Метарынок* и *Метабанк*, приводящие к становлению *Метакапитализма*, меняющего жизнь реального социума.

В настоящее время основная масса информационно-коммуникационных потоков перемещается внутри инфотехносреды и именно благодаря ее существованию. Главной особенностью всех распространяющихся в инфотехносреде виртуальных потоков, вне зависимости от их функций, является то, что все они направлены на взаимодействие всего социума, определенных социальных сообществ или отдельных личностей. Поэтому все виртуальные потоки мы определяем как *виртуальные социальные взаимодействия*. Совместное когерентное действие всех элементов инфотехносреды, в основании которой лежат всемирные компьютерные сети, определяет существование единого глобального виртуального пространства со следующими свойствами:

- 1) в нём «помещаются» все сотворенные виртуальные феномены;
- 2) осуществляются виртуальные «взаимодействия», перемещаются виртуальные потоки;
- 3) это пространство с нетривиальной топологией и неопределенной, динамически меняющейся размерностью.

В самом деле, размерность любого сотворенного виртуального пространства позволяет помещаться в нем не только встречающимся и в природе одномерным, двумерным и трехмерным объектам, но и объектам большей размерности, создаваемым новейшими компьютерными технологиями или человеческим воображением. Возможная многомерность – одно из основных отличий виртуального пространства от реального физического. Размерность виртуальных по-

строений и размерность самого виртуального пространства могут динамически меняться в соответствии с желаниями и возможностями создающих их субъектов. Именно для подобных пространственных построений в неклассической геометрии введено понятие *топоса* – пространства с переменной размерностью и нетривиальной топологией¹¹. Топосы представляются обобщенными пространственными вместилищами для всех возможных переменных, динамически меняющихся, сверхсложных топологических структур. Подобные нетривиальные топологические объекты в настоящее время широко используются для объяснения и осмысления многих явлений, изучаемых виртуалистикой, при этом существенные свойства виртуальных феноменов анализируются на основе той принципиально новой динамики, которую приобретают в виртуальном мире топологические объекты. Проиллюстрировать подобную нетривиальную топологию можно, вспомнив работу П. Флоренского «Мнимости в геометрии», в которой он так описывал сложные мнимые пространства: «... мы наглядно представляем себе, как, стянувшись до нуля, тело проваливается сквозь поверхность <...> и тогда наступают качественно новые условия существования пространства <...> Все пространство мы можем представить себе двойным, составленным из действительных и совпадающих с ним мнимых гауссовых координатных поверхностей, но переход от поверхности действительной к поверхности мнимой возможен только через разлом пространства и выворачивание тела через самого себя»¹². Представить топос можно, и помыслив расширяющуюся или пульсирующую Вселенную с искривленным неизотропным неевклидовым пространством, содержащим в себе такие особенности, как «черные дыры», «кратовые норы» и сингулярности звезд.

Помимо размерности любое пространство обладает и такими характеристиками, как связность и непрерывность. Виртуальное пространство, создаваемое инфотехносредой, определяется существованием глобальных компьютерных сетей, состоящих из множества связанных сингулярностей, каковыми являются области локализации компьютер-

ных устройств. Киберпространство является только в тех «точках» реального пространства, где располагаются компьютеры или связанные с ними технические устройства, а исчезновение сингулярностей неизбежно приводит к исчезновению виртуального пространства. Подобные множества с бесконечно большим числом пространственно разделенных сингулярностей в математике называются фракталами, т.е. множествами с дробной размерностью. Для фрактальных множеств принято вводить не классическую евклидову целочисленную размерность, а дробную размерность, называемую фрактальной¹³, для них теряет смысл классическое определение таких основных характеристик пространственных объектов, как длина, протяженность, площадь. В настоящее время известно, что фрактальной структурой обладают многие естественные и искусственные физические объекты, в том числе всевозможные сети, например нервная сеть человека и животных, сети автомобильных и железных дорог, сети организаций. Сетевая структура Интернета с необходимостью предполагает фрактальность всемирной компьютерной системы, последняя, в свою очередь, обуславливает фрактальность пространства сотворенной виртуальной реальности, подобно тому, как фрактальность естественных объектов определяет фрактальность их математических образов. Сказанное означает, что пространство виртуальной реальности обладает неопределенной, динамически изменяющейся фрактальной размерностью, т.е. является пространством с нетривиальной топологией, топосом. Особо отметим, что существование виртуального пространства меняет и топологию социального пространства, например, сокращает, а иногда и удлиняет расстояния, приближает или удаляет объекты, связывает несвязанные до этого области и т.д.

В «связке» с виртуальным пространством выступает виртуальное время. Существует мнение, согласно которому виртуальности присуще свое собственное время. Во-первых, создавая виртуальную реальность, человек получает возможность объективировать способ, которым время является ему, т.е. самостоятельно создавать необходимую

длительность. Временные параметры компьютерной виртуальной реальности, например, задаются человеком и опосредуются компьютерными устройствами, произвольно устанавливается временной масштаб и в виртуальных построениях собственно человеческого сознания. Если процессы в природе протекают в реальном физическом времени, а координация между ними в сознании формируется в рамках естественной установки временного восприятия, связанной с привычными человеку природными явлениями, то при конституировании виртуальной реальности возможно устанавливать любые временные масштабы и длительности, удобное временное протекание событий.

Развертывание спроектированных в виртуальной реальности объектов и процессов уже содержит в себе предварительно заложенные параметры времени. Возможность делать со временем все, что угодно, – особенность творения виртуальной реальности и погружения в виртуальное пространство, парадокс виртуального бытия. Подобное свойство можно определить на языке синергетики, в которой существование определенных пространственных и временных масштабов называется скейлингом. В случае виртуального времени скейлинг однозначно не определен, произволен, не является объективным свойством происходящих процессов. Мы будем говорить, что виртуальному времени свойственен *индетерминированный скейлинг*. Как правило, течение времени в виртуальном пространстве ускоряется благодаря огромной скорости распространения информации. Даже в тех случаях, когда временные масштабы специально не выбираются, виртуальные времена оказываются существенно меньшими времен протекания аналогичных реальных процессов. Отметим, что виртуальное время оказывает заметное влияние на время социальное: под влиянием первого второе тоже заметно ускоряется, все более и более влияя на реальность. Так, процессы и операции, на которые до глобальной компьютеризации требовались дни или даже месяцы, благодаря существованию Интернета происходят в течение нескольких минут или даже секунд. Однако в ряде случаев виртуальное время замедляется. Чаще всего необходи-

мость замедления временных масштабов возникает при проведении компьютерных экспериментов с процессами, имеющими малую длительность в природе (например квантово-механическими) и приобретающими в результате задания удобных временных масштабов численного моделирования большую, удобную для человеческого восприятия.

Важным представляется следующий факт. В некоторых случаях течение времени в виртуальном пространстве может обращаться, возникает инверсия времени, движение вспять, при этом возможны путешествия не только в будущее, но и в прошлое. Многие процессы, которые в реальном мире являются необратимыми, в виртуальной реальности могут обращаться. Так, обратимость времени – важное и удобное свойство компьютерного моделирования естественных процессов в физике, время с легкостью обращается и в творящем виртуальные феномены человеческом сознании. Обратимость виртуального времени делает виртуальную реальность более симметричной и в некотором смысле более совершенной, чем физическая реальность. В виртуальном пространстве возможны даже ситуации, когда время исчезает вообще. На феномен «исчезновения времени» в «виртуальных ситуациях» впервые обратил внимание С.С. Хоружий. В самом деле, достаточно при изучении феномена времени каким-то образом добиться нарушения некоторых топологических структурных свойств – и оно перестает быть длительностью.

Выделенные свойства виртуальных пространства и времени существенно отличаются от свойств их реальных аналогов. Виртуальное пространство обладает многими свойствами не физического пространства, а идеальных математических, например большой или переменной размерностью. Виртуальное время аналогично идеальному времени, заложенному в основных физических законах, которые, как известно, ничем не обуславливают необратимость времени, появляющуюся только в реальности. В виртуальной реальности пространство и время достигают математической «чистоты», поскольку непосредственно не зависят от чувственного опыта человека, а существуют в специально

построенном, математически фундированном мире, передающем виртуальным пространству и времени свойства идеальных. Таким образом, виртуальное пространство всегда топологически нетривиально, часто динамически меняет размерность и связность, может оказаться фрактальным и, по сути своей, является топосом; виртуальное время инверсно и обладает индетерминированным скейлингом (неопределенным временным масштабом).

Наличие собственного пространства и времени является основой существования единого виртуального мира, который имеет смысл назвать «*виртосферой*». Под виртосферой мы будем понимать всю совокупность сотворенных человеческой деятельностью виртуальных феноменов, виртуальную «оболочку» Земли, существующую в виртуальном пространстве и виртуальном времени; глобальный мир сотворенной виртуальной реальности¹⁴. Подчеркнем, что творение отдельных виртуальных феноменов и виртуальных миров всегда сопровождало умозрительную человеческую деятельность, однако образование единой виртосферы стало возможным именно благодаря существованию всемирной инфотехносреды. Сеть Интернет, средства массовой информации, электронные средства связи, рекламные и сети виртуальных организаций соединили множество сотворенных виртуальных феноменов в глобальное образование, сделали мир виртуальных объектов «плотным». Заметим, что, в более широком смысле, виртосферой следовало бы назвать виртуальный мир, включающий в себя помимо сотворенных человеческой деятельностью виртуальных технических и культурных феноменов и естественные, физические виртуальности. Однако изучение виртосферы в этом смысле мы оставляем для перспективных исследований.

Виртосфера – не просто новый универсальный феномен, а целый «рукотворный» мир, создаваемый для нужд человечества первоначально «по образу и подобию» реального мира, но уже теряющий это подобие и, благодаря существованию обратной связи, уже сейчас оказывающий на реальный мир существенное воздействие. В результате появления виртосферы вся система коммуни-

каций и отношений, а также интеллектуальные ресурсы, накапливаемые в результате всеобщей человеческой деятельности, связываются в единую глобальную структуру. Виртуальный мир не только не уступает актуальному по своей глубине, по масштабам доступа к источникам информации, по возможностям коммуникаций, по созданию образов и произведений искусства, по возможностям научного познания, по включенности любого человека в происходящие события, но, возможно, и превосходит последний.

Можно предположить, что с усложнением информационных технологий виртуальный мир все более и более будет приобретать качества реального мира. То, что мы сейчас понимаем как виртуальный образ внутри виртуального мира, в будущем вполне может стать неотличимым от вещей, предметов, реальных феноменов. Гипотетически, усложнение посредством новейших компьютерных технологий виртуального мира до такой степени, что внутри него невозможно будет провести различие с миром вещным, приведет к нивелированию критерия «недоделанности», «недовозникновения», «недовоплощения» как существенного свойства виртуальных объектов. Существование единого виртуального мира, обладающего особыми онтологическими свойствами, меняющего характеристики реального пространства и времени, заставляет по-новому осмыслить многие онтологические и социальные феномены и перспективы развития человечества.

Примечания

- ¹ См.: Носов Н.А. Психологические виртуальные реальности. М., 1994; Технологии виртуальной реальности. Состояние и тенденции развития / Под ред. Н.А.Носова. М., 1996; Носов Н.А. Манифест виртуалистики // Тр. лаборатории виртуалистики. Вып.15. М., 2001; Носов Н.А. Виртуальная психология // Тр. лаборатории виртуалистики. Вып.6. М., 2000.
- ² См.: Хоружий С.С. Очерки синергийной антропологии. М., 2005.
- ³ См.: Афанасьева В.В. Тотальность виртуального. Саратов, 2005.
- ⁴ См.: Buhl A. Die virtuelle Gesellschaft. Opladen. 1997.
- ⁵ См.: Becker B., Paelau M. Viralisierung des Sozialen Die Informationsgesellschaft zwischen Fragmentierung und Globalisierung. Frankfurt a/M., 1997.
- ⁶ См.: Kroker A., Wetnstem M. Data trash. The Theory of the virtual class. Montreal, 1994.
- ⁷ См.: Иванов Д.В. Виртуализация общества. СПб., 2000.
- ⁸ См.: Колин К.К. Глобальные проблемы информатизации: информационное неравенство // Alma mater: Вестн. Высш. шк. 2000. №6; Он же. Социальная информатика. М., 2003.
- ⁹ См.: Гасилин В.Н., Тягунова Л.А. Виртуализация социума. Саратов, 2007.
- ¹⁰ См.: Шеховцев А.Ю. Информационное пространство человека в координатах межцивилизационной парадигмы // Информационная цивилизация: пространство, культура, человек / Под ред. В.Б. Устьянцева. Саратов, 2000. С.25–32.
- ¹¹ См.: Акчури И.А. Виртуальные миры и человеческое познание // Общетеоретические и логические проблемы виртуальных миров. М., 2003. С.12.
- ¹² Флоренский П.А. Мнимости в геометрии. М., 1991. С.61.
- ¹³ См.: Mandelbrot B.B. Fractals: Form, Chance and Dimension. San Francisco, 1977.
- ¹⁴ Интересно, что в квантовой механике существует представление, согласно которому каждая реальная микрочастица окутана «шубой» из виртуальных частиц, благодаря которой и возможно взаимодействие с другими частицами. Похоже, что в подобную же виртуальную «шубу» окутана и вся наша планета, да и каждый человек в отдельности.

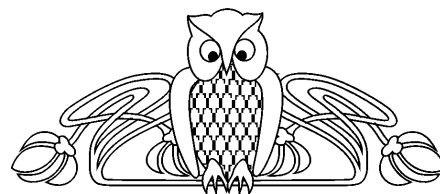
УДК 101:004

ЯЗЫК В КОММУНИКАТИВНЫХ СТРУКТУРАХ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Ж.Ю. Бакаева

Рузаевский институт машиностроения (филиал)
Мордовского государственного педагогического института
E-mail: jannasar@yandex.ru

В статье анализируются тенденции и закономерности развития языка как целостной информативной системы, с учетом определенного режима его существования как совокупности элементарных информационных составляющих языка (слов, знаков). Проводя параллель между информационными структурами, – информационный процесс, информационная деятельность и информационная технология, – и взаимосвязями

между ними, через коммуникации можно вывести определенные режимы их существования.

Ключевые слова: информативная система, информационный процесс, информационная деятельность, информационная технология, структура, режим существования, коммуникации, закономерности информации, дискурс.

Language in the Communicative Structures of the Information Society

J. Y. Bakayeva

In this article the tendencies and conformities of language development as a complete informative system, taking into consideration the definite regime of its existence as a totality of the elemental information composites of a language (words, notes) are analyzed. Comparing information structures, such as information process, information activity and information technology and their correlation through the communications we can deduce the definite regimes of their existence.

Key words: informative system, information process, information activity, information technology, structure, existence regime, communications, conformities of the information, discourses.

Психология и менталитет народа включает в себя определенные культурологические константы, которые формируются на противопоставлении ограниченных (национальных) и всеобщих (общечеловеческих) составляющих. Истоки этих составляющих формируются, во-первых, по типу отношения человека к миру (самотрансцендентности или типу рациональности), во-вторых, под влиянием культурно-типических (самотождественности) факторов. Выявление этих взаимосвязей необходимо для понимания того, по каким каналам и каким способом поступает информация в информационное пространство, т.е. как пополняется информационный объем – количественная характеристика информационных процессов. Информационный объем структурирует и организует механизм передачи информации в рамках влияния мысли на язык.

Поведение индивидуумов определяется сообщениями, поступающими из окружающей среды, которые имеют сложную форму. Элементарная структура этих сообщений в части, касающейся последующих реакций индивидуумов, определяется психофизиологическими свойствами «приемника». Наряду с непосредственно поступающими сообщениями следует выделять сообщения, удаленные во времени или в пространстве и воспроизводимые в окружающей среде путем использования пространственных (например передача) или временных (например запись) каналов связи. Между пространственными и временными сообщениями можно установить соответствие путем использования про-

цесса развертки. При этом происходит последовательная выборка различных точек некоторой пространственной структуры, расположенных в определенном порядке. Эти сообщения измеримы, причем мерой служит количество информации, выражающее их оригинальность, т.е. передаваемую сообщениями степень непредсказуемости. К этой мере количества информации в рамках процесса развертки можно отнести символы, образы и копии объектов. Они являются одними из основных понятий среды, в рамках которой осуществляется отражение. Эти представления являются основанием коммуникативных процессов. Трансформация информации в знаки и символы определяется, во-первых, тем, что знак выполняет функцию указания на внешнее и внутреннее сходство сравниваемых объектов культуры. Внешнее сходство фиксируется в маркировании определенных вещей одним и тем же знаком, внутреннее – устанавливается характерным для знака отношением обозначаемого к обозначаемому. Знак не имеет прямого сходства с обозначаемым. Он выделяется и обобщается с помощью иного сходства объектов – по приметам. Каждое сходство между объектами, будучи воспринятым людьми в качестве значимого, наделяется определенной приметой – визуальной, интонационной, чувственной. Когда устанавливается сходство объектов в целом, образуется совокупность фиксированных меток, налагаемых на поле сравнения, то есть на сравниваемые, обозначаемые. Когда во множестве ситуаций сравнений такие приметы складываются в устойчивую совокупность, им придается форма знака. Знак является значимым в той мере, в какой между ним и тем, на что он указывает, имеется какое-либо подобие (например, дорожные знаки, знаки социальных различий, нотные имеют подобие тех восприятий, которыми порождается необходимость соответствующих обозначений)¹. Однако знак не эквивалентен обозначаемому, то есть не состоит с ним в отношениях полного соответствия.

Символические области структурируются в культуре с помощью различных антропологических механизмов. Символом называется объект, стереотип поведения, слово,

указывающие на некую значимую для человека, природную область реальности, созданную людьми, связанную с психическими состояниями или переживаниями и имеющую предметную выраженность, отличную от символической представленности. Наиболее социально значимыми символами в культуре являются лингвистические комбинации артикулированных звуков или письменных знаков. Они могут представлять почти любые значения² Таким образом, символ как определенное количество информации выражается через логарифм числа возможных сообщений, обладающих одинаковой видимой структурой, между которыми передатчик должен был произвести *выбор*. Для данного числа символов количество информации достигает своего максимального значения, если структура «языка», определенная этим набором символов и использованная в канале передачи (а в известных случаях, и индивидуумом), такова, что все символы имеют одинаковую вероятность появления (равновероятные символы). Информация, таким образом, есть величина, существенно отличная от значимости (signification) и не зависящая от последней: сообщение с максимальной информацией может казаться лишенным смысла, если индивидуум не способен его декодировать и тем самым привести к понятной форме. В общем случае понятность сообщения меняется обратно пропорционально его информации. По существу, информация есть мера сложности форм (pattern), предлагаемых восприятию. Понятия сложности и информации некоторой структуры, формы или сообщения являются синонимами.

Жизненная среда человека – это не просто совокупность природных, созданных людьми объектов, но и мир символов, объединяющих этот объем и связанные с ним переживания в значимые для людей целостности. Символизации, символический уровень культуры порождаются и существуют в процессах совместной жизни и деятельности людей в качестве источника интерсубъективно «легитимированных» (разделяемых, признанных сообществом) объектов, используемых людьми в коммуникативных процессах. Формирование символов является тем социо-

культурным механизмом, который придает конвенциональность (некоторую негласную договоренность о взаимоприемлемости) культурным ситуациям, то есть делает их понятными, определенными, с точки зрения организации социального взаимодействия. Символы, таким образом, указывают на существование культурных порядков как специально выделенных организованных культурных форм, объединяющих условия, процессы и отношения соответствующих этим формам действий и взаимодействий. Каждая область социокультурной жизни имеет собственную символизацию. Такого рода связи структурируют специфику ориентации и определяют выбор единиц из существующих символических систем в определенных ситуациях. Они имеют как универсальные для человека, так и культурно специфичные компоненты, сочетание которых определяет способы конструирования, восприятия и выражения людьми переживаний своего конкретно-исторического существования. Они порождают значения обозначающих, которые задаются как «истинные», априори заданные, неоспоримые. Ощущение их наличия обеспечивает поддержку для проведения различия между тем, что имеет и не имеет значения для практических, аффективных (эмоциональных) или интеллектуальных целей.

Специфика символической среды по отношению к идеациональной (состоящей из идей и образов) заключается в природе составляющих ее элементов. Символы обнаруживают себя как культурные феномены, лишь выражая свою связь, свое отношение с обозначаемым объектом. Таким образом, символ представляет в фиксированной культурной форме разделяемое людьми, общее для них представление через наиболее устойчивые и характерные для него черты, знаки, доступные для выражения, способы экспликации связей между реальностью и ее рациональным представлением.

Концепция символа возникает при осознании того, что обозначаемое и означающее имеют различную природу. Обозначаемое существует в своей имманентности вне зависимости от своего естественного или искусственного происхождения. Обозначающее в

функциональном отношении несамостоятельно без обозначаемого, однако в культурном поле как объект существует в выразительной форме (слова, изображения, жесты и т.п.).

Категория «смысл» указывает на необходимость установления связи между восприятием и символическим выражением, на обязательную интересубъективность в определении структурности связи.

Особое место принадлежит области воображаемого, которая не соответствует ничему воспринимаемому (реальному) или мыслимому (рациональному). Сложность заключается в том, что в случае воображаемого можно обнаружить то обозначаемое, к которому относится обозначающее, поскольку его «способ существования» является, по определению, способом небытия. Однако символ существует вне зависимости от того, обозначает он нечто реальное или воображаемое. Он существует в том смысле, что может быть включен в дискурс в соответствии с некими априорно заданными конструктивными правилами. Но совсем необязательно, чтобы символические построения имели значение, смысл с точки зрения соответствия реальности³.

В заключение можно сказать, что коммуникативные процессы невозможны без изучения языка с точки зрения его традиционной теории. Слово есть одно из его составляющих и определяется знаком как элементом информации. Значение слова в ней есть известное отображение предмета, явления или отношения в сознании, входящее в структуру слова в качестве так называемой внутренней его стороны, по отношению к которой звучание слова выступает как материальная оболочка, необходимая не только для выражения значения и для сообщения его другим людям, но и для самого его возникновения, формирования, существования и развития.

Заключая в себе стабильные значения, с одной стороны, единицы и фигуры языка систематически подвергаются инновациям благодаря отражению сознанием постоянно изменяющейся реальности, развитию структуры мысли, работе органов речи, языковой

интерференции, с другой стороны, любые инновации узакониваются только в том случае, если они не противоречат традиции, не нарушают естественно-исторического языкового уклада. Вследствие таких противоречий значения единиц и фигур языка (образов и символов), как правило, не имеют абсолютного соответствия той информации, которая подлежит передаче, причем это несоответствие возникает не только у слушающего, но и у говорящего в момент заполнения языковых фигур вербальной информацией. Это заполнение никогда или почти никогда не исчерпывает полностью содержания мыслительной информации индивидуумов, говорящих на этом языке, ибо в результате мыслительной деятельности происходит слияние содержания языковой памяти с содержанием отраженного «кусочка» объективного мира, и язык, несмотря на феноменальную способность его единиц к обобщению, не в состоянии вместить одновременно весь этот колоссальный информационный арсенал.

Механизм передачи языковой информации связан с тремя информационными уровнями в функциях языка. Первый – конституативный (функция или функции, определяющие природу языка) – атрибутивный и функциональный природы информации, второй – субуровень (функции отдельных составных элементов языка) – количественный аспект информации (по М.М. Бонгарду) и третий – эпиуровень (употребление языка в конкретных ситуациях) – качественный аспект информации (А.К. Айламазян). Конституативные функции языка связаны с мыслеобразующей функцией, характеризующейся определенным уровнем информации и перемены человеческой деятельности в информационном обществе. Культура фиксирует социально-исторический опыт в форме различных знаковых систем, имеющих смысл и значение. Динамика культуры связана с формированием мировоззренческих универсалий⁴. В них выделяют блок универсалий, характеризующих человека как субъекта деятельности, структуру его общения, его отношений с другими людьми и обществом в целом, к целям и ценностям социальной жизни.

Одной из этих универсалий являются коммуникации как информационный дискурс знаковых систем. Элементами знаковых систем являются коды и символы. Информационный дискурс рассматривается в рамках отношений знаков к их содержанию как режим существования объектов. По М. Фуко, «дискурс» не столько способ организации отношений между «словами» и «вещами», сколько установление, обуславливающее режим существования объекта. М. Фуко выделяет такие формы восприятия, основанием которых является дискурс об опытах-пределах субъекта в качестве режима его существования в конструкциях знания⁵. Трансформация в постмодернизме осуществляется через феномен культуры – технику, позволяющую использовать системы знаков (коммуникации). М. Фуко приходит к парадигме собственной «археологии», выясняющей условия возможности происхождения и существования различных феноменов человеческой культуры. Западный человек смог конструировать себя в собственных глазах в качестве объекта науки, он взял себя внутри языка и дал себе в нем и через него некое дискурсивное существование лишь в соотношении со своей собственной деструкцией. Опыт-предел режима существования определяет смысловые акценты знаковых систем. Анализ формирования знаковых систем определяет задачу коммуникаций как процессы кодирования и декодирования информации. Язык в рамках коммуникативности определен как совокупность знаков, определяющих мир коррелятом сознания. Следовательно мир осознается каким-либо (например речевым) образом в процессе «нюансирования – проецирования информации».

Язык в рамках информационного общества трактуется не только как инвариантный конструкт, но и как определенная игра. Языковая игра – это определенная модель коммуникации или конституция текста, в которой слова употребляются в строго определенном смысле, что позволяет строить непротиворечивый контекст. Речь не только служит выражением идей, она устанавливает отношения и связи. Речь образует между от-

дельными людьми, группами или нациями жизнеспособные взаимоотношения партнеров, вступающих в диалог. Реальность открывается нам в диалоговой обращенности к нам самим и утверждается в наших ответных поступках. Реальность это не поток, текущий вниз, под мосток, а поток, протекающий через нас. Э. Гуссерль выделяет в рамках этого процесса реальность как «данность» и «интенциональность», где дискурс определен метрическими отношениями информации (безотносительностью и условностью связей) и направлен на создание объективного и императивного речевого пространства. Речевое пространство определяется фундаментальными взаимоотношениями, устанавливаемыми речью, образуя единство и определяя исход.

Взаимодействия знаковых систем определяет процесс познания через концепцию «знаковых проводников». Человеческое мышление трактуется в смысловых отношениях как субстанциональный разум и разум как процесс. Социальный конструктивизм Ж. Дерриды и Ф. Соссюра понимает ментальные процессы как результат межличностного взаимодействия – «метафизической» реальности, где дискурс определяется топологическими отношениями информации (смежности и сходства связей) и направлен на создание субъективного пространства.

По мысли Ж. Дерриды, отталкиваясь от представления знака в средневековой традиции, можно выделить две его ипостаси. С одной стороны, знак определялся как метафизический, а с другой стороны, он вышел за пределы этого представления, расширив границы своей сущности.

Примечания

¹ Глебкин В.В. Наука в контексте культуры. М., 1994. С.45–53.

² Гиндин С.И. Семантика текста и различные теории информации // Журн. науч.-техн. информ. 1971. №10. С.6–8.

³ Пирс Ч. Логические основания теории знаков. М., 2000. С.34–45.

⁴ Философская и культурно-типическая антропология: культурно-типическая модель науки / А.А. Гагаев, П.А. Гагаев. Саранск, 2003. С.105–154.

⁵ См.: Фуко М. Археология знания. Киев, 1996.

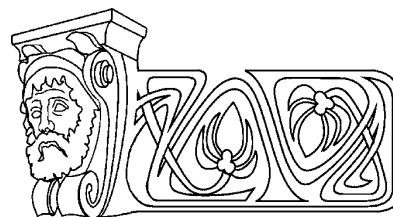

УДК 111

ОПРАВДАНИЕ ОТСУТСТВИЯ В ЭСТЕТИКЕ: ГЕГЕЛЬ И АНАКСИМАНДР

М.А. Богатов

Саратовский государственный университет
E-mail: m_bogatov@mail.ru

В данной статье автор обращается к возможному проекту альтернативной – по отношению к существующей – эстетики. С помощью работ Гегеля (исследование категории «сущности») и некоторых фрагментов Анаксимандра воссоздается особое онтологическое положение произведения искусства, отличающее его от всего остального сущего. Исключительно произведение искусства может претендовать на онтологическую самостоятельность, в то время как остальное сущее бытует посредством указания друг на друга.

Ключевые слова: эстетика, Гегель, Анаксимандр, отсутствие, сущность, произведение искусства.

The Justification of Absence in Aesthetics: Hegel and Anaximander

М.А. Bogatov

In this article the author to take note of the project of possible alternative aesthetics. With the aid of Hegel's works (category of "essence") and some Anaximander's fragments construct unique ontological location of the work of art, that distinguish the work of art from other sort being. Only the work of art be able pretend to ontological self-dependence, the other sort of being existence follows indication to each other.

Key words: aesthetics, Hegel, Anaximander, justification, category of essence, work of art.

Кант называет эстетическую способность суждения рефлексивной, а не полагающей (определяющей). В этом смысле чрезвычайно интересно было бы посмотреть возможный проект эстетики, основываемой Кантом, не с позиции возвышенного, но со стороны того, что есть рефлексия и как она может быть понята. В зависимости от этого понимания трансформируется замысел и смысл эстетического поля во внутримирном пребывании. Более того, прояснение возможного понимания рефлексии в любом случае покажет дополнительные механизмы установления бытия произведения искусства. Ж. Ипполит подвергает критике позицию Канта¹. Из этой критики, стремящейся продемонстрировать ход мысли Гегеля и соответствующую этой мысли последовательность, в качестве радикального продолжения

и, вместе с тем, преодоления кантовского понимания рефлексии², нам необходимо выделить такой существенный момент, – *рефлексия возможна при предположении неопределенности своего содержания*, т.е. того, над чем рефлексировается; *неопределенность эта полагает определенное бытие* – причем определенное таким способом, что бытие это чуждо рефлексии. Отсюда без труда можно продемонстрировать, о чем идет речь в этой критике, применительно к *политическому* установлению эстетического поля. Рефлексия здесь есть то, что ограничивает полагание возвышенного в природе, возвращая нам лишь аналогию нашего внутримирного пребывания. Исходя из этой гегелевской критики кантовского понимания рефлексии, можно сказать, что рефлексия не просто *ограничивает* полагание возвышенного в природе, но она определенным образом *полагает* (вопреки кантовскому разделению на полагательное и рефлексивное мышление) то, что Кант называет возвышенным в природе, не собственно возвышенным в качестве такого, которое само по себе, *исходя из своего собственного*, бытует ограниченно. Произведение искусства, представая на эстетическом поле, установленном трансцендентально, утверждается в качестве внутримирно пребывающего, то есть эстетическое поле омирщает то, что называется произведением искусства в силу своей трансцендентальной установленности: мы имеем дело сначала с неким *вообще*, через которое только и обретается возможность увидеть (поскольку речь идет о видимости) *это вот*. Вопреки расхожим логическим представлениям ограничением здесь выступает не сведение большего к меньшему, не сведение одного ко всем³, но *редукция определенного (вот этого) к неопределенному (вообще)*. Согласно критическим замечаниям Ипполита, *рефлексия пола-*

гает подобную редукцию в само бытие (бытие самого) того, над чем рефлексия осуществляется. Само подобное полагание есть не что иное как ограничивающее предостережение, не позволяющее произведению искусства видаться на эстетическом поле иначе, чем произведением искусства вообще, соответственно, речь идет о рефлексии как целенаправленной подмене того, что Гегель называет в-себе, тем, что именуется Гегелем для-себя (в отношении произведения искусства). В этом контексте станет понятен смысл исследования гегелевского хода мысли здесь: «"Я" или становление вообще, этот процесс опосредствования, в силу своей простоты есть именно становящаяся непосредственность и само непосредственное. Разуму поэтому отказывают в признании, когда рефлексия исключают из истинного и не улавливают в ней положительного момента абсолютного. Она то и делает истинное результатом (позиция Канта. – М.Б.), но точно так же и снимает эту противоположность по отношению к его становлению (вводимая Гегелем полагающая роль рефлексии. – М.Б.); ибо это становление в такой же степени просто и поэтому не отличается от формы истинного, состоящей в том, чтобы истинное показало себя в результате как простое; больше того, оно в том и состоит, что уходит назад в простоту»⁴. Иначе говоря, вопрос стоит так: что будет там, где эстетическое суждение рефлексивного *полагает*? С чем ему придется тогда иметь дело?

Это редуцирующее ограничение, сводя *это вот* произведения искусства к неопределенности произведения искусства *вообще*, т.е. к месту эстетического поля внутримирного пребывания, осуществляется, конечно же, не как логическая операция обобщения, когда мы из понятия *романа Кафки* убираем признак (Кафку), чтобы получить *просто роман* или *роман вообще*. Скорее, речь идет об определенном предпосылаемом ограничении (политическому установлению) понимании того, что есть бытие произведения искусства. Неопределенность *вообще* ограничена по отношению к расширенному *этому вот*. Смысл этого (нелогического) соотношения заключается в вопросе: чем может

ограничить бытие произведения искусства *вообще* бытие *вот этого вот* произведения?

Ситуация досократическая – не без соотнесения ее с гегелевским ходом мысли. Для этого необходимо вспомнить известный фрагмент Анаксимандра, а также известный и подробный (нефилологический) комментарий на него Хайдеггера⁵: «А из каких [начал] вещам рождение, в те же самые и гибель совершается по роковой задолженности, ибо они выплачивают друг другу противозаконное возмещение неправды [=ущерба] в назначенный срок времени»⁶.

Анаксимандр говорит о том, что дар рождения одаряет виной за определенность, т.е. родившийся, поскольку он стал *этим вот*, лишается своего бытия *вообще* (в становлении *этим вот*), в чем и повинен; определенность этого *вот повинна*⁷. Теперь необходимо взять другой текст, уже Гегеля, из его «Лекций по философии права»: «Лишь благодаря решению человек вступает в действительность, как бы тяжело это ему ни было, ибо косность не хочет выходить из состояния глубоких размышлений, в которых она сохраняет всеобщую возможность. Но возможность еще не есть действительность. Поэтому воля, уверенная в себе, не теряет себя в определенном»⁸.

Здесь необходимо отметить, что речь идет о *ситуации вступления в действительность*, которая есть *ситуация вступления в определенное*. То, откуда осуществляется это выступление, – *состояние глубоких размышлений*, которое есть *состояние всеобщих возможностей*. Определиться – значит перейти от всевозможного, соответственно, глубоких размышлений к действительному. Налицо ситуация противостояния Анаксимандра, о котором Гегель не упоминает в своей «Истории философии», и Гегеля, причем, думается, противостояния *в одном и том же вопросе*.

В любом случае *начатое быть* требует иного онтологического отношения к себе, чем *вот-вот начинающее быть* – это верно как для Гегеля, так и для Анаксимандра. Причем стоит помнить о том, что сами эти способы бытия (начатое быть, соответственно, бытующее и начинающее быть) *не оцениваются сугубо этически*⁹ ни у Анаксимандра

(как то: повинно в грехе, в преступлении и т.д.)¹⁰, ни у Гегеля: и там, и там речь движется в рамках онтологии.

У Анаксимандра бытующее наделяется виной за свою временность, т.е., говоря в терминологии данного исследования, *бытующее наделяется виной внутримирного пребывания*. Производство искусства в таком случае, выступая на эстетическом поле в качестве *вообще*, самой формой подобного выступления обвинено¹¹. Это внутримирное пребывание именуется Анаксимандром ἀδικία, что традиционно переводится как *несправедливость*¹². Куда более адекватным соответствием в русском языке, сохраняющим двусмысленность юридического и неюридического толка сразу в одном слове, было бы использование слов *исправное* (δίκη) и *неисправное* (ἀδικία), в которых помимо того, что желает высказать Хайдеггер, еще звучит и *право*.

Перед нами возникает тема *поломки*, но, как кажется, нет причин говорить о том, что пребывающее на эстетическом поле в качестве произведения искусства, бытующее когда-либо или где-либо было *неполоманным, целым, годным*. Ведь, по сути дела, мы лишь в рефлексии получаем то, что полагаем поломанным, и, поскольку рефлексия есть не что иное как *возвращение*, то и кажется, что *изначальное* (бытующее до возвращения, неотрефлексированное) является *не поломанным*. Однако самого этого *не поломанного* мы зафиксировать не можем постольку, поскольку первичной фиксацией в мысли бытующего является уже фиксация в рефлексии, т.е. *возвращенное*. Мы всегда уже имеем дело с поломанным, но именно поэтому – не в силу *поломанности*, но в силу *уже* – мы и (пред)полагаем, что *поломанному* предшествовало *исправное*. Поэтому нет оснований создавать некое *состояние произведения до его вхождения в эстетическое поле*, при котором оно было бы *исправно и не поломано*: оно сразу там, как только начинает быть, и оно сразу же *поломано*: быть – это всегда уже, изначально и до конца *быть способом ἀδικία*; думается, именно это звучит в рассматриваемом фрагменте Анаксимандра. Здесь не место разбираться с тем, что кажет-

ся разлаженным, поломанным и неисправным в произведении искусства на эстетическом поле, однако стоит сказать, что *поломанность*, о которой здесь можно говорить, – это не та *поломанность* машины, которая должна была бы работать, да вот не работает, сломалась. *Поломанность* возникает в силу того, что произведение – это лишь *видимость* бытующего, причем *видимость составная*, поскольку выставлено во внутримирное пребывание будто бы ссылающимся на другое бытующее бытующим, т.е. тем, что мы называем *частью* произведения искусства.

Бытующее способом ἀδικία, т.е. внутримирно, произведение искусства неисправно, но никаким изначальным правом оно и не обладало, поскольку нигде кроме как внутри мира оно бытовать не может. Мы можем говорить, что оно определяется (как это имеет у Анаксимандра) в той мере, в какой определенным является всякое внутримирное сущее, иначе говоря, оно ссылается на другое и другое ссылается на него. Но поскольку это бытующее бытует *видимостью*, то и выходит так, что бытующее внутри мира ссылается на *видимость* как на такое же бытующее (одна *неисправность*) и *видимость* бытующего отсылает к другому бытующему так, будто само отсылающее бытует как бытующее (а не как *видимость* – другая *неисправность*). Производство искусства сломано не потому, что оно *само* неисправно, но потому, что внутримирно оно определяется *другим*, через *другое* и как *другое*¹³; и в *этом определении* другим оно показывает себя в качестве *поломанного бытующего*, само не являясь бытующим *в том смысле*, каким бытуют определяющие его другие бытующие¹⁴.

В переходе «Науки логики» от первой книги («Бытие») ко второй («Сущность») Гегель вводит раздел, который так и называется – «Переход в сущность». Здесь речь идет о той самой ситуации вступления в определенность, но уже не на антропологическом, но онтологическом уровне. Говоря языком Анаксимандра, речь идет об акте надления виной. Нас же это интересует, в первую очередь, как момент рефлексивного возвращения бытующего произведением искус-

ства на эстетическое поле. Гегель говорит о том, что «абсолютная неразличенность (*ἀρρίγον*. – М.Б.) есть последнее определение *бытия*, прежде чем оно становится *сущностью*, но она не достигает сущности. Она оказывается еще принадлежащей к сфере *бытия*, так как она, будучи определена как *безразличная*, имеет в себе различие как *внешнее*, количественное»¹⁵.

Если в пределах гегелевской логики имеет смысл говорить о непосредственном бытии (абсолютной неразличности) как о *последнем* определении бытия (поскольку Гегель начинал ранее), то в пределах эстетического поля произведение искусства в качестве неразличного бытия никогда не появлялось изначально. *Неразличенность* конструируется, исходя из рефлексии над вот этим, уже пребывающим произведением искусства; сам способ такой конструкции мы бы назвали *предположением* или *априорированием*. Иначе говоря, эстетическое суждение самым тем обстоятельством, что оно рефлексивно, предполагает, что данное ему в рефлексии произведение существовало до рефлексии в качестве неререфлексируемого; причем само это обстоятельство неререфлексируемости конституирует (а не конструирует) как таковую *данность* произведения искусства, во-первых; это же предположение дорефлексивного бытования произведения искусства в качестве данного освобождает тем самым и само эстетическое суждение в иллюзию его заданности до встречи с произведением искусства: будто эстетическое суждение существовало до встречи с произведением искусства на эстетическом поле точно так же, как само произведение искусства будто бы существовало до встречи с эстетическим суждением, во-вторых. Рефлексия полагает двустороннюю и обоюдную независимость произведения искусства и эстетического суждения друг от друга. Полагание этих двух моментов в их одновременности создает простор для того, что будет называться эстетическим полем.

В самом деле, *если предположить*, что произведение искусства обретает самого себя лишь в тот момент, когда оно сталкивается с эстетическим суждением, *если предполо-*

жить, что эстетическое суждение становится самим собой лишь в тот момент, когда оно сталкивается с произведением искусства, – как сразу же исчезает возможность для эстетического поля, равно как и для эстетики как таковой. В случае одновременного сопорождения эстетического суждения и произведения искусства все будет зависеть от самого момента сопорождения (взаимной конституции), который, при отсутствии всякого положенного до этого момента эстетического поля, не будет собственно эстетическим. В этом случае мы получаем одну из двух «эстетических» теорий, первая из которых полагает встречное порождение эстетического суждения произведением искусства и произведения искусства – эстетическим суждением в качестве *мистического*; вторая же говорит о концепции *открытого произведения*. В *мистической* теории удивительным и независимым от любой эстетики становится *случай сведения, случение* той мысли, которая станет эстетическим суждением (не ведая того), и того бытующего, которое станет произведением искусства (не будучи в таком роде изготовленным); далее рождается любая эстетика, которая, однако, не в силах будет никогда уловить само это случение, одарившее ее жизнью. В концепции *открытого произведения* важен сугубо негативный момент подчеркивания отсутствия любой заданности: если в *мистической* теории произведение искусства не знало о том, что оно произведение искусства (и то же верно в отношении эстетического суждения), но фактически было им (случение через связь произведения и суждения указывает на то, что есть), то в случае *открытого произведения* необходимо говорить о том, что бытующее и суждение, даже встретившись (способом *интерпретации*), так и останутся не произведением и не эстетическим суждением *после* своей встречи. Если *мистическая теория* не может объяснить момент рождения эстетики (поскольку в нем не конституировано никакого эстетического поля), но легко после этого момента порождает само эстетическое поле, то *концепция открытого произведения*, напротив, может говорить лишь в сам момент встречи, не будучи способной на кон-

ституцию эстетического поля ни до, ни после этого случая. В этом смысле *мистическая* теория *мифологична* (поскольку теряет свое начало вне пределов эстетики), в то время как концепция *открытого произведения перформативна* (или же речь может идти об *актуальном искусстве*). Как *мифология*, так и *перформанс* есть простое следствие отсутствия эстетического поля, иначе говоря, того самого рефлексивного предположения, разносящего по разные стороны произведения искусства и эстетическое суждение, и образующего тем самым между ними эстетическое поле, на котором бытующее в произведении (лишь) *видится*. В каком-то смысле, в качестве *запоздалого оправдания*, можно конечно говорить и так, будто сама мифология и сам перформанс есть пространства эстетического поля; с этим можно согласиться, но необходимо тогда делать оговорки: *мифология* – это *безначальное эстетическое поле*, где отсутствие начал необходимо понимать не столько исторически, сколько в качестве немыслимости сугубо эстетическим суждением того, что на таком поле происходит; перформанс (актуальное искусство) – это онтологически неосновываемое (невозделываемое) эстетическое поле, к которому эстетические категории применимы *лишь моментально*, а потому всегда *случайно*; иначе говоря, эстетическое суждение ничего не судит, но лишь способно ухватить меткую, сугубо техническую *дескрипцию*, а произведения искусства ничего в итоге не производит. Дескриптивность попытки создания эстетического поля из перформанса порождает *пустое многословие* концепции открытого произведения, в то время как безначалие мифологической теории выдает *замалчивание*. Пустое многословие перформанса, маскирующее отсутствие эстетической рефлексии (возможной лишь в пределах эстетического поля внутримирного пребывания), есть *остроумие* в метких оценках, которое по сути своей является подношением моменту – и не более, меткие оценки бьют в цель, но бьют лишь единожды, потому что на большее существование такая цель и не может претендовать – Ницше называет подобный способ мысли *журналистикой*. Мифологическое

замалчивание, напротив, скрывается в многозначительном (а потому совершенно незначительном – из-за невозможности выделить *вот это* значение, потому выдающее *все* значения) *пафосном* изречении того, что никогда не попадет в цель из-за отсутствия таковой. Но и то, и другое, как только что было сказано, являются не чем иным, как запоздалой попыткой оправдаться; само эстетическое поле здесь наличествует в качестве оправдания, т.е. само эстетическое поле здесь отсутствует: *мы оказываемся за пределами всякой возможной эстетики*. В то же время это – две позиции, остроумия и пафоса, кажущиеся противоположными и ведущие между собой непрекращающийся беспредметный (в силу отсутствия *места* для предмета, но отнюдь не самого предмета) спор, в котором они стоят друг друга, будучи обе вне эстетики. Здесь мы достигли лишь одного из множества возможных последствий применения гегелевской логики сущности на соотношение произведения искусства и эстетического поля.

Примечания

¹ *Ипполит Ж.* Логика и существование. Очерк логики Гегеля. СПб., 2006. С.136.

² Собственно Гегель напрямую обращается в «Науке логики» к тому противопоставлению определяющей и рефлексивной способностей из «Критики способности суждения» Канта в примечании к небольшому разделу о *внешней рефлексии* (см.: *Гегель Г.В.Ф.* Наука логики. М., 1999. С.440–442).

³ Говоря словами Хайдеггера, речь идет о том, что любое *вот* (Да) непременно является на горизонте усредненного понимания (внутримирного пребывания). И здесь эта усредненность по отношению к этому *вот* выступает ограничителем. Однако велика опасность смешать это понимание Хайдеггера с установкой Канта, согласно которой условия возможности предметов опыта есть условия возможности опыта вообще, т.е. я вижу это *вот* только потому, что могу видеть вообще. Однако здесь, думается, для Канта было бы ключевым в словосочетании *могу видеть вообще* не слово *вообще* (как понятие в гегелевском смысле, что Канту вообще было чуждо), но слово *видеть*. Тем самым, согласно Канту, *я могу видеть вот это потому, что я могу видеть*, в то время как согласно Хайдеггеру *я могу видеть это лишь потому, что я уже нечто увидел*, где принципиально нередуцируемым остается *нечто*, усредненная понятность бытия.

⁴ *Гегель Г.В.Ф.* Феноменология духа. СПб., 1999. С.10–11.

⁵ *Хайдеггер М.* Изречение Анаксимандра // Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге: Избр. ст. позднего периода творчества. М., 1991. С.28–68. Поскольку мы берем

эти тексты в связи с нашей проблемой и в контексте гегелевской философии, то любопытно привести соображение Хайдеггера на счет Гегеля по поводу этого фрагмента Анаксимандра: «Единственный западный мыслитель, мысля постигший историю мышления, – это Гегель. Он же как раз ничего не говорит об этом изречении Анаксимандра... Гегель понимает до-сократовских и до-платоновских философов как до-аристотеликов» (Там же. С.30).

⁶ Фрагменты ранних греческих философов. Ч. I. От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. М., 1989. С.127. Фр. I. В переводе А.В. Ахутина фрагмент звучит так: «[от тех самых], от которых рождение существующим, в те же самые и гибель им происходит по (взаимо)обязанности; ведь они со временем [если, оставаясь собой, превышают свою меру] получают возмездие друг от друга и возвращаются в свои пределы» (см.: Ахутин А.В. Античные начала философии. СПб., 2007. С.577).

⁷ Из чего, кстати, нисколько не следует, что онтологический статус «того, откуда вещам рождение» безвинен; о нем здесь вовсе не говорится. Здесь же уместно привести следующий фрагмент Гераклита (спасибо за напоминание о нем в этой связи А. Ахутину): «Солнце не преступит [положенных] мер, а не то его разыщут Эринии, союзницы правды» (см.: Фрагменты ранних греческих философов. Ч. I. С.220. Фр.52[94]).

⁸ Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С.79. §13.

⁹ Хайдеггер настаивает на том, что это невозможно уже потому, что «если для нас ходячие обороты из обихода специальностей (физика, этика, философия права, биология, психология) здесь неуместны, то там, где отсутствуют границы специальностей, там нет никакой возможности для преступления неких границ и для неоправданного

переноса представлений одной области в другую» (см.: Хайдеггер М. Изречение Анаксимандра. С.36). Совсем на полях можно было бы отметить, что эти слова Хайдеггера об изречении Анаксимандра отчасти вступают в конфликт с тем, что говорит само изречение.

¹⁰ Ср.: «...фраза Анаксимандра говорит о праве и несправедливости в вещах, о взыскании и пенях, об искуплении и расплате. В картину природы примешиваются моральные и юридические понятия» (см.: Хайдеггер М. Изречение Анаксимандра. С.35).

¹¹ Выше мы оставили вопрос о времени в этом высказывании Анаксимандра. Теперь можно было бы добавить: «сама форма подобного выступления обвинена *временем*» или же «сама форма подобного выступления обвиняет *временность*». Различие в этих возможных добавлениях указывает на сложность проблематики, требующей дополнительного исследования, решиться на которое в пределах данного не представляется возможным.

¹² Хайдеггер М. Изречение Анаксимандра. С.53–54.

¹³ Внутримирным бытующим через ссылочность в качестве внутримирного бытующего.

¹⁴ Определяющее и определяемое оказываются различной природой, а поскольку все определяющими всегда оказываются именно определяющие, определяемое объявляется неисправным, поломанным. Именно таков, кажется, принцип, согласно которому представители англо-американской аналитической философии критикуют то, что они же сами именуют metaphysics.

¹⁵ Гегель Г.В.Ф. Наука логики. С.419 (курсив Гегеля. – М.Б.).

УДК 165

НАУЧНАЯ РАЦИОНАЛЬНОСТЬ И КОНЦЕПЦИЯ КОГНИТИВНОГО РЕЛЯТИВИЗМА

Н.М. Голик

Саратовский государственный университет
E-mail: goliknina@mail.ru

Рассматривается актуальная проблема современной философии и методологии научного познания – проблема когнитивного релятивизма. Исследование данной проблемы предполагает конкретизацию теоретической основы феномена релятивизма в области научного знания.

Ключевые слова: эпистемология, научная рациональность, когнитивный релятивизм, плюрализм, несоизмеримость, истина, реализм, объективность.

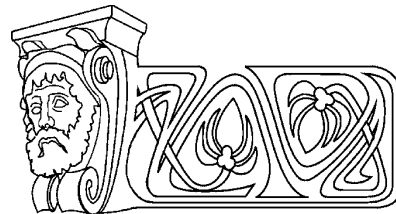
The Scientific Rationality and the Concept of Cognitive Relativism

N.M. Golik

Actual problems of modern philosophy and methodology of scientific cognition are examined – the problem of cognitive relativism. Research of this problem supposes the specification of theoretical basis of the phenomenon of relativism in area of scientific knowledge.

Key words: epistemology, scientific rationality, cognitive relativism, pluralism, incommensurability, truth, realism, objectivity.

© Н.М. Голик, 2009

Проблема релятивизма является одной из ключевых в современной философии. Особую актуальность она приобретает в эпистемологии, нуждаясь во всестороннем, глубоком анализе, в выявлении и осознании природы данного феномена, его типов, форм, видов, а также оценки его роли в познании. Исследование феномена релятивизма требует, на наш взгляд, включения в сферу анализа самого широкого круга проблем и вопросов философии науки: проблем «несоизмеримости» научных теорий, проблем плюрализма научной истины, анализ концепций интернализма, а также изучение взаимосвязи

релятивизма с пониманием рациональности научного знания.

При исследовании когнитивного релятивизма необходимо различать релятивность как характерную особенность, имманентную знанию (относительность, условность, изменчивость объекта знания), и «релятивизм как тенденцию абсолютизации релятивности знания»¹. Важно, что признание релятивности самого знания в познавательном процессе не снимает проблемы релятивности как таковой.

Классическая научная рациональность явилась фундаментом для создания идеального «образа науки». Под ее влиянием формировались такие фундаменталистские принципы, как объективность, истинность научного знания, его кумулятивность и универсальность. При этом в классической науке явление релятивизма отрицается во всех его формах, считается нужным искоренить его из познания, изыскиваются способы его предотвращения. Классическая научная рациональность преодолевает многообразие трактовок мира, приводя все к единству (в виде единственно верных концепций, теорий, парадигм). Но реальная наука никогда не была таковой. Об этом говорит Я. Хакинг, резюмируя идеи Куна: фундаментальным преобразованием в философской перспективе явилось рассмотрение науки как исторического явления: «наука живет во времени и является существенно исторической», наука больше не рассматривается как нечто единое – «науки разъединены. Они состоят из большого числа только отчасти пересекающихся малых дисциплин, представители которых с течением времени могут даже не понимать друг друга», о методологическом единстве не может быть и речи, «существует множество разрозненных средств, используемых для исследований различного вида», наконец, наука некумулятивна².

Это множество идей (по сути дела, релятивизм) в эпистемологии выразилось в проблеме «несоизмеримости», которая означает невозможность сравнивать, переводить соперничающие либо последовательно сменяющие друг друга теории. Выбор же между теориями во многом определяется личност-

ными, мировоззренческими и социально-психологическими предпочтениями. Я. Хакинг выделяет следующие виды несоизмеримости: несоизмеримость вопросов (тем, проблем), разобщение и несоизмеримость значения терминов (смысла)³. Их следствием является отказ от определения общепризнанных критериев рациональности. Стандарты рациональности (как и научности) полностью зависят от главенствующей в это время парадигмы. В этой парадигмальной зависимости, в преобладании социокультурных факторов в противовес когнитивным в познании и сокрыт источник релятивизма.

Соизмеримость, по мнению Р. Рорти, есть определяющее условие рациональности. «Под “соизмеримостью” я понимаю возможность подпадания под одно и то же множество правил, которые говорят нам, как может быть достигнуто рациональное согласие там, где, судя по всему, утверждения входят в конфликт». Отрицание же соизмеримости, а значит и общих оснований, «означает, что подвергается опасности рациональность»⁴.

Постмодернистская философия, настаивая на принципиальном плюрализме, отказывается от «единого Разума» в пользу разного рода множественности (смыслов, их связей, типов рациональности). Не существует ни единой верной концепции, ни «правильного мнения», все теории, дискурсы имеют место быть, все мнения заслуживают уважения. Становится очевидным, что в рамках концепции когнитивного релятивизма отрицается объективность – одна из основных характеристик научной рациональности. В результате, находясь на позиции релятивизма, истина утрачивает свое первостепенное значение для научного знания, перестает быть проблемой, становится контекстуальной, зависимой от времени, места и области применения. Таким образом, выводы современных эпистемологий идут вразрез с классическими взглядами на познание и истину и представляют серьезную угрозу для корреспондентной и когерентной теории истины. Утрата нормативности истины, в свою очередь, ведет к утрате четких границ и критериев истинности. Все это требует пересмотра и конкретизации понятий.

Когнитивный релятивизм – это *Zeitgeist* (дух времени), считают А. Сокал и Ж. Брикмон в своей скандально известной книге. Явлением релятивизма, оказывающим «влияние на культуру и на способ мыслить в целом», пронизан постмодернизм⁵. Однако, утверждают авторы, релятивизм есть не столь уж неизбежное следствие развития философской мысли, как полагают многие. Все дело в неверной трактовке. Истоки *Zeitgeist* в трудах философов науки К. Поппера, Т. Куна, П. Фейерабенда, а также в преувеличении их идей и в неумеренных обобщениях. Помимо этого, пишет Сокал, цитируя Э. Росса, релятивизм усиливает постоянная борьба постмодернизма «с философскими и культурологическими ограничениями больших нарративов Просвещения»⁶ и переполненность «развязностью по отношению к научной точности» многих современных философов⁷.

В современной эпистемологии феномен релятивизма переосмысливается и осознается с учетом возрастания его конструктивной роли в познании. Польза релятивизма, считает Н. Решер, состоит в предупреждении любого рода догматизма и всякой завершенности. Понимание проблемы релятивизма непосредственно связано с пониманием рациональности. Так, определяя границы когнитивного релятивизма, Решер анализирует концепцию рациональности. В отличие от радикальной формы «эгалитарного релятивизма» – «линии никакой рациональности», утверждающей бессодержательность понятия «рациональности», позиция Решера не ведет к отрицанию рациональности как таковой. Все же когнитивный релятивизм не приемлет единый суд разума, как, впрочем, и единственно правильного мнения, а проблема типов рациональности для релятивизма, с точки зрения Решера, является бессмысленной, так как альтернативные трактовки рациональности относительны. Из различных идей и мнений рационально выбираются собственные, на их основе происходит понимание чужой позиции, ее сравнение со своей точкой зрения. Так приходим к «критериологическому эгоцентризму», в котором собственные стандарты рассматриваются как оптимальные и адекватные в сравнении с дру-

гими существующими, а судьями разумности являемся мы сами. Однако это не означает одинаковое принятие всех вариантов, напротив, в рамках контекстуалистского плюрализма отрицается всякое уравнивание позиций по причине того, что «разумная личность не может относиться к нормальной позиции индифферентно – по самой природе вещей». Утверждение собственных стандартов рациональности, наиболее приемлемых, основывается, прежде всего, на нашем опыте, который «носит для нас рационально обязывающий характер»⁸. На нашем же опыте базируются и метакритериологические стандарты рациональности – успех, практическая выгода и польза – типичные характеристики прагматизма, которые, впрочем, не всегда приводят к правильным убеждениям. Однако именно эффективность, ведущая к реализации своих целей, логическая когерентность являются главными показателями рациональности поступка (действия).

Что касается проблемы истины, то, по словам Решера, эмпирический плюрализм не является препятствием в ее поиске. Достичь абсолютной истины, встать на путь идеализации не представляется возможным, в то время как следовать своим стандартам и убеждениям в наших силах. «Реальная истина», безусловно, существует, но действительность несовершенного мира такова, что налагает ограничения на эту истину. Вследствие этого мы принимаем нашу истину за «реальную», причем несколько не обедняя последнюю, а в некотором роде оценивая ее.

На позиции «радикального релятивизма» стоит и «нон-реалист» Н. Гудмен. Он признает возможность построения разнообразных трактовок мира (научных теорий), которые являются действительными и правильными. При этом «правильность» нашего описания обуславливает характер самой реальности, так как мы не обладаем объективным знанием о мире (каков мир есть сам по себе). «Правильность подгонки» исключительно в границах определенного варианта, системы замещает истину⁹. Критерии выбора систем содержат согласованность описания, его простоту, дедуктивную и индуктивную правильность и др. Необходимо отметить,

что в концепции Н. Гудмена множество миров имеют структуру матрешки (один вложен в другой), а не размещены иерархически. Внедрение же методологических принципов на основе плюрализма дает основания для различных мнений и несводимости научных теорий относительно наблюдаемых (и ненаблюдаемых) явлений.

С критикой релятивизма выступает Х. Патнем, понимая его методологическую бесплодность и несостоятельность. Смысл релятивизма состоит в том, согласно Патнему, что каждый человек имеет свои взгляды, а истина есть понятие, зависящее от этих взглядов. Поэтому объективной истины просто не может быть, релятивист говорит лишь о собственной истине и рациональности. Истинность утверждений некоторого человека для последовательного релятивиста является также относительной. Выход из такого состояния он видит в своей новой концепции истины, основанной на внутренней непротиворечивости и согласованности представлений и утверждений, – концепции «внутреннего реализма» («интернализма»). При этом Патнем считает, что интернализм просто несовместим с концептуальным релятивизмом, причем последний может возникнуть в связи с подобной трактовкой истины. Патнем постулирует согласованность нашего знания (теоретических утверждений) прежде всего с опытом, в результате не все теоретические модели выдерживают это. Из критики релятивизма, по мнению философа, следует объективность как «плюралистичной» истины, так и знания в целом. Объективность определяется непротиворечивостью знания и стандартами рациональной приемлемости. Но все же подобная «объективность» по сути есть не что иное как простая общезначимость, которая не сможет до конца избавиться от релятивизма. Для окончательного преодоления релятивизма Патнем вводит допущение некоей «идеальной теории рациональности»¹⁰. Данная теория определяет, является ли мнение рациональным или нет. Она действует повсеместно в любой традиции, во всякой культуре. Эта теория могла бы быть отличным метакритерием, который дает воз-

можность установить границы науки и отделить теоретический мир от разного рода теоретических моделей, если бы она не была так сильно идеализирована.

Упомянутый выше Я. Хакинг утверждает, что в современной философии науки существуют две основные темы – тема рациональности и тема реализма. К первой теме он относит вопросы, связанные с разумом, фактами и методом, ко второй – вопросы существования объективного мира, его истинности. И хотя эти вопросы тесно переплетаются, Хакинг больше говорит о том, что реально. Он объясняет это тем, что реальность больше относится к тому, что мы делаем в мире, чем к тому, что мы о нем думаем («высший суд в философии принадлежит не нашим мыслям, а нашим делам»¹¹). «Рациональность» для него «лишена очарования», «реальность гораздо интереснее»¹². Ключевым понятием в работах Хакинга становится понятие «стиль», которое, по словам канадского философа, заимствовано им у историка Э.К. Кромби¹³. «Стиль научного рассуждения» достаточно широкое понятие, границы его менее определены, как, скажем, у «парадигмы» Т. Куна, и могут включать в себя «различные миры объективного дискурса, как соизмеримые, так и несоизмеримые, тяготеющие к ассимиляции или взаимному отталкиванию»¹⁴. Именно в рамках расширенного понятия «стиля» становятся возможными дальнейшие дискуссии о проблемах рациональности и релятивизме. Трансформации последних понятий в современной философии науки происходят благодаря изменению самого «образа науки», наука «стала ближе к реальности, к живому, изменяющемуся, творческому человеческому познанию, предполагающему многообразие, изменение и смену канонов и принципов научной рациональности»¹⁵.

Развитие самой науки, таким образом, является еще одним источником релятивизма. «Существует много типов рациональности, большое количество стилей мышления, а также много хороших образов жизни», – утверждает П. Фейерабенд – «давний враг догматической рациональности»¹⁶. С явлени-

ем релятивизма нет смысла вести борьбу, так как оно есть «данность» современной науки, считает Л.А. Маркова, настаивая на том, что совершенно иные типы мышления, рациональности и науки «вышли из самой научной классической рациональности в результате ее внутренней трансформации»¹⁷.

Таким образом, проведенный анализ проблемы релятивизма подтвердил фундаментальность последнего. Переосмысление феномена релятивизма современными эпистемологиями с учетом возрастания его конструктивной роли в познании является одной из основных задач философии науки в настоящее время. Утверждение равенства разных моделей описания мира, концептуальных схем как онтологий, существующих на принципах взаимодействия, несводимость их к одной универсальной теории (в реальности – неполной, так как выбор теории всегда произволен) являются, на наш взгляд, неоспоримыми достоинствами рассматриваемого феномена. Релятивистские теории также во многом способствуют созданию общих схем организации опыта.

Примечания

- ¹ Микешина Л.А. Философия познания: Полемиические главы. М., 2002. С.417.
- ² Хакинг Я. Представление и вмешательство. Введение в философию естественных наук / Пер. с англ. С. Кузнецовой. М., 1998. С.22.
- ³ Хакинг Я. Указ. соч. С.80.
- ⁴ Рорти Р. Философия и зеркало природы. Новосибирск, 1997. С.233.
- ⁵ Сокал А., Брикмон Ж. Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна / Пер. с англ. А. Костиковой, Д. Кралечкина. М., 2002. С.90.
- ⁶ Ross A. Strange Weather: Culture, Science, and Technology in the Age of Limits. L., 1991. P.549.
- ⁷ Сокал А., Брикмон Ж. Указ. соч. С.169.
- ⁸ Решеф Н. Границы когнитивного релятивизма // Вопр. философии. 1995. №4. С.47.
- ⁹ Пассмор Дж. Современные философы / Пер. с англ. Л.Б. Макеевой. М., 2002. С.97.
- ¹⁰ Патнем Х. Философы и человеческое понимание // Современная философия науки: Хрестоматия. М., 1994. С.146.
- ¹¹ Хакинг Я. Указ. соч. С.45.
- ¹² Там же. С.31.
- ¹³ Там же. С.139.
- ¹⁴ Новая философ. энцикл.: В 4 т. М., 2001. Т.4. С.288.
- ¹⁵ Микешина Л.А. Указ. соч. С.429.
- ¹⁶ Патнем Х. Указ. соч. С.29.
- ¹⁷ Маркова Л.А. Одна наука – один мир? // Науковедение. 2000. №1. С.128–144.

УДК 2-1

СТРУКТУРА ПРАКСИСА В РЕЛИГИОЗНЫХ ОНТОЛОГИЯХ: КОМПАРАТИВИСТСКИЙ АНАЛИЗ ТРАДИЦИОННЫХ ПРАКТИК ИСИХАЗМА И ЙОГИ

М.С. Городнева

Саратовский государственный университет
E-mail: gorodnevams@rambler.ru

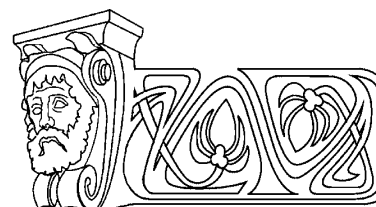
В статье обращается внимание на специфический вариант онтологического взаимодействия сознания и бытия через религиозную практику. Автор стремится проследить общие механизмы взаимодействия сознания с бытием, а также выявить динамику этих отношений, задаваемую самим субъектом.

Ключевые слова: бытие, религиозный праксис, первоисток, трансцендентальная субъективность, интенциональность, любовь.

Structure of Praxis in Religious Ontologies: Comparative Analysis of Traditional Practices of Hesyachasm and Yoga

M.S. Gorodneva

The article observes the problem of introduction the phenomenon of spiritual religions experience in the field of the philosophical discourse. The analysis of the phenomenon is performed by means of

the categories of religious praxis. Much attention is paid to specific version of ontological interaction between consciousness and existence though practice. The perspective of the application of such methodology to the studying of the modern dynamics in social religious institutions is offered.

Key words: existence, religious praxis, origin, transcendental subjectivity, intentionality, love.

Осмысление такого феномена человеческого бытия как «духовное делание» содержит в себе мощную философско-мировоззренческую базу для понимания природы человека. Укорененность человеческого существования в бытии порождает практиче-

ский аспект действия – творения смыслов и духовно-энергетический аспект взаимодействия с бытием. Праксис в онтологическом смысле выступает универсальной формой взаимодействия человека с бытием. Также в нем отражена внутренняя потребность, стремление к определенной цели. Вследствие этого рождается стратегия действия, нацеленная на отношение. Религиозный праксис в чистом виде представляет собой поиск предельных основ бытия и осуществление искомого духовного состояния в своей жизни.

Одним из главных свойств праксиса, играющих немаловажную роль в формировании религиозного опыта, является интенциональная направленность сознания и специфическая природа объекта этой направленности. В исследовании сделана попытка объяснить истоки религиозности посредством осмысления религиозного праксиса с точки зрения феноменологического подхода. Специфика религиозной феноменологии заключается в необходимости изучить динамику сознания в постижении религиозных феноменов. В этом отношении объектом анализа феноменологического метода выступает не эмпирический индивид как таковой, но основание поступков индивида, так называемый «практический интерес», который движет людьми в их религиозности и духовном самоопределении. Феноменологический подход позволяет выявить онтологические истоки взаимодействия сознания и бытия на уровне трансцендентальной субъективности.

С позиции феноменологического подхода анализируется не только феномен и смысл религиозного праксиса, но, в первую очередь, интенциональность самого акта. «Интенциональность, – отмечает П.П. Гайденко, – является одновременно и активной и пассивной, в ней совпадает и действие и созерцание, в ней уже нет различия между теоретическим и практическим отношением: это различие характерно лишь для эмпирического мира»¹. Направленный на предмет интенциональный акт сознания наполняется бытием этого предмета.

Интенциональность сознания как инструмент познания религиозных феноменов может быть востребован в современной феноменологии религии как способ существо-

вания сознания в горизонте религиозного праксиса. Воспроизводство религиозных символов и того, что «*значимо*», производно от функционирования сознания субъекта праксиса. Это конституирование осуществляется в чистых переживаниях сознания, создающих смысл и полагающих его в интендированных образах. Итогом становится постижение очевидности и ясного различия *смысловой структуры* объекта концентрации. Соответственно, деятельность сознания в процессе праксиса может рассматриваться как форма умозрения.

Фундаментальной чертой феноменологического подхода является наличие интенцирующего субъекта – «Я есмь» – то, что в феноменологии Э. Гуссерля именуется трансцендентальной субъективностью. Присутствие субъекта практики как *существующего* в бытии, раскрывает «Я есмь» как существование. Определение субъекта в качестве экзистенции говорит о возможности отношений с бытием, и религиозный праксис является одной из таких форм. В горизонте духовного праксиса возникает проблема intersubjectivного конституирования как интенциональный опыт Другого, который осуществляется посредством «вчувствования». Вчувствование есть специфический способ существования интенциональных переживаний, при котором восприятие в личностном опыте Другого как «Ты» полагается не на внешние атрибутивные свойства, а на усмотрение сущности Другого.

Выстраивание отношений через приоритет усмотрения сущности Другого рассматривается как отношения в любви. Устанавливается аутентичный контакт, способствующий раскрытию субъектов диалога. Любовь выступает как интенциональная направленность отношения Я – Ты. С позиции диалогического подхода, отношения «Я – Ты» всегда сопровождаются любовью. Философская феноменология интуитивно разделяет данный тезис в лице Э. Гуссерля: «Будучи универсальной проблемой, любовь в подлинном смысле является одной из главных проблем феноменологии»². В каждом отношении Я – Ты просвечивает отношение Я – Вечное Ты (Первоисток). Религиозный

праксис начинается с того, что субъект *готов* к диалогу и желает, *стремится* к встрече. Через взаимодействие в любви человек постигает свою суть, трансцендентальную субъективность, осуществляя собственный телос. Таким образом, взаимодействие субъекта с истоком религиозного праксиса отражается в схеме «S-S», в качестве объекта праксиса выступает искомое состояние, получаемое в результате энергичного взаимодействия.

Человек духовно сопричастен единому бытию и воспринимает свою укорененность через чувство единства, вечности и бесконечности, что является импульсом, выходящим за пределы налично данного бытия. Такой импульс, ведущий к изменению стратегии жизни и впоследствии к онтологической трансформации, должен быть импульсом, не относящимся к налично данному бытию. Это дает основание сделать вывод о существовании Первоисточка бытия, который является причиной подобных ощущений. Феноменологический подход позволяет рассмотреть сущность феномена безотносительно к конкретной религиозной традиции. В зависимости от культурно-исторических условий Первоисток конституируется различно: как индивидуальный Бог, безличное божественное начало, разнообразие творящих сил и божеств и т.д.

Следует рассмотреть взаимозависимость онтологической модели религиозной системы от характера интенциональности акта праксиса, а также при общности структур практик показать разницу в онтологиях. Для этого необходимо провести компаративистский анализ онтологических моделей религиозных систем «чистого опыта» и «откровения»³ с позиций феноменологического подхода. Видится необходимым сопоставление двух видов религиозных практик – исихазма и йоги. Обе практики являются квинтэссенцией опыта в сложившихся формах религиозной культуры. На их примере представляется возможным проследить общие механизмы взаимодействия сознания с бытием через такую форму отношений как религиозный праксис. Исследуемой областью являются ментальные конструкции, работающие при

энергичном взаимодействии человека и бытия. Ментальный конструкт обусловлен антропологической стратегией поиска взаимодействия с бытием. В дальнейшем сформированный конструкт задает форму праксиса и его границу для субъекта.

Восточная философия центральным пунктом своего осмысления делает опыт Просветления. Вместо постановки вопроса в русле западноевропейской рациональной мысли о том, «что есть человек (вообще)», в буддизме или йоге задается непосредственный вопрос «кто Я». Универсальной психотехникой, которую можно охарактеризовать как религиозную систему чистого опыта, является йога. Реальность «я» обнаруживается путем энергичной трансформации деятельности сознания и проникновения под те умственные наслоения, которые скрывают божественную природу Пуруши. В качестве метода раджа-йога выделяет восемь этапов: яма, нияма, асана, пранаяма, пратьяхара, дхарана, дхьяна, самадхи⁴.

Как известно, йога в теоретических положениях опирается на философию санкхьи. Антропологическая стратегия, задаваемая классической санкхьей, понимается не как единение с Богом, что характерно для эпической, а как разотождествление духа и материи. Согласно санкхье существует положение о двух сущностях основной природы – это «владыка» (Пракрити) и Пуруша. Созерцающая по отдельности Пурушу и Пракрити, созерцатель выходит из материального мира и прекращает свои перерождения. Однако если санкхья придерживается того, что познание является средством освобождения, то йога настаивает на методах достижения сосредоточенности и активного усилия.

В духе буддизма Патанджали провозглашает, что для мудрого все есть страдание в силу всеобщего непостоянства, беспокойства, следов кармических отпечатков и противоречивого развертывания гун. Согласно раджа-йоге, страдание (*duhkha*) причиняется объединением сознания с тем, что оно рассматривает. Страдание является результатом неведения, которое коренится в психике человека – читте. Читта связана с гунами и претерпевает модификации в зависимости от

преобладания одной из них. Она бессознательна, становится сознательной благодаря отражению Я, которое в ней находится. Сознание Пуруши, отраженное в ней, приводит к впечатлению, что он и есть испытывающий переживания.

Действительно, видящий не есть то, что он видит. «Абсолютная обособленность Видящего» достигается благодаря «различающему постижению» (II, 26), которое определяется как знание сущностного различия Саттвы и Пуруши. Различение Саттвы и Пуруши основано на глубинном онтологическом разъединении Пуруши и Пракрити в ее тонкой модификации читты (индивидуальной психике). Связь с объектом может быть вызвана впечатлением психики на «тонкие», «благие» уровни материи (Саттва). Неразличение читты и Пуруши порождает «субъективный» опыт, что приводит к возникновению эго со всеми сопутствующими элементами. В йоге, а впоследствии и в буддизме природа читты постигается в сердце. Сосредоточиваясь на сердце, человек обретает знание природы своего ума: «путем выполнения самьямы на сердце наступает осознание читты» (III, 35).

Бесстрастие как непривязанность к явлениям мира истоком своим имеет принцип Ахимсы, являющийся основой духовной практики. Ахимса, в широком смысле понимаемая как непричинение вреда живому, включает в себя доброжелательное отношение, сострадание и со-радость. Ахимса раскрывается как действующая этическая компонента в отношениях с бытием, а также как онтологическая установка сознания, не рассматривающая бытие как цель для себя. Совершая действия, человек не получает привязанности (отпечатков) в читте, то есть удовольствия или неудовольствия от плодов действия.

Таким образом, йога в качестве цели практики видит необходимым «прекращение деятельности сознания», то есть прекращение существования всех форм развертывания, или актуальных состояний эмпирического сознания, благодаря чему Пуруша перестает отождествлять себя с состоянием материи и реализует собственную природу.

Пракрити, выполнившая свое назначение, возвращается в свое исходное состояние, а Пуруша пребывает в своей истинной природе – сварупа (III, 34). Высшее бесстрастие, разрывающее цепь сансары, является целью истинного знания.

В йогической практике импульс Первоисточка конституируется как природа изначального истинного Знания. Йогин, энергично взаимодействуя с Первоисточком бытия, наполняется этими качествами. Реализация импульса происходит через интенциональную направленность субъекта на природу психики, при этом особо важной областью становится сердце как духовный центр существа. Через постижение природы психики субъект способен заключить в скобки внешние структуры личности эго и постичь свою внутреннюю духовную природу. Постигание себя на уровне трансцендентальной субъективности актуализирует, делает очевидным укорененность субъекта в едином бытии, что отражено в феномене Самадхи.

Анализируя религиозную практику «умного делания», следует отметить необходимость взаимодействия человеческой устремленности, отраженной в «духовном делании», и Божественной благодати. Слово «исихия» происходит от греческого слова ἡσυχία, означающего «тишина», «молчание». В аскетической литературе оно переводится как священное или сердечное безмолвие. Исихия – цельный строй существования, охватывающий всего человека, его поведение, внешний и внутренний уклад. Внутренняя сторона исихийного строя формируется такими методиками, как сведение ума в сердце и непрестанная молитва⁵.

Важнейшими ступенями практики служат перемена ума (метанойя), заключающаяся в осознании поврежденности грехом своей природы, и перемена ценностно-смысловых доминант, борьба со страстями (невидимая брань), бесстрастие и исихия, давшая имя всей традиции, сведение ума в сердце, чистая молитва и созерцание Нетварного Света. Это требует от человека состояния бдительности. Постоянное «бодрствование» сознания, «трезвение» и «памятование» в сердце дает необходимую степень осознанности и концентрации для практики «умного делания».

Раскрытие сердца предполагает трансформацию личности через «покаяние», «смирение». Покаяние в аскетике рассматривается как борьба со страстями, требующая мобилизации силы воли, напряжения всех душевных сил. В процессе преодоления страстей и достижения состояния бесстрастия возникает новый тип энергийного образа, в котором образование страстных состояний происходит с меньшей интенсивностью. На этом этапе играют существенную роль «смиреномудрие», и «милосердие». Вследствие глубинных изменений психики и успокоения ума достигается «безмолвие».

Интенциональная направленность на объект практики языком Традиции представляется как «стяжание благодати Духа Святого». Побочным результатом становится изменение природы человека – обретение «образа и подобия Божия», обожение человеческой природы, определяемое отцами Церкви как соединение человека с Богом по энергии. Сочетание устремленности человеческого сознания и участие Божественной благодати в духовном восхождении выражено в Традиции понятием синергии.

Переход с одного онтологического уровня «бытия-действия», «бытия-сознания» на более высокий уровень восприятия и существования отмечается переходом, преодолением границ невозможного. Процесс осуществляется синергично: устремленное к цели практики сознание отвечает на импульс Первоисточника бытия, преломленный в сознании как зов Божественной благодати.

Таким образом, значимой компонентой праксиса выступает искомое состояние, получаемое в результате энергийного взаимодействия, с одной стороны, между субъектами праксиса, с другой – в результате взаимодействия с конституируемой смысловой компонентой на уровне трансцендентальной субъективности. В исихастской практике реализация *смысла праксиса* («умного делания») заключается в «*стяжании Духа святого*» – в обретении личных энергийных отношений с Богом, а искомое состояние выражено энергийным концептом «обожения» человеческого существа.

Сравнительный анализ практик показывает наличие общей структуры духовного

делания, ведущих к определенным состояниям сознания:

1) этическая подготовка воспитывает чистоту мысли и чувства, отрешенность и непривязанность (вайрагья) к мирскому. Воспитывается бесстрастие. В йоге это принципы Ямы, Ниямы, в исихазме – заповеди Ветхого и Нового Заветов;

2) телесное очищение. Чистота тела, правильная асана, дыхание (пранаяма) помогают концентрации ума на духовном процессе;

3) концентрация на объекте практики. Воспитывается воля, с помощью которой вырабатывается направление ума – имеется в виду концентрация ума на сердце (низведение ума в сердце/саньяма на сердце) для подготовки к созерцанию объекта/дхарана;

4) глубинная внутренняя медитация представлена как безмолвное созерцание объекта. Самодвижность молитвы/дхьяна;

5) слияние с объектом. Реализация цели практики. Обожение вследствие энергийного слияния с Богом/ Просветление вследствие осознания природы Пуруши. В обоих случаях постижение объекта и реализация цели практики возможны благодаря концентрации на сердце.

Механизмы реализации интенционального акта в религиозных практиках могут носить сходные черты, что объясняется общей психофизической компонентой. Однако смысл интенционального акта (ноэма) может различаться, что обуславливается онтологической моделью. В каждой религиозной системе имеется свой «ментальный слепок» бытия, проявляющийся через структуру догматики, терминологию и форму отношений сознания с высшей реальностью, формирующей тип религиозного сознания. Конечный смысл той или иной религиозной практики определяется предзаданной в конкретной традиции онтологической моделью, что отражается на всей структуре деятельности субъекта праксиса. Поскольку интенциональность сознания и есть динамика, предполагающая творение ментальных форм, очевидна взаимообусловленность созданной онтологической матрицы и интенционального акта, творящего ее в себе.

Примечания

¹ Гайденко П.П. Проблема интенциональности у Гуссерля и экзистенциалистическая категория трансценденции // Современный экзистенциализм. М., 1966. С.93.

² Гуссерль Э. Теология и любовь. Цит. по: Бабушкин В.У. Феноменологическая философия науки: критический анализ. М., 1985; Цит. по: Diemer A. Edmund Husserl: Versuch einer systematischen Darstellung seiner Phänomenologie. Hain, 1965. P.292.

³ Указанный вариант демаркации религиозных систем см.: Торчинов Е.И. Религии мира: опыт запредельного. Психотехника и трансперсональные состояния. СПб., 1998. С.69–74.

⁴ Классическая йога («Йога-сутры» Патанджали и «Вьяса-бхашья»). М., 1992. Гл. II, шлока 29. В дальнейшем ссылки на это издание в тексте с указанием главы и шлоки.

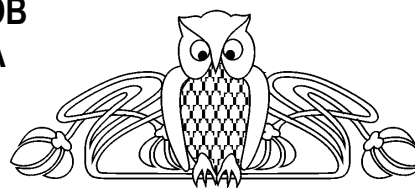
⁵ См.: Хоружий С.С. К феноменологии аскезы. М., 1998. С.78.

УДК 130.2

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ФИЛОСОФСКО-РЕЛИГИОЗНЫХ И СВЕТСКИХ ИДЕЙ В ТВОРЧЕСТВЕ КОМПОЗИТОРОВ РУССКОГО ДУХОВНО-КУЛЬТУРНОГО РЕНЕССАНСА

О.В. Леонтьева

Саратовский государственный университет
E-mail: olenka_leonteva@mail.ru

В статье предпринята попытка философского анализа музыки. Автор рассматривает отражение философско-религиозных и светских идей в творчестве русских композиторов конца XIX – начала XX века как результат влияния идеологических установок и идейных противоречий рубежной эпохи.

Ключевые слова: русская религиозная философия, светская культура, музыкальное творчество композиторов рубежа XIX–XX столетий.

Interaction of Philosophical, Religious and Secular Ideas in the Works of the Composers of Russian Spiritually-Cultural Renaissance

O.V. Leonteva

The attempt to analyse the philosophical aspect of music is undertaken in the article. The author considers the reflection of philosophical, religious and secular ideas in the creative work of the Russian composers of the end of XIX, beginning of XX century as a result of the influence of ideological directives and ideological contradictions of the boundary epoch.

Key words: russian religious philosophy, secular culture, musical creative composers of the end of XIX – beginning of XX century.

В центре рассмотрения данной статьи вопрос об отражении в музыкальном творчестве философско-религиозных и светских идей как результат социально-нравственного перелома в русской культуре, который характеризовался постепенным спадом интереса к русской религиозной философии и появлением новой коммунистической идеи. В русской философии этого периода, а затем и в музыке, это был радикальный переход от богоискательства и духовного Ренессанса к обезбожению.

Русские философы обличали нигилизм, духовную неопределенность и беспочвенность секулярной идеологии. Религиозное сознание, возникшее на стыке философии и богословия, литературы и нравственных светских учений, сформировало новое понимание мира как постижение Божественного начала. Софиология отражала стремление соединить христианство и мир секуляризованной культуры и посредством этого дать христианству новую жизнь. Таким образом, религиозные искания интеллигенции вели к воссоединению с русскими духовными традициями – с православием.

Понять музыкальное творчество начала XX в. без учета религиозно-философской мысли невозможно, без неё картина русской жизни предстанет в искаженном виде. Идеи богоискательства, поиски новых религиозных идеалов существуют в творчестве А. Скрябина и С. Рахманинова. Например, мысль о. П.А. Флоренского, высказанная в книге «Столп и утверждение истины» о том, что «слепая» интуиция не может познать истину, легла в основу философии А. Скрябина¹. Именно соединение интуитивного и рационального стало одним из важных качеств его музыки. Осуществленный поиск в рамках русской традиции привел его к убеждению о «единящей силе бытия», которая проявляется в деятельности Церкви как тела Христа, это начало, исходная позиция, Столп; дальше начинается личностный поиск, и он бесконечен.

Религиозно-философские искания Скрябина – это своеобразный пантеизм. Рассуждения о Божественном начале были соединены теснейшим образом с восприятием природы и ее красоты. Подобное мироощущение Скрябина перекликается с религиозно-философским видением мира С. Булгакова, которое отражено в его книге «Свет невечерний». Свою главную задачу Булгаков видит в поиске религиозного единства жизни, соединении православия с современной действительностью. Оно предполагает постижение божества и как присущего миру, и как запредельного для него начала. София оказывается тем средством, которое позволяет решить эту задачу. Понять ее поэтому нельзя без рассмотрения природы Бога². Оценивая софиологию Булгакова в целом и религиозное мировидение Скрябина, надо отметить, что они оба стремились увидеть божественное начало в реальности и тем самым освятить светскую действительность.

Музыка рассматриваемого периода испытывала повышенный интерес к категориям надвременного и трансцендентального, она глубоко постигает макрокосм – Бога и человека. Не внешняя действительность, а душевная жизнь человека становится центром мироздания. Макрокосм человека становится макрокосмом. Так, чувство единения внешнего и внутреннего миров в музыке С. Рахманинова перекликается с темой всеединства, соотношения человека (микрокосма) и мира (макркосма) в учении П. Флоренского. Однако если учение Флоренского раскрывается через концепцию Софии как премудрости Бога, то Рахманинов творил из непосредственного чувства жизни. Отмеченное двуединство внешнего и внутреннего мира Рахманинова есть результат спонтанной деятельности его сознания. Музыкальный мир композитора представляется в форме диалога «я – мир». Это – принцип общехудожественного и специфического музыкального мышления композитора, который стремился воплотить устойчивость бытия, отразить его не идеализированно, как это присуще Скрябину, а в непосредственной конкретности, в чувственно осязаемой форме. Композитор при этом не искал философских обоснований ни жизни, ни своей музыки, ни искусства в целом.

Пристальный интерес к религиозно-философским проблемам жизни и смерти воплотился в крупных симфонических и вокально-симфонических произведениях композитора. В них запечатлелся многообразный спектр образов, выросших из корней православного сознания, «русской идеи», «русской правды», «законов Собора». Духовность понималась композитором как вознесение души к Богу, поиск связующих нитей с Богом через сакраментальные, первородные русские интонации в музыке³. Идеи богоискательства в основном отразились в духовных сочинениях композитора. В частности, он «бессловесно» выразился в обращении к православному церковно-певческому искусству, написав такие сочинения, как духовный концерт «В молитвах не усыпаящую Богородицу...», «Литургия св. Иоанна Златоуста», «Всенощное бдение». Принято считать, что в них отражены духовные чаяния народа, его нравственный и эстетический идеал, а также трагедия уходящей России⁴.

Концептуальным качеством музыки С.И. Танеева являются ее философские истоки, внимание к этическим идеям, особенно к христианской морали. Композитор не мог принимать многие положения христианства, в частности «непротивление злу насилием». Представления Танеева о душевном мире человека основаны на моральном и этическом кодексе Б. Спинозы, по которому свобода понималась как полное господство разума над чувствами и человеческими страстями. К источникам духовности, христианской образности композитор обращается в лирико-философской кантате «Иоанн Дамаскин», где символически выражена евангельская надежда на спасение после смерти. Таким образом, для Танеева в христианстве на первом плане – неразрывная связь между любовью и свободой. Будучи религией любви, христианство для Танеева являлось одновременно и религией свободы.

В послеоктябрьский период начинается идеологическая борьба с теми проявлениями в культуре, которые не соответствовали официальной политике. Основой формирования нового атеистического мировоззрения становится идея демократизации культуры, предполагавшая распространение в массах определенных ценностей и норм, способных «ра-

ботать» на идею коллективного сознания нового мира. Коллективизм вытесняет из сферы внимания интересы реального человека. Постепенно ослабевает связь с русской классической и православной традициями. Подчинение и пропаганда новой власти в период Гражданской войны рождает в музыкальном творчестве массовую песню. Сила ее воздействия заключалась в способности быть подхваченной организованной массой людей: рабочими, крестьянами, красноармейцами. Особый дух коллективизма рождался в песнях «По долинам и по взгорьям», «Смело мы в бой пойдем», «Красная армия всех сильней» и др. Их плакатность, маршевость, насыщенность лозунговыми текстами пропагандировали новую светскую идеологическую систему братства и всеобщего равноправия широких масс трудящихся.

Революционная массовая песня вскоре проникла в хоровое творчество, которое к тому времени претерпело значительные изменения и также стало развиваться на светской основе. В хоровые репертуары входят такие песни как «Варшавянка», «Интернационал», «Песня коммуны». Хоровая массовая песня как мощное средство политической борьбы оттесняет духовные сочинения и становится образцом для всей хоровой музыки. Так, в творческой судьбе А. Кастальского зеркально отразилась судьба русской православной культуры: от сочинений духовной музыки он обращается к революционной тематике. В хорах «Пролетариату», «Ленину», «Первомайский гимн» Кастальский отозвался на самые жгучие, злободневные темы дня.

Светская идеологическая направленность реализовалась не только в массовой песне и хоровом творчестве. Произведения, имеющие социально-обличительную тематику, приобретали форму то гротескной пародии, то анархического бунтарства. Гротеск характеризует парадоксальность, столкновение противоречивых начал, благодаря этому в произведениях реализуется авторская ирония вплоть до сарказма. Сочетая реальное и фантастическое, правдоподобное и карикатурное, гротеск позволяет создавать особый художественный мир, в котором отражены кардинальные перемены человеческой жизни. Так, в симфонических картинках «Баба-Яга» и «Кикимора» А. Лядов изобразил лю-

дей в фантастически преувеличенном, уродливо космическом виде. В каждом небольшом произведении композитора отразилась атмосфера дерзкого, бурного, неизведанного искусства XX в.

Гротеск, воинствующий цинизм, варваристика определили ведущую роль «негативной» образности в музыке 1900-х гг. и нашли свое законченное воплощение в фортепианном цикле С. Прокофьева «Сарказмы». В этом произведении Б. Асафьев услышал «затаенную жуть», черты, «устрашающие своим холодным, злобным, издевательским тоном, презрением к духовности»⁵. По его мнению, в музыке Прокофьева звучало яростное отрицание утонченно-эстетических норм искусства того времени.

Противопоставление бунтарско-агрессивной действительности и первобытного этапа развития человеческого общества воплотилось в музыке И. Стравинского «Весна священная» и «Ала и Лолий» С. Прокофьева. С одной стороны, эти произведения тесно связаны с исторической эпохой, в частности с Первой мировой войны. С другой стороны, новые художественные идеи этих произведений основывались на народно-национальных началах. Сюжет «Весны священной» Стравинского связан с картинами языческой Руси. Тема язычества как бы возвращает слушателя к той этнической, родовой вере славянских народов, которая существовала еще до принятия христианства. Это одно из сочинений, в котором тема конца света раскрывается через языческое ритуальное действо. Язычество дает, в свою очередь, возможность показать тот круг, которому подчинено развитие нашей жизни, круг, связанный с обновлением и смертью. В балете «Ала и Лолий» Прокофьева отразилось не только представление о язычестве, но и опосредованно наступление зла в XX в., его пожаров и войн. Так в творчестве композитора через древние народные истоки раскрывались драматические и трагические события настоящего.

Октябрьская революция воспринималась композиторами не только как несущая социальное освобождение, но и как революция духа. Поэтому обращение Стравинского и Прокофьева к языческой тематике было созвучно и поискам русских религиозных

философов. В этой связи Н. Бердяев создаёт концепцию противоречивости русской души. Характер народа, с точки зрения философа, представляет собой совмещение противоположностей. На одном полюсе – изначальное язычество, на другом – аскетически-монашеское православие, церковь. Их существование и борьба способствовали развитию особого «творческого религиозного сознания», составляющего сущность «русской идеи». Это религиозное сознание охватывает все направления отечественной философии, которые выражают идеалы, соответствующие характеру и призванию русского народа, его самобытной религиозности⁶.

В этот же период в композиторском творчестве возникает такое направление как «фольклоризм». Балеты «Жар-птица» и «Петрушка» Стравинского стали своеобразным и радикальным выражением народно-национальной образности. В основу сюжета балета «Жар-птица» положены мотивы русских народных сказок о Жар-птице и Кошце Бессмертном. Балет «Петрушка» – это своеобразная пародия, созданная на разнообразном интонационно-жанровом материале, показ народных сцен, как бы выхваченных из жизни. В сценах масленичного гуляния звучат фрагменты народных мелодий «Ах вы, сени», «Вдоль по Питерской». Поднимая целый пласт русской культуры, Стравинский, как и многие его современники, предчувствуя революционные события, уходит от социальной проблематики и откровенно социальных тем. По мнению Стравинского, революционные идеи опять приведут общество к замкнутому кругу подобно языческому, когда обновление природы и жизни приближает смерть. Октябрьская революция, по Стравинскому, была своеобразным апокалипсисом для общества, государства, философии, православной религии.

В новую эпоху в искусстве начала XX в. на смену романтическим порывам и тончайшей звукописи импрессионизма приходят сокрушительные ритмы, искривленный тематизм. В поиске новых приемов письма композиторы обращаются к «скифству» и «варварству». Под «скифством» подразумевается особый тип воинственности, базирующейся на культе силы, господстве мужского начала. Эту идею воплотил С. Про-

кофьев в «Скифской сюите». В ее образах ощущается предчувствие социальных взрывов, к которым шла Россия. По убеждению Б. Асафьева, стихия революции в музыке трактовалась как синоним всеобщей радости и свободного раскрытия созидательных сил. «Варварство» воплощается композитором через грубые, угловатые, «крикливые» интонации, характеризующие дикость, обезличенность людской массы. Таким образом, светская идеология, революционные идеи были аллегорически представлены национальной тематикой и соединили в себе фольклорные, варваристические и скифские элементы.

В заключение можно сказать, что через ощущение рубежности эпохи, ее идейных противоречий пришлось пройти многим композиторам русского культурного ренессанса, каждый из которых по-своему, в соответствии со своими мировоззренческими позициями отозвался на события тех лет. В результате жесткого идеологического давления разрушаются основы православной музыкальной культуры. Она исчезает с социально-культурной арены общества, оставаясь лишь частью церковного культа. Уступив место массовой песне, хоровое творчество стало развиваться на светской основе. Однако православное мировидение композиторов продолжает проникать в произведения светских жанров. Идеи богоискательства, поиски новых религиозных идеалов прослеживаются в творчестве А. Скрябина и С. Рахманинова. В кантатах С. Танеева существует неразрывная связь между любовью и свободой, которую мы находим и в христианстве.

Кризис и распад религиозного сознания русского человека после Октябрьской революции приводит к стремительному усложнению музыки. Насаждение светской идеологии, революционная пропаганда порождают новые образы в музыкальной культуре: «скифство», «варварство», язычество, фольклоризм. Аллегорически представленная действительность отражена в творчестве А. Лядова, А. Стравинского, С. Прокофьева. К подобной музыке уже не смог подключиться человек, не освоивший классического наследия, не разделяющий трагических переживаний времени.

Анализ музыкальной культуры рубежа XIX–XX вв. позволил провести параллель

между философско-религиозными и светскими идеями в музыкальной культуре, проследить их взаимосвязь, сосуществование. Ведь именно в переходные периоды происходит интенсивная перестройка философских основ мировоззрения, следствием чего становится решительная переоценка ценностей в теории и практике искусства.

Примечания

¹ См.: *Флоренский П.А.* Столп и утверждение истины: В 2 т. М., 1990. Т.1.

² См.: *Булгаков С.Н.* Свет не вечерний: Созерцания и умозрения. М., 1994.

³ См.: *Левая Т.* Сергей Рахманинов в зеркале отечественной музыкальной публицистики // Музыкальная академия. 2003. №3. С.167–171.

⁴ См.: *Рубцова В.* В контексте «Серебряного века» // Музыкальная академия. 2003. №3. С.175–178.

⁵ *Нестьев И.В.* Жизнь Сергея Прокофьева. 2-е изд. перераб. и доп. М., 1973. С.125.

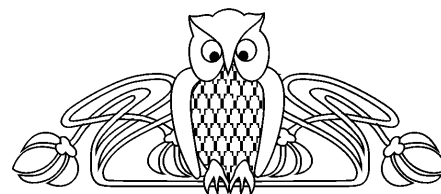
⁶ *Бердяев Н.А.* Новое религиозное сознание и общественность. М., 1999. С.221.

УДК 1(063)

БИОЭТИКА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ НАУЧНЫХ СТРАТЕГИЙ

Ф.Т. Нежметдинова

Казанский государственный аграрный университет
E-mail: nadgmi@mail.ru

В статье делается попытка определить место биоэтики как нового научного знания. Рассматривается представление о сущности биоэтики как понятия и как социального феномена с точки зрения факторов ее возникновения. Особое место в этой системе занимает комплекс причин, связанных с современными научными стратегиями, именно с четвертой глобальной научной революцией, в ходе которой рождается новая постнеклассическая наука.

Ключевые слова: биоэтика, сущность биоэтики, современные научные стратегии, четвертая глобальная научная революция, постнеклассическая наука.

Bioethics in the Context of Contemporary Scientific Strategies

F.T. Nezhmetdinova

The article shows the attempt to define the place of Bioethics as a new scientific knowledge. The image of essence of Bioethics as concept and social phenomenon from the point of view of factors of its genesis is being covered. The special place in this system is taken by the complex of reasons connected with contemporary scientific strategies, in particular with the Forth Global Scientific Revolution, which creates the new postneoclassic science.

Key words: bioethics, essence of bioethics, contemporary scientific strategies, forth global scientific revolution, postneoclassic science.

Для того чтобы иметь более четкое представление о сущности биоэтики как понятия и социального феномена, необходимо рассмотреть факторы ее возникновения, определить ее место в качестве нового научного знания. Особое место в этой системе занимает комплекс причин, связанных с современными научными стратегиями, а именно – с четвертой глобальной научной ре-

волюцией, в ходе которой рождается новая постнеклассическая наука. Для нее характерно: применение научных знаний практически во всех сферах социальной жизни, революция в средствах хранения и получения знаний, рост междисциплинарных и проблемно-ориентированных исследований не только в социально-гуманитарной, но и естественно-технической (например, прогнозные сценарии, социальная экспертиза и т.д.) сферах. В одно и тоже время происходит реализация комплексных исследовательских программ, где принимают участие специалисты различных областей знаний. При изучении «человекоразмерных» объектов поиск истины оказывается связанным с определением стратегии и возможных направлений преобразования такого объекта, это затрагивает гуманистические ценности, когда исследователю приходится решать ряд проблем этического характера и определять границы возможного вмешательства в него¹. Эту идею поддерживает и В.А. Садовничий, который говорит о том, что в наступившем веке мы все в большей степени будем сталкиваться с запретами и ценностями морально-этического характера, которые нельзя будет создать или преодолеть только технологическими средствами, сколь бы совершенными последние ни были, так как, в конце концов, именно эти

ценности определяют дальнейший путь цивилизационного развития. И здесь, с его точки зрения, не так много вариантов: или человечество выберет концепцию развития, основанную на всевозрастающем росте потребления, которая до сих пор является доминирующей и основана на старой системе этических норм и ценностей, или люди вступят на путь самоограничения и согласия с природой и жизнью. Причем заставить сделать такой выбор нельзя будет ни военным могуществом, ни материальным богатством².

Очевидно, что это высказывание является продолжением мысли В.И. Вернадского, который говорил о том, что человечество впервые в истории становится «мощной геологической силой» и в этой связи встает вопрос «о перестройке биосферы в интересах свободно мыслящего человечества как единого целого»³. Это новое состояние В.И. Вернадский обозначает понятием «ноосфера»⁴. Можно предположить, что благодаря этому высказыванию за человеком признается роль творца и преобразователя, властителя и распорядителя не только своей социальной, но и биологической сущности. Причем речь идет не только о человеке, но и о всей биосфере в целом. Тем самым в этом вопросе уравниваются позиции Бога и человека, что потом станет одной из основных площадок биоэтического дискурса между академической и религиозной позициями. И здесь нельзя не солидаризироваться с П.Д. Тищенко, который подчеркивает, что в «эпоху биотехнологий человек разыгрывает самую опасную игру – он «играет в бога»»⁵.

Другой характерной чертой четвертой глобальной научной революции является синтез и интеграция наук. Сегодня возникает необходимость экспликации фундаментальных внутринаучных ценностей (поиск истины, рост знаний) с вненаучными ценностями общесоциального характера. Внутренняя этика науки, стимулирующая поиск истины и ориентацию на приращение нового знания, постоянно соотносится в этих условиях с общегуманистическими принципами и ценностями⁶. В этом контексте биоэтика играет роль гуманитарной экспертизы, предупреждая и прогнозируя возможные негативные последствия современных достижений науки для биосоциальной сущности человека.

Осмысление феномена биоэтики в контексте глобальных проблем и тенденций развития постнеклассической науки невозможно без анализа эволюции дисциплинарных приоритетов среди современных отраслей знания. Наука в последней четверти XX и начале XXI вв. представила бесспорного лидера современной науки – биологию. Причем биологию не как чистую дисциплину, а как основу комплекса наук о жизни, понимаемую многими как систему, в которой объединены биологическое и медицинское знание. Несомненно, этот приоритет, который сложился в XX в., сохранится в первой половине нынешнего столетия, а может, и дольше⁷.

Говоря о биологической составляющей цикла наук о жизни, речь идет, прежде всего, о качественном росте биотехнологий, в том числе в таких сферах как медицина, сельское хозяйство, нанотехнологии и т.д. Ученые и специалисты считают, что уже в нашем веке с их помощью в общемировом масштабе будет решена продовольственная проблема и модифицируется система питания человечества. Все эти фантастические, на первый взгляд, возможности, порождают достаточно много опасений по поводу вероятного перехода биологических исследований в неуправляемую фазу «джинна из бутылки» и, соответственно, возникает потребность в особом механизме контроля. И здесь биоэтика как социальный институт накопила определенный опыт, выработала нормы и принципы, охраняющие безопасность здоровья и жизни человека⁸. Особо важно отметить принципиальное отличие последствий внедрения биотехнологий для человека от тех же, например, которые связаны с ядерной и атомной энергетикой. Как верно заметил В.А. Садовничий, в «случае с атомом человек выступает как бы наблюдателем, который стоит вне исследуемой им и подвергающейся воздействию Природы <...> Но, тем не менее, человек думает, что может защититься от этой опасности. То есть, как бы обойти природу стороной.

Генная инженерия такой возможности, пусть даже косвенной, человеку не оставляет. Она есть прямое и ничем не контролируемое вмешательство в эволюцию живой материи <...> Следовательно, наука приоб-

рела качественно новое, до сих пор неизвестное моральное измерение.

Вот здесь и возникает вопрос: дает ли разворачивающийся процесс глобализации, который в своей основе построен на принципе ускорения и непрерывного подстегивания эволюции, ясный и удовлетворительный для человечества ответ?»⁹.

Для Б.Г. Юдина ответ на этот вопрос очевиден (хотя и прозвучал он гораздо раньше, чем этот вопрос был задан), он заключается в том, что «лишь более глубокое и всестороннее, гармоническое развитие науки и техники на благо человека может привести к устранению негативных последствий науки и ее применений, но достичь этого можно лишь в социальных условиях, также ориентированных на благо человека как высшую цель»¹⁰. И здесь же речь идет о том, что в современной науке, в ее связи с человеком и обществом никто «не может уйти от проблемы этического выбора, и *оценки тех или необходимых решений* (курсив мой. – Ф.Н.) в случае их даже малейшего несовпадения с этическими, гуманистическими нормами как нарушения этих норм (и, значит, как, может быть, неизбежного, но все-таки зла) – такая оценка позволяет удерживать развитие негативных процессов на каком-то определенном уровне, бороться с ними, имея ясную перспективу»¹¹.

Эксперты справедливо полагают, что в целом науки о жизни в XXI в., подобно другим базовым направлениям мировых исследований, будут определять качество жизни и собственную эффективность с учетом практической востребованности. И здесь на первый план выходит здоровье в самом широком смысле этого слова, а именно – как совокупность физического, психического и социального благополучия в трактовке Всемирной организации здравоохранения.

Именно поэтому биомедицинские науки и технологии возглавили рейтинг наук о жизни в наступившем веке, определив для биоэтики одно из центральных мест в этом контексте. Вот как об этом говорит один из классиков биоэтики Д. Каллахана: «Понимание появления биоэтики поможет охватить панораму и сложность в этой области. 60-е годы XX века – подходящая точка отсчета даже при том, что имелись данные о новой

области и в более ранние десятилетия. В биомедицине 60-е годы были эрой экстраординарного технологического прогресса, которые открыли широкий диапазон трудных, по-видимому, новых моральных проблем»¹². Он подчеркивает, что достижение биомедицинских наук и их технологическое применение имели три больших результата, которые полностью сформировались к 1960 г. Они изменили много традиционных мнений о природе и характере медицины, возможностей и значения человеческого здоровья и, наконец, культурного представления о том, что такое человеческая жизнь. Сама медицина была преобразована из диагностической и паллиативной дисциплины в сильнодействующее средство, способное вылечить болезнь и эффективно предупреждать смерть. Традиционные понятия о жизни были заменены на представления о более длительной продолжительности жизни, контроль за воспроизводством и мощные фармакологические средства, способные изменить настроение и мысли. Появление биоэтики можно считать социальной реакцией на эти большие изменения.

В этой связи, по мнению Д. Каллахана, возник глобальный вопрос «Как людям разумно противостоять моральным проблемам, которые были вызваны слиянием больших научных и культурных изменений. Но этот большой вопрос открыл пугающий диапазон более конкретных проблем: кто должен иметь право контролировать (управлять) новыми технологиями на стадии становления? Кто должен иметь право или привилегию принимать судьбоносные моральные решения? Как индивидуумам можно было бы помогать в извлечении выгоды от новых медицинских технологий или, если надо, защитить от их вреда? Какие плоды медицинских достижений могут быть лучше представлены? Какое из человеческих достоинств способствовало бы более мудрому использованию новых технологий? Какие учреждения или законы, или инструкции необходимы для социальной регуляции всё возрастающих изменений?»¹³.

В XX в. новые биомедицинские технологии изменили фундаментальные основания нашей жизни, физического и нравственного бытия человека. Они представили потенци-

альную и реальную возможность вмешиваться в биогенетическую природу человека, управлять процессом репродукции и процессами умирания, трансплантировать органы и ткани. Появление многих современных биомедицинских технологий – таких как искусственное оплодотворение, клиническая трансплантология, жизнеподдерживающая аппаратура (искусственные сердце, почки, легкие) и пр., затронуло фундаментальные ценности общества. И здесь появилась необходимость, когда мнение последнего должно быть сформулировано и услышано при формировании стратегий и условий их практического применения¹⁴. «Тот, кто хочет представить себе свою жизнь в целом, обосновать жизненно важные ценностные решения и удостовериться в самотождественности, не может допустить, чтобы в этически-экзистенциальном дискурсе его заменил кто-то другой, будь то лицо или инстанция, которым оказывается доверие», – уточняет П.Д. Гищенко¹⁵.

Академик РАМН Ю.М. Лопухин отмечает: «Одним из важнейших итогов прошедшего XX столетия является осознание мировым сообществом потенциальной опасности необоснованного внедрения новых достижений биологии в практическую медицину. В конце века в силу ряда причин страх перед атомной бомбой сменился страхом перед “бомбой” медико-биологической»¹⁶. В начале XX века эта тенденция только усилилась. Согласно мнению экспертов, через два десятилетия вполне прогнозируем ряд поистине революционных достижений в исследованиях генома человека, в том числе и генной терапии¹⁷.

Наиболее серьезная угроза, создаваемая современной биотехнологией, по мнению Ф. Фукуямы, это возможность изменения природы человека и в силу этого – перехода к «постчеловеческой» фазе истории, и он подчеркивает, что «человеческая природа существует, и это понятие является существенным. Оно создает стабильную преемственность нашего видового опыта. Человеческая природа формирует и ограничивает все возможные виды политических режимов, и поэтому технология, достаточно могучая, чтобы изменить нас, может иметь потенциально зловещие последствия для либераль-

ной демократии и самой природы политики»¹⁸. Рассуждая об этом, Ф. Фукуяма делает акцент на наиболее актуальных, с точки зрения последствий, для человеческой природы и развития социальной инженерии, направлениях современной науки: расширении знаний о мозге и биологических источниках поведения человека; нейрофармакологии и модификации эмоций и поведения; продлении жизни; генной инженерии¹⁹. Контроль над поведением человека, связано ли это со стремлением стабилизировать его природу или ее изменить, по мнению ряда исследователей, актуализирует такое понятие и явление как «биовласть». В современном мире власть в своем проявлении опирается на определенную природу человека (морального, коммуникабельного, социально адекватного и т.д.). Любое её изменение может рассматриваться как покушение на базис власти и привести к его уничтожению. Неслучайно биовласть становится в современном мире столь актуальной, так как «от того, какова есть природа человека, зависит прочность общественных и властных конструкций современного мира»²⁰.

Все вышеназванные проблемы затрагивают основы сохранения человеческой личности, человека как биосоциальной структуры в условиях растущих и всесторонних процессов отчуждения. Выше уже упоминалось, что последнюю проблему часто представляют как современный антропологический кризис. Говоря об этом, В.С. Степин имеет в виду угрозу человеческой телесности со стороны активно деформирующегося современного техногенного мира. Эта угроза, по его мнению, особенно ярко проявляется в нескольких направлениях. Первое связано с всевозрастающим информационным потоком и стрессовыми нагрузками, загрязнением окружающей среды и увеличением количества канцерогенов, накоплением вредных мутаций. Технические возможности современной медицины, которые дают шанс спасти и продлевать жизнь, поражают воображение. Порог веса рождения младенцев, с которого он считается жизнеспособным, опустился до 500 г, а человек, находящийся в коме и подключенный к искусственным органам, может практически сколь угодно долго находиться в таком вегетативном, но живом состоянии.

Все это приводит к тому, что биологическое воспроизводство человека подвергается опасности и существует угроза ухудшения генофонда человечества, так как происходит устранение действий естественного отбора и выбраковки носителей генетических ошибок из поколения в поколение. Второе направление является следствием первого, а также связано с достижениями современных биотехнологий, которые направлены на лечение и профилактику ряда наследственных заболеваний. Речь идет о геной инженерии, которая не только позволяет добиться положительных результатов в лечении, но и представляет возможность вмешательства в генетику самого человека, подвергая опасности изменения основы его телесности²¹.

Говоря о технологических вызовах, редко кто из современных исследователей, ученых не упустит возможности высказать тревогу и призвать к бдительности. Д. Нейсбит, анализируя характерные черты современного общества (на примере американского), называет его Зоной Отравленной Технологией²². Интересно в этом отношении исследование Д. Нейсбитом изменения смысла понятия «технология» в американской энциклопедической литературе. В 1967 г. слово «технология» означало «объект, материал и физические процессы, отделенные от человеческих существ», в 1987 г. добавляются строки о «взаимоотношениях технологии с жизнью, обществом и окружающей средой, обществом и окружающей средой», в 1998 г. в определение понятия технологии включаются ее последствия. В этом контексте утверждение формулы «высокая технология – глубокая гуманность» представляется как способность принять технологию, сохраняющую нашу человечность, и отвергнуть на нее посягающую²³.

И здесь снова можно обратиться к тезису о том, что дорогостоящие технологические возможности, направленные на поддержание благополучия человека, прежде всего его жизни и здоровья, обуславливают тот факт, что каждый случай их применения становится общественно значимым событием и не может быть проигнорирован, более того – нуждается в определенных механизмах соци-

альной регуляции. Последние должны быть направлены на предупреждение и защиту опасных последствий вмешательства в биогенетическую природу человека, покушения на его телесность.

Примечания

¹ *Степин В.С.* Теоретическое знание. Структура, историческая эволюция. М., 2003. С.610–641.

² *Садовничий В.А.* Знание и мудрость в глобализирующемся мире: Докл. на Пленарном заседании IV Российского философского конгресса «Философия и будущее цивилизации». 24 мая 2005 г. М., 2005. С.18–19.

³ *Вернадский В.И.* Начало и вечность жизни. М., 1989. С.183.

⁴ *Вернадский В.И.* Указ. соч. С.184.

⁵ *Тищенко П.Д.* Биовласть в эпоху биотехнологий. М., 2001. С.108.

⁶ *Степин В.С.* Указ. соч. С.610–641.

⁷ *Водопьянова Е.* Другая наука: заказ инновационного общества // Свободная мысль. 2007. № 4(1575). С.134–135.

⁸ *Нежметдинова Ф.Т.* Защита прав и безопасности жизни человека в контексте достижений современных биомедицинских технологий (на примере деятельности этических комитетов) // Науч. зап. Казанской гос. акад. ветеринарной медицины. 2006. Т.189, октябрь. С.246–256.

⁹ *Садовничий В.А.* Указ. соч. С.10–11.

¹⁰ *Фролов И.Т., Юдин Б.Г.* Этика науки. Проблемы и дискуссии. М., 1986. С.79.

¹¹ *Фролов И.Т., Юдин Б.Г.* Указ. соч. С.78–79.

¹² *Callahan D.* Bioethics // Encyclopedia of bioethics / Ed. W.Th. Reich. N.Y., 1995. V.1. P.248.

¹³ *Ibid.* P.249.

¹⁴ *Тищенко П.Д.* Феномен биоэтики // Вопр. философии. 1992. № 3. С.104–113.

¹⁵ *Тищенко П.Д.* Указ. соч. С.104–113.

¹⁶ *Лопухин Ю.М.* Биоэтика и современная медицина // Врач. 2001. № 10. С.11.

¹⁷ Наука и общество на рубеже веков. М., 2000. С.64–65.

¹⁸ *Фукуяма Ф.* Наше постчеловеческое будущее: последствия биотехнологической революции / Пер. с англ. М.Б. Левина. М., 2004. С.18–19.

¹⁹ Там же. С.31.

²⁰ *Шайхудинов Р.Г.* Современные технологии власти // Вопр. философии. 2007. № 11. С.8.

²¹ *Степин В.С.* Указ. соч. С.30–31.

²² *Нейсбит Дж.* Высокая технология, глубокая гуманность: Технологии и наши поиски смысла / Пер. с англ. А.Н. Анваера. М., 2005. С.11–12.

²³ Там же. С.38–41.

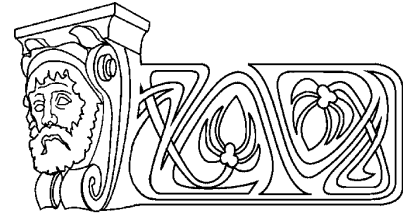

УДК 130.2

ФЕНОМЕН ГРАНИЦЫ КАК ОСНОВАНИЕ ИНТЕНЦИОНАЛЬНОСТИ РАЗУМА И ПРЕДМЕТНОГО ВОСПРИЯТИЯ РЕАЛЬНОСТИ

Л.Г. Пугачева

Российская академия государственной службы при Президенте РФ
E-mail: lgrugacheva@yandex.ru

Работа посвящена философскому анализу феномена «граница». Автор ставит вопрос о границе как чистом бессодержательном символе, выражающем сущностный смысл символического. Граница рассматривается в качестве базовой абстракции – источника формирования рефлексии как когнитивного и эпистемологического инструмента и основания множественности (восприятия многообразия материального мира). В связи с произведенным анализом дается определение разума как сущности «живого», благодаря способности к различению границ обретающего возможность индивидуализации в конкретном теле (единичном организме).

Ключевые слова: абстрактное, бытие, граница, разум, знание, эпистемологический хаос, тело, порядок.

The Limit Phenomenon as a Base of the Mind Intentionality and the Objective Reality Perception

L.G. Pugacheva

Our work is dedicated to the philosophical analysis of the "limit" phenomenon. The author considers the "limit" as a clear symbol devoid of content, which expresses the essential sense of the Symbolic. The "limit" is viewed as a base abstraction – the source of reflection of the cognitive and epistemological instrument and the basis of plurality (the perception of the material world variety). As a result of the analysis made on this subject, the author gives the definition of the mind as the essence of life assuming the possibility of individualization in the concrete body (in a single organism) due to the capability to distinguish limits.

Key words: Abstract, being, border, mind, knowledge, epistemological chaos, body, order.

Представление о «границе» присутствует в сфере внимания философии со времен Древней Греции. Но еще до формирования Анаксимандром представления об апейроне как божественном и одновременно материальном *αρχή* мира, до того как платоно-пифагорейская традиция стала использовать оппозицию «беспредельное – предел», в ранних мифологических картинах мира (Веды, школа орфиков и т.д.) «беспредельное» исполняло роль значимого космогонического принципа¹. Идея границы и ее отсутствия фундаментализировала самые первые онтологические опыты философской мысли.

«Граница» и «предел» прочно входят в область интересов современных исследователей, существует множество подходов: от математического до постмодернистского. Осмысление феномена границы играет важную роль в постмодернизме, например: «трансгрессия – это жест, который обращен на предел» (М. Фуко), «преодоление непреодолимого предела», «опыт-предел» (М. Бланшо), «край возможного», «жгучий опыт», который «не придает значения установленным извне границам» (Ж. Батай). Кроме того, представления о «границе» связаны с ключевыми темами современной философской и научной мысли: темами небытия², ничто, смерти, бесконечности, конечности человеческого бытия, а также системы, порядка, хаоса, нелинейности, синергетики и многих других.

Описывая реальность, разум сталкивается с феноменом «границы» на всех абстрактно-логических уровнях описания: от границы «города» и «леса», столь значимой в средневековом мире, до «предела» как математического и философского принципа современной науки.

Вопрос о существовании границы и понятие об «Абстрактном» как области ее феноменального проявления. В качестве феномена ментальной сферы граница есть «восприятие восприятия», то есть фиксация направленности «безграничного» или «небытия» (в смысле первоначального эпистемологического хаоса) на самое себя. По сути, граница есть фиксация движения или остановка. Восприятие восприятия и есть остановка. Граница – результат чисто абстрактного действия, поскольку осознание (восприятие восприятия) никак не выражено в материально-

предметном мире. Отсутствие как способ ее присутствия делает границу основой любой дифференциации, по сути, многообразия мировосприятия. Можно сказать, что понятие границы отражает сущность абстрактного мышления как мышления в символах, основой которого является речь.

Граница как феномен никак в материальном мире не выражена: ее существование парадоксально – граница это то, чего нет. Очевидное наблюдение: граница – это то, что не существует, но при этом это то, чем человек и все живое, безусловно, пользуется. *Граница – это «бытие небытия» в нашем материальном мире реальных объектов.* В самом деле, граница моря и суши со стороны моря – это море, со стороны суши – суша; граница тишины и звука до момента тишины – это звук, после того, как звук замер, – это тишина; граница дождя и засухи, вечера и ночи, вчера и сегодня и т.д. Какое бы явление мы ни рассматривали, такого материально выраженного феномена как граница не существует. То же касается феноменов нематериальных – граница любви и ненависти, сознания и бессознательного, воли и безволия, верности и предательства, системы и среды, элемента и системы. Мы можем описывать эти нематериальные «сущности», но мы ничего не сможем сказать о границе между ними.

Значит, можно сделать вывод о том, что мы столкнулись с ментальным образованием, чье логическое содержание – это чистое отрицание или «бытие небытия», присутствие, чьей формой является отсутствие. Форма выражения этого понятия – символ, не имеющий природных, материальных или иных «позитивных», содержательных соответствий, и, следовательно, основа символизации как таковой.

Граница – это то, что невозможно себе представить или найти соответствие в природном материальном мире в силу отсутствия материальной выраженности содержания хоть в какой бы то ни было малой степени. Это отличает понятие «границы» от любых других интеллигибельных понятий – воли, свободы, любви, Бога как творца сущего... Все они так или иначе, хотя бы по аналогии,

метафорически, содержательно-позитивно представлены в опыте человека. Даже бесконечность можно представить, созерцая окружность: нечто без начала и конца. Но «граница» как присутствие «отсутствия» стоит особняком. Легко представить обратное – отсутствие присутствия (путем исчезновения чего-либо). Но «Пустота» как таковая не воспринимается (там нет того, что заполняет восприятие): вместо границы суши мы всегда будем воспринимать море, вместо границы дозволенного – недозволенное и т.д.

Граница – это чистый бессодержательный символ, выражающий существование символического как такового. Символический, знаковый аспект разума может быть определен указанием на феномен границы. Бессодержательный символ границы не имеет внешней выраженности, он матрица «символического». Его графическим аналогом должно быть «невидимое» – граница как отсутствие присутствия. Именно «отсутствие» как выражение «различающей активности» восприятия выступает принципом творения сущего и эпистемологическим инструментом разума индивида. В самом деле, что делает разум индивида, как не решает, полагаясь только на самого себя, что ему полезно, а что нет, с чем он будет иметь дело, а с чем нет? В этом практическом слое реальности предельная абстракция, для которой нет адекватной формы, поскольку ее содержание составляет «невоплощенность», оборачивается буднично проявляющейся свободой воли живого существа, нацеленного на выживание.

Граница – это форма форм, руководящий принцип творения многообразия восприятия. Она служит инструментом восприятия и соответствует «фиксации» как позиции восприятия. Второй инструмент восприятия – отсутствие границы, или непрерывность, бесконечность, соответствует «движению» как позиции восприятия.

Таким образом, *граница – базовая абстракция, основа рефлексии как когнитивного и эпистемологического инструмента. И одновременно – основание множественности восприятия – многообразия предметов, процессов, явлений материального мира.* Но понимание границы как базовой абстракции

самоописания разума невозможно без другой базовой абстракции, относительно которой определяется «граница», – «безграничного». Безграничное, бесконечное, неопределенное как условие проявления границы выражает наиболее абстрактное отношение разума к реальности, поскольку, по сути, является даже не самим отношением, которое проводит границу, а только условием его возможности, как это понимает разум. *Безграничное*, таким образом, это *первая характеристика разумом возможности проявления самого себя: тотальное отсутствие всякого содержания или «Абстрактное» как таковое*. Поскольку о мире за своими пределами разум ничего сказать не может, мы будем выражать эту *невозможность содержательного определения как трансцендентальный логический уровень разума – Абстрактное*.

Абстрактное – это эпистемологическая неопределенность, неструктурированность за границами разума. Она возникает в тот момент, когда разум выражает сомнение в том, что его представление о реальности есть сама реальность, когда он переходит от естественной установки сознания к трансцендентальной. Этот вариант феноменологического сомнения отличается от радикального сомнения Р. Декарта, прежде всего, своей целью. Декарт стремился найти абсолютные основания знания – то, в чем уже сомневаться невозможно. Мы же *не ищем онтологических оснований разума, которые могут быть дискурсивно выражены, поскольку понимаем сомнение как наиболее эффективную установку сознания по отношению к реальности, позволяющую разуму сохранять подвижность, то есть возможность существовать и эволюционировать*. Подходя строго, мы не можем назвать предельным основанием разума ни феноменологически понимаемое сознание, ни трансцендентальное «я», ни интенциональность, ни бытие, ни тело индивида. Сомнение позволяет продолжать поддерживать аутопозис индивида, а не быть фиксированным на какой-то одной идее в ущерб аутопозитической задаче живого организма: меняться вместе с текучей реальностью настоящего момента.

Рассуждая таким образом, мы должны определить *разум как способность к проведению границ в Абстрактном*, при этом сама способность не тождественна никакой конкретной теоретической границе. Это значит, в частности, что, *являясь условием выразимости, сам разум – дискурсивно-теоретически невыразим и принадлежит уровню невыразимого порядка³, где бытие и знание еще не дифференцированы*.

Разум, который осознает отсутствие дифференциации и не находит для себя никакой опоры – ни в объективном существовании чего-то определенного, ни в структуре знания о существовании, осознает только феномен тотального отсутствия опоры вне себя, – это мы называем феноменологически понимаемым «небытием», или первичным, «эпистемологическим хаосом», перед которым разум оказывается в акте индивидуации. В этом смысле «небытие» (как отсутствие феноменологически обнаруживаемого присутствия чего-либо), «Абстрактное» (как отсутствие какого-либо содержания, которое могло бы быть дискурсивно выражено, отсутствие сущего), «эпистемологический хаос» (как отсутствие метода взаимодействия с этим невыразимым абстрактно-логическим уровнем восприятия) тождественны. *Разум как позиция, конституирующая сущность «человека», принадлежит уровню эпистемологического хаоса – Абстрактному как потенциальному источнику любой упорядоченности*. Исторически разум, познавая собственные границы, предлагает многочисленные теоретические конструкции своего образа как отправные точки полного осознания своей бесконечной невыразимой природы.

Граница как матрица символического – это естественная позиция восприятия, которая делает эпистемологический хаос, «ничто» чем-то, буквально переводит небытие в бытие, «ex nihil». Как остроумно и точно заметил Бейтсон, «в мире разума ничто (т.е. то, чего нет) может быть причиной»⁴, в данном случае – причиной существования многообразия мировосприятия. Но поскольку ни одна граница не имеет, в силу того, что все они – установления разума исключительно ментального характера – независимого «реаль-

ного» существования, а только относительное, многообразие мировосприятия также имеет относительный характер. Оно, в этом смысле, может быть расценено как буддистский и вишнуистский мир майи – иллюзии.

Из такого понимания разума возможны самые интересные выводы. Во-первых, можно дать ответ на вопрос где, в чем и как разум проводит границы? Поскольку до его деятельности никаких границ нет, восприятие находится в первичном состоянии неразличения, о котором нельзя мыслить, нечего сказать, по поводу чего нечего чувствовать и не на что реагировать, так как все эти функции сознания (в широком смысле) уже предполагают наличие «границ» – в состоянии первичного (эпистемологического) небытия.

Разум проводит границу в первичном небытии и тем самым создает Креатуру в Плероме, если воспользоваться юнгианскими терминами, или создает «объективную реальность» в Абстрактном. Граница как присутствие отсутствия возникает в плероматическом Абстрактном – небытии сущего. Таким образом, воспринимаемый мир является результатом отношения первичного небытия к самому себе: небытие, отнесенное к небытию, если оно осознанно, есть феномен границы – чистой фиксации отсутствия или, в терминах феноменологии восприятия, которую мы развиваем, непрерывности, континуальности разума к ней же самой (так возникает первый «знак» и знаковое – предикативное – измерение реальности).

Вводя представление об отношении Абстрактного (небытия) к самому себе как феномене разума – границе – и первичном акте самоорганизации реальности, мы вынуждены пойти дальше и поставить вопрос о причинах этого первичного отношения, что естественно, пока мы находимся внутри причинно-следственной логики. Ведь методологически рассуждение о причинах и следствиях опирается на идею первопричины. Радикальный конструктивизм (в идеях кругообразности и самореферентности познания), постмодернизм (в идее ризомы), кибернетическая эпистемология (в идее обратных связей как условия онтологической коммуникации инди-

видов), используя логику причин и следствий, предлагают отбросить вопрос о первопричине, замкнув «начало» и «конец» интерпретации «друг на друга» по образцу мифологического Уробороса. Рассматривая эпистемологическое решение проблемы первоначала указанных философских направлений как преддверие формирования понимания нетеоретической позиции разума, мы все-таки хотим обозначить момент вступления в замкнутый круг «жизнь – познание – реальность» индивидуального разума, не касаясь причин самой индивидуации (считаем, что это – тема отдельного исследования).

Отношение небытия (как потенции многообразия бытия и познания) к самому себе есть онтологическая интерпретация эпистемологического понимаемого процесса индивидуации разума, который, в свою очередь, на языке концепции аутопоэзиса, не признающей дискурсивной онтологии, может быть обозначен как феномен отдельного организма – атома жизни. Жизнь индивида как воплощенного телесного существа является тем условием, которое может быть в феноменологическом анализе описано как интенциональность разума. Речь, в данном случае, идет не об интенциональности сознания как направленности его на предмет, а об интенциональности разума (различающей способности человека), ее направленности на абстрактную цель – жизнь индивида. Интенциональность разума проявляется как феномен индивидуального осознания, процессуально понимаемой способности живого телесно-ментального единства удерживать абстрактное намерение – быть самим собой, аутопоэтической системой. Вне условия индивидуальной, телесной жизни разум не имеет направленности, «разум вообще» не может породить ничего нового, потому что нет причин для его движения, он не имеет интереса познавать, потому что не осознает ценность жизни. Именно телесное измерение разума – осознание – обеспечивает интенциональность разума.

Осознание необходимо определить как экзистенциальную форму разума, проявление его телесного модуса или разума в аспекте индивидуации. В этом смысле осознание не

может быть коллективным, в отличие от сознания, которое всегда может сослаться на дискурсивную интерпретацию по поводу предмета сознания. Осознание отличается от самосознания тем, что не имеет обязательного дискурсивного выражения. Осознание – индивидуальный, телесный феномен, проявляющийся только в режиме «здесь-и-сейчас», предназначенный для «внутреннего когнитивного пользования» индивида.

До того как вступает в действие дискурсивная функция разума, интенциональность тела в актах индивидуального осознания проводит первые границы восприятия: с чем-то отождествляясь и что-то отвергая в процессе аутопоэзиса (еду, тепло и т.д.). Таким допредикативным телесным образом разум конструирует материально-вещественно воспринимаемый мир, который впоследствии речь интерпретирует как предметный.

Во-вторых, есть и другой вопрос: если разум – это способность проводить границы, ни одна из которых, таким образом, не является абсолютной, то почему результат деятельности разума – объективная реальность обладает явным образом совершенно незыблемой и независимой от усилий познания властью над человеком, по крайней мере, над человеческим телом? Тело подчинено материальному миру, а весь материальный мир подчинен объективным законам, например, возникновению и разрушения. Возможно, вопрос нужно поставить иначе – зачем разуму проводить границы таким образом, что он сам становится пленником той структуры, которая возникает? В конечном счете, вопрос трансформируется в следующий – зачем разуму быть ограниченным? Вероятно, это и есть ключевой вопрос, ответ на который сможет радикально изменить современную эпистему и действительно продвинет разум на пути эволюции.

Очевидно, разум современного человека в его знаково-цифровом, дискурсивном аспекте уже находит себя «втянутым» в некое отношение к абстрактному, которое порождает позицию восприятия «тело – окружающий материальный мир». В этом смысле, *тело – это позиция разума, когда он представлен самому себе в качестве отчужденного*

восприятия целостного комплекса определенного рода ограничений, которые сам воспринимает как объективный (биологический) аспект жизни. Ответить на вопрос, зачем разуму ограничивать себя, означает установить, ради какой абстрактной цели необходимо «биологическое тело» (как объективная манифестация разума), поскольку «*тело*» как *объективация разума подчиняет его законам материального мира.*

Очевидным ответом будет являться – *биологическое продолжение рода. Тело обеспечивает разуму бесконечное продление во времени* путем рождения все новых поколений: множества индивидуальных разумов. Но ответить на этот вопрос также означает понять, какие предельные возможности таит в себе «тело». В современном познании довольно часто можно встретить вопросы о том, насколько процентов мозг использует свои возможности в повседневной деятельности, аналогичный вопрос необходимо задать в отношении тела: насколько мы используем эпистемологические возможности тела? С точки зрения задачи познания, тело – это орган восприятия, поэтому предельный вопрос должен звучать так: каковы действительные возможности восприятия тела? Ответить на него, очевидно, можно только практическим путем, используя эти возможности в познании.

В силу того, что тело является фундаментальной манифестацией разума, он не может быть свободен до тех пор, пока не откроет в «теле» самого себя, не научится на практике осознавать «тело» в качестве своего собственного способа относиться к Абстрактному, порождая мир Креатуры.

Тело интересно разуму тем, что ключевой характеристикой тела является его конечность, смерть как абсолютная граница. Поскольку тело является манифестацией разума в воплощенном мире, мире границ, отделяющих живых существ от неживого вещества и друг от друга, можно утверждать, вслед за Гр. Бейтсоном, что *разум – это сущность живого.* Если бы не разум с его способностью проводить границы – между телом и средой, между опасностью и ресурсом для жизни, между жизнью и смертью – жи-

вой организм не мог бы поддерживать жизнь – его восприятие как основа Креатуры просто бы не работало.

Поэтому один из ответов на вопрос «зачем разуму быть ограниченным», в рамках концепции аутопоэзиса звучит так – затем, чтобы поддерживать аутопоэзис как избирательное и целесообразное поведение живого организма в окружающей среде. Безграничный разум просто не смог бы коммуницировать с реальностью и получать ресурс для жизни тела – у безграничного разума с ней просто бы не было точек соприкосновения.

Разум – это сущность живого не потому, что это его действительно окончательное определение. Но когда-то разум выбрал этот способ отношения к Абстрактному, и теперь он – пленник своей отчужденной половины – физического тела. Поскольку это так, ключевой задачей разума является выживание этого физического тела.

Примечания

¹ Румянцева Т.Г. «Апейрон» // История философии: Энцикл. Минск, 2002. С.50.

² Среди отечественных разработок этой темы наиболее интересная, на наш взгляд, см.: Ососков А.С., Ососкова Н.М. Меонтология человеческой конечности. Прологомены к проекту философской танатологии // Философия и миф сегодня. Саратов, 1998.

³ В.И. Аршинов, М. Лайтман и Я.И. Свирский предлагают говорить о трансцендентальном параметре порядка. Физик Д.Бом – о «свернутом порядке» или уровне «целостности» универсума (см.: Аршинов В.И., Лайтман М., Свирский Я.И. Сфирот познания. М., 2007. С.112; Bohm D. Unfolding Meaning. A Weekend of Dialogue with David Bohm 1985 by David Bohm and Emissary Foundation International // Развертывающееся значение. Три дня диалогов с Д. Бомом // <http://spintongues.msk.ru/bohm/bohm.htm> (просмотр от 15.06.2008).

⁴ Бейтсон Гр. Форма, вещество и различие // Бейтсон Гр. Экология разума. Избранные статьи по антропологии, психиатрии и эпистемологии. М., 2000. С.417. Пример того, как «ничто» может быть причиной: отсутствие письма об оплате электричества может быть причиной отключения электроэнергии.

УДК 613

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ ЗДОРОВЬЯ

О.А. Рагимова

Саратовский государственный университет
E-mail: RagimovaOlga@yandex.ru

Статья посвящена анализу понятия здоровья. Полем обобщения является межпарадигмальный анализ.

Ключевые слова: здоровье, благополучие, составляющие здоровья, качества жизни, межпарадигмальный подход.

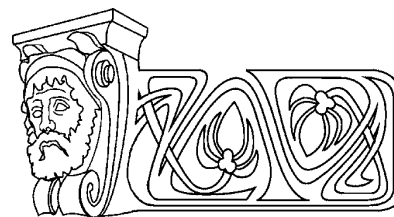
Theoretic Principles, Definitions of Health Conception

О.А. Рагимова

The article is dedicated to the analysis of health conception. The interparadigmatic analysis is the foundation of generalization.

Key words: health, prosperity, components of health, live qualities, interparadigmatic method.

Следует отметить, что еще в древности здоровье рассматривалось, в первую очередь, как отсутствие или наличие болезни (Платон, Аристотель, Авиценна). Но уже в начале XIX века Гегель¹ подчеркивал, что здоровье – это

«пропорциональность между самостью организма и его наличным бытием», указывая тем самым на более сложный и многогранный характер этой категории. Сравнительный анализ различных представлений о здоровье показал, что его определение связано с методологическими подходами и предметными областями тех наук, в рамках которых ученый использует предметно-категориальный аппарат науки. Немало дефиниций здоровья дано в рамках медицины и биологических наук. Так, кардиохирург Н.М. Амосов определяет здоровье организма его количеством, которое можно оценить максимальной производительностью органов при сохранении качественных пределов их функций, делая акцент на биологической надежности ор-

ганизма². Расширяя эту категорию, В.П. Казначеев вносит в нее психологическую и социологическую составляющие, подчеркивая ее динамичность: «Здоровье – это процесс (динамическое состояние) сохранения и развития биологических, физиологических и психических функций, оптимальной трудоспособности, социальной активности при максимальной продолжительности жизни»³.

В поле зрения современных исследований здоровья находятся научные проблемы, связанные с качеством жизни. Ряд авторов: И.И. Брехман, С.В. Попов, В.Б. Самсонов, А.Ф. Голубенцев, А.М. Демин, С.Н. Семенов, В.Б. Устьянцев – считают, что понятие здоровья отражает качество приспособления организма к условиям внешней среды и представляет итог процесса взаимодействия человека и среды обитания, где само здоровье формируется в результате взаимодействия внешних (природных и социальных) и внутренних (наследственность, пол, возраст) факторов. Само здоровье нередко делится на несколько компонентов (видов)⁴: соматическое, физическое, психическое, нравственное. К этим разновидностям примыкают душевное (Э. Фромм, З. Фрейд, Э. Эриксон, Д.Б. Эльконин, Н.Н. Поддьяков) и социальное здоровье (В.Н. Ярская, Е.В. Ярская-Смирнова, Ю.В. Овинова, Л.Г. Матрос, Е.А. Маврина). Данный подход, во-первых, отражает взгляды на здоровье с разных позиций и указывает на то, что в процессе развития человечества все в большей степени углубляется изучение феномена здоровья, и, во-вторых, актуализирует тесную взаимосвязь здоровья человека и факторов, влияющих на него. Такая концептуальная позиция позволяет заключить, что проблемы здоровья человека и общества должны быть рассмотрены, в первую очередь, с позиций ценностного подхода.

Рассмотрение социально-биологического феномена здоровья с позиций ценностного подхода дает наиболее яркое представление о его роли как одного из главных компонентов благосостояния, качества жизни. Идеи о том, что здоровье – это естественная, абсолютная и непреходящая жизненная ценность, занимающая одну из самых верхних ступеней на иерархической лестнице ценностей, а

также в системе таких категорий человеческого бытия, как интересы и идеалы, гармония, красота, смысл и счастье жизни, творческий труд, впервые рассмотрены следующими авторами в России: М. Поповым, М. Михайловой, а затем Н.В. Панкратьевой, В.Ф. Поповым, Ю.В. Шиленко⁵. Взгляд на здоровье как на наивысшее по своему значению жизненное благо имеет тысячелетнюю традицию. Причем по мере роста благосостояния населения, удовлетворения его естественных первичных потребностей в пище, жилье и других благах относительная ценность здоровья в глазах человека возрастает, ему уделяется все большее внимание. Вышеназванные авторы считают, что значение сохранения здоровья усиливается по мере влияния технизированной окружающей среды на организм человека. Хорошее здоровье представляет собой величайшее социальное благо, поскольку оно удовлетворяет базисную жизненную потребность человека, уровень которой зависит от реальных социально-экономических условий, от степени удовлетворения других социально приобретенных потребностей.

Анализ этих представлений связывает здоровье и все сферы жизнедеятельности людей, обеспечивая полноту и интенсивность многообразных жизнепроявлений человека (не говоря уже о самой их возможности), выражает зависимость уровня здоровья от его «качественных» характеристик. Присоединяясь к мнению этих ученых, мы считаем, что высокий потенциал физической, психической и умственной дееспособности служит важнейшим залогом полноценной жизни человека. Он охватывает как «вещную», морфологическую структуру (физическое здоровье), так и духовно-практическую сущность развертывания творческих дарований человека (психическое здоровье), его целостного всестороннего развития (социальный аспект здоровья).

Здоровье выступает в качестве одного из необходимых и важнейших условий активной, творческой и полноценной жизни человека в обществе. К. Маркс представил «болезнь как стесненную в своей свободе жизнь». Недостаточный уровень здоровья

(при прочих равных условиях) оказывает негативное влияние на социальную, трудовую и экономическую активность людей, на производительность и интенсивность труда; отрицательно сказывается на ряде показателей естественного движения населения, а также на здоровье и физическом развитии потомства. Так И.В. Журавлева и Л.С. Шилова полагают, что здоровье является благом или ресурсом, от степени обладания которым зависит уровень удовлетворения практически всех потребностей человека⁶.

Качественные характеристики здоровья в значительной мере определяют образ и стиль человеческой жизни: уровень социальной, экономической и трудовой активности, степень миграционной подвижности людей, приобщение их к современным достижениям культуры, науки, искусства, техники и технологии, характер и способы проведения досуга и отдыха. В то же время здесь проявляется и обратная зависимость: стиль жизни человека, степень и характер его активности в быту, особенно в трудовой деятельности, во многом определяют состояние его здоровья. Внимание к собственному здоровью, способность обеспечить индивидуальную профилактику его нарушений, сознательная ориентация на здоровые формы жизнедеятельности – все это может служить показателем не только санитарно-гигиенической грамотности, но и общей культуры человека. Таким образом, культура здоровья становится важным показателем этого феномена. Потребность в здоровье носит всеобщий характер, она присуща индивидам и обществу в целом. Здоровье оказывает огромное влияние на качество трудовых ресурсов, производительность общественного труда и тем самым и на динамику экономического развития общества. В условиях перехода к преимущественно интенсивному типу развития производства наряду с другими качественными характеристиками рабочей силы – образованием, квалификацией – здоровье приобретает роль ведущего фактора экономического роста⁷, то есть становится человеческим капиталом, основным фактором развития общества.

Масштабы заботы государства о «фонде» здоровья своих граждан, реальные усло-

вия и достижения в этой области можно рассматривать в качестве показателя социально-этической зрелости общества, уровня его гуманизации. В этой связи возникает много вопросов, но все они сводятся к проблеме соотношения социально-ценностной и нравственно-гуманистической сторон здоровья. Оказывая влияние на различные стороны благосостояния, само здоровье формируется под значительным воздействием условий и всего уклада жизни людей (условий труда, питания, жилищных условий, валеологического поведения и т.д.). Проявления такого многоаспектного воздействия весьма сложны и неоднозначны. Многоплановая связь между здоровьем и благосостоянием, определяемая сложной системой причинно-следственных отношений, обуславливает необходимость исследования здоровья в рамках комплексного подхода к уровню жизни населения и в контексте концепции качества жизни. Важнейшее направление таких исследований – выявление основных механизмов формирования социального здоровья, количественный и качественный анализ влияния на состояние здоровья различных факторов, характеризующих условия и образ жизни субъектов социального здоровья. Представленный в проблемной области социологической литературы теоретический поиск факторов здоровья имеет практическое значение, которое определяется необходимостью разработки оздоровительно-профилактических программ, выявления контингента лиц, особо нуждающихся по состоянию здоровья во внимательном отношении со стороны органов здравоохранения и социума в целом, а также преимущественного распределения ресурсов (материальных, трудовых, финансовых) в пользу этих лиц. Первостепенная значимость данного направления обусловлена, таким образом, его непосредственной связью с решением конкретных задач социальной политики государства, предусматривающих сохранение и укрепление совокупного потенциала здоровья населения, всестороннее развитие индивидов.

По мнению академика А.Д. Адо⁸, все болезнетворные факторы оказывают свое воздействие на здоровье через его социальную

природу, ближайшее и более широкое окружение. Анализ литературных данных позволяет констатировать отсутствие общепринятой трактовки понятия «здоровье». Существующий ряд определений этой категории, основанных на различных методологических подходах и критериях, формируется в рамках как болезнecентрической, так и здоровьесцентрической парадигмы. Многообразие взглядов на сущность понятия «здоровье» в научной литературе и безуспешность попыток выработать единое, согласованное мнение в значительной степени объясняются тем, что здоровье представляют собой весьма сложное явление, характерные и значимые стороны которого трудно выразить кратко и однозначно.

Имеется несколько принципиально разных подходов к трактовке понятия «здоровье». Один из наиболее часто используемых принципов – принцип прямого противопоставления двух качественных различных состояний: нормального физиологического (которому соответствует понятие «хорошее здоровье») и болезни (или «плохого здоровья»). Большая часть определений здоровья содержит или подразумевает такое полярное разграничение. Между тем, подобный подход представляется недостаточно продуктивным. В действительности, между болезнью и здоровьем имеется множество переходных состояний. Еще более двух тысяч лет назад Гален выделил следующие три состояния: здоровье, болезнь и промежуточные состояния – «ни здоровье, ни болезнь». Авиценна создал классификацию из шести категорий: первые четыре соответствовали различным градациям здоровья, а остальные две – состоянию патологии разной степени. Большинство современных ученых рассматривают здоровье как способность человека к оптимальному физиологическому, психическому и социально-эмоциональному функционированию⁹. Но на практике о здоровье судят по-прежнему по наличию или отсутствию болезни. «Переходное» состояние между ними характерно для людей, пребывающих в специфическом психофизиологическом статусе (например, предродовой или послеродовой период, климакс и т.д.). Сюда же относятся лица, систематически употреб-

ляющие алкоголь, большинство курящих и ведущих антигигиенический образ жизни в целом. В этом состоянии люди могут находиться годы, а то и всю жизнь. В генетическом аспекте речь может идти о реализующемся или нереализующемся предрасположении к болезни (или о различной «норме реакций»). Так, люди, предрасположенные к эндемическому зубу, в нормальных условиях (например, в средней полосе России) не страдают этой формой патологии, а в так называемой зубной местности (с низким содержанием йода в воде) эта болезнь поражает людей, в то время как не предрасположенные к ней остаются здоровыми. Длительное курение стимулирует развитие тяжелой формы болезни – эндартериита, признаки которой накапливаются постепенно и могут вести даже к самопроизвольной гангрене конечностей. Результат различных методологических подходов к здоровью человека и критериям его оценки – различия в делении этой, по существу, комплексной категории¹⁰.

Среди исследователей, рассматривающих категорию здоровья как способность человека к оптимальному физиологическому, психологическому и социальному функционированию, большое внимание уделяется именно благоприятному функционированию, а не только отсутствию болезни или физических дефектов. Опираясь на эти данные, мы можем использовать структурно-функциональный анализ, позволяющий расширить представления о здоровье.

В философской литературе активно изучаются проблемы телесности¹¹. В рамках этих исследований здоровье определяется как характеристика тела. В медицинских дисциплинах¹², биологических¹³, социальной антропологии¹⁴, философии телесности¹⁵, психологии¹⁶ сложились определенные методологические традиции в рассмотрении видов здоровья. Приведем некоторые определения, на наш взгляд, наиболее устоявшиеся в научной литературе¹⁷:

Соматическое (телесное) здоровье – это основа биопрограмм индивидуального развития, опосредованная базовыми потребностями, доминирующими на различных этапах онтогенетического развития.

Физическое здоровье – это уровень роста и развития органов и систем органов, основу которого составляют морфологические и функциональные ресурсы и резервы организма, обеспечивающие адаптационные реакции.

Психическое здоровье – состояние психической сферы, основу которого составляет состояние общего душевного комфорта, обеспечивающее адекватную поведенческую реакцию. Такое состояние определяется как биологическими, так и социальными потребностями, а также возможностями их удовлетворения.

Нравственное здоровье – комплекс характеристик мотивационной и потребностно-информативной сферы жизнедеятельности, основу которой определяет система ценностей, установок и мотивов поведения индивидуума в обществе. Нравственное здоровье опосредовано духовностью человека.

Широко известно и часто цитируется определение здоровья, данное в рамках Всемирной организации здравоохранения: «Здоровье – это состояние полного физического, психического и социального благополучия, а не только отсутствие болезней и физических недостатков»¹⁸. В этом определении, на наш взгляд, выделены самые важные аспекты здоровья, три основных составляющих этой категории: физическая, психологическая и социальная.

Необходимо отметить наличие в литературных источниках по изучению категории здоровья субъективных и объективных подходов и критериев. В первом случае в основу понятия здоровья положено только субъективное состояние индивида. В связи с этим необходимо более объективно оценить использование субъективных оценок здоровья. Второй подход апеллирует к объективным критериям, здесь здоровье рассматривается как состояние структур и функциональных систем человеческого организма, поэтому оно определяется как нормальное физическое состояние, как оптимальное приспособление к требованиям среды, а болезнь – как функциональная (органическая) недостаточность, как нарушение приспособляемости.

Использование такого определения требует соотнесения качественных и количественных характеристик здоровья, в частности, изменения структур и функций отдельных органов и систем органов, организма в целом, которые могли бы характеризовать состояние здоровья. Это определение дополнило функциональный подход, исходящий из толкования здоровья как способности индивидуума осуществлять присущие ему биологические и социальные функции, в частности, способности к выполнению общественно полезной деятельности.

Деятельный (функциональный) подход к определению здоровья наиболее распространен и связан с социальными функциями. Как справедливо отмечают Н.В. Панкратьева с соавторами¹⁹, категория здоровья связана не просто с трудовой и социальной активностью, а именно с деятельностью (включая оба аспекта) в условиях меняющейся внешней среды. И здесь способность к адаптации – один из важнейших показателей здоровья. В данном случае авторы под адаптацией понимают не только приспособление к природным или производственным условиям, но в большей степени – к меняющимся социальным ситуациям. Установлено, что адаптационная способность человека зависит от типа и особенностей его нервной системы²⁰. Серьезное внимание ученых привлечено сегодня к изучению как неврозов, так и психосоматических заболеваний, которые могут возникнуть при воздействии на человека неблагоприятных психологических и социальных факторов²¹. Хроническая стрессовая ситуация может быть обусловлена и высоким темпом жизни. В последнее время в литературе накоплено большое количество данных, свидетельствующих об участии психосоциальных факторов в возникновении и развитии психосоматических заболеваний, резко снижающих адаптивные возможности личности к негативным явлениям современной экономической и политической действительности. Замкнутость, нерешительность, тревожность, апатичность, повышенная астения нередко возникают как следствие разного рода «сверхнагрузок», в том числе и социальных стрессов. В обществе возникают социальные

риски, влияющие на состояние здоровья индивидуума и социума.

Социально-психологическое состояние целого ряда безработных отличается искаженным восприятием действительности, пессимизмом, снижением жизненной активности, неуверенностью в себе, снижением мотивации достижения цели, повышением уровня психоэмоциональной напряженности, снижением самооценки и уровня социальной адаптации, а также развитием психосоматических заболеваний. В.П. Хомутов этот комплекс симптомов определяет как синдром социально-психологической дезадаптации, несущий дезинтеграционный компонент поисковой активности в условиях изменяющейся социальной среды и сопровождающийся нарушением деятельности, направленной на изменение ситуации, а также ведущий к снижению показателей нервно-психического здоровья. Таким образом, риск потери здоровья, работы, возможностей удовлетворить свои потребности становится показателем социального здоровья. Социальная адаптированность, социальное благополучие – важные критерии здоровья, при этом большую роль играет душевный комфорт. Все уровни здоровья целесообразно рассматривать в динамическом аспекте. Проблема соотношения физических и социальных факторов в изменении психофизического состояния организма широко обсуждается в литературе. В настоящее время все больше утверждается точка зрения, согласно которой здоровье определяется взаимодействием биологических и социальных факторов (В.Ф. Ломов с соавт., Н.В. Панкратьева с соавт., Р.В. Тонкова-Ямпольская), т.е. внешние воздействия опосредуются особенностями функций организма и их регуляторных систем.

Необходимость учитывать влияние на человека биологических факторов и, прежде всего, его генетической обусловленности подтверждается данными современной науки. Но роль сознания и культуры в процессе здоровьесбережения очень велика. Опираясь на введенное П. Штомпкой²² представление о взаимодействии естественной среды и сознания, можно утверждать, что большая часть происходящих в обществе событий зависит

от умственных способностей, прироченных талантов, физической силы, выносливости, здоровья и приспособленности каждого члена общества. Исследователь отразил важные взаимосвязи между естественной средой, которая имеет непосредственное отношение к человеческим действиям и к оперированию структур, с генетическим багажом популяций. Думается, что эти теоретические данные можно использовать для расширения представлений о здоровье в русле структурно-функционального анализа этой категории и определения культуры, которая формирует сознание – важную составляющую часть здоровья.

Примечания

¹ См.: Гегель В.Ф. Энциклопедия философских наук: В 3 т. М., 1974. Т.1. С.558.

² См.: Амосов Н.М. Мое мировоззрение // Вопр. философии. 1992. № 6. С.72–81.

³ Казначеев В.П. Антропоэкология и здоровье: концептуальная модель. Методические проблемы экологии человека. Новосибирск, 1988. С.7.

⁴ См.: Попов С.В. Валеология в школе и дома. СПб., 1997.

⁵ См.: Журавлева И.В., Шилова Л.С. Изменение отношения к здоровью населения СССР. Социальные проблемы здоровья и продолжительности жизни населения СССР и Финляндии. М., 1992. С.88; Панкратьева Н.В., Попов В.Ф., Шиленко Ю.В. Здоровье – социальная ценность. Вопросы и ответы. М., 1989; Попов М., Михайлова М. Здоровье как социальная ценность. Философские и социально-гигиенические аспекты учения о здоровье и болезни. М., 1975. С.51.

⁶ См.: Журавлева И.В., Шилова Л.С. Указ. соч. С.88.

⁷ См.: Панкратьева Н.В., Попов В.Ф., Шиленко Ю.В. Указ. соч.

⁸ Адо А.Д., Царегородцев Г.И. Борьба материализма и идеализма в учении о здоровье и болезни. М., 1970.

⁹ Акопян А.С., Харченко В.И., Мишиев В.Г. Состояние здоровья и смертности детей и взрослых репродуктивного возраста в современной России. М., 1999; Акмеология: В 2 ч. Саратов, 2003; Баранов С. Слагаемые депопуляции // Медицинский курьер. 1997. № 4(5). С.10–11; Димов В.М. Философия и социология здоровья. Алматы, 1998; Разумов А., Пономаренко В., Пискунов В. Здоровье здорового человека. М., 1996.

¹⁰ См.: Панкратьева Н.В., Попов В.Ф., Шиленко Ю.В. Указ. соч.

¹¹ См.: Маслов Р.В. Телесность человека: онтологический и аксиологический аспекты. Саратов, 2003; Михель Д.В. Тело, территория, технология. Философский анализ стратегий телесности в современной западной культуре. Саратов, 2000.

¹² См.: Агаджанян Н.А., Турзин П.С., Ушаков И.Б. Окружающая среда и наше здоровье // Экология России. 1997. № 1. С.38–40; Брехман И.И. Валеология – наука о здоровье. М., 1990.

¹³ См.: Ариавский И.А., Розанова В.Д. Физиологические механизмы адаптации у детей в различные возрастные периоды // Физиологические механизмы адаптации подрастающего поколения: Тез. докл. конф., февраль 1974 г.: В 2 т. Петрозаводск, 1974. Т.1. С.67; Буштуева К.А., Слущанко И.С. Методы и критерии оценки состояния здоровья населения в связи с загрязнением окружающей среды. М., 1979.

¹⁴ См.: Жаров Л.В. Человеческая телесность: философский анализ. Ростов н/Д, 1988. С.25.

¹⁵ См.: Маслов Р.В. Указ. соч.; Михель Д.В. Указ. соч.

¹⁶ См.: Березин Ф.Б. Некоторые аспекты психической и психофизиологической адаптации человека. Психологическая адаптация человека в условиях Севера. Владивосток,

1980. С.4–43; Димов В.М. Указ. соч.; Понукалин А.А. Психическое здоровье населения. Психолого-методические вопросы спорта, физкультуры и здоровья. Саратов, 1993. С.118–121.

¹⁷ См.: Акмеология: в 2 ч. Саратов, 2003.

¹⁸ Большая медицинская энцикл.: В 30 т. 3-е изд. М., 1978. Т.8. С.356.

¹⁹ Панкратьева Н.В., Попов В.Ф., Шиленко Ю.В. Указ. соч.

²⁰ См.: Бехтерев В.М. Избранные работы по социальной психологии. М., 1994. С. 193, 272; Социальная адаптация детей в дошкольных учреждениях. М., 1980.

²¹ См.: Казначеев В.П. Современные аспекты адаптации. Новосибирск, 1980; Петрова Н.Г. О факторах, неблагоприятно влияющих на здоровье населения // Здравоохранение РСФСР. 1985. № 7. С.13.

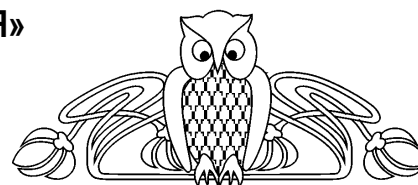
²² См.: Штомпка П. Социология социальных изменений. М., 1996.

УДК 1(075.8)

О ГЕРМЕНЕВТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ «ПОНИМАНИЯ» В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ И КУЛЬТУРЕ

Б.Н. Соваков

Калужский филиал Российской правовой академии Министерства юстиции РФ
E-mail: bsovakov@kaluga.ru

В статье ставится проблема исследования герменевтической традиции в русской философии и культуре. Проводится онтологический анализ исследований по герменевтике в русской классической философии. Автор выводит методологические константы, которые раскрывают суть герменевтической традиции в русской философии.

Ключевые слова: герменевтическая традиция, русская классическая философия, культура, смысл, методологические константы герменевтики.

On Hermeneutic Tradition of «Understanding» in the Russian Philosophy and Culture

B.N. Sovakov

The article states the problem of hermeneutic tradition research in the Russian culture and philosophy. The ontological analysis of hermeneutic investigations in the Russian classical philosophy is made. The author draws out the methodological constants showing the essence of the hermeneutic tradition in the Russian philosophy.

Key words: hermeneutic tradition, Russian classical philosophy, culture, sense, hermeneutic methodological constants.

Несомненно, большое значение в национальной культуре принадлежит ее основе – языку. В культурологической литературе

вполне устоялась и имеет широкое поле научного исследования проблема построения и интерпретации языковых форм. В этом ключе особый ракурс приобретает «понимание» как одна из существенных характеристик филолого-культурологических исследований, имеющих весьма важное философское содержание.

Если принять как аксиому, что смысл есть то, что понимается, тогда метод герменевтики есть то, что онтологизирует саму субстанцию «понимание», придавая культуре достаточную определенность во всех известных цивилизациях. Смысл как идеальная и методологическая сущность исследуется философией, помогая филологии обрести устоявшиеся формы. Это стилистика, фонология, грамматика и т.д., вытекающие из ряда частных философских онтологизаций. Феноменология смысла в своей нерасчлененности остается уделом философии, и метод герменевтики как комплексный подход превращается в философский метод.

В различных культурах и различных философских школах актуализировались те или иные аспекты герменевтики: в одних преимущественно усматривался тайный смысл, в других – буквальный, в третьих – идейный¹. Нам представляется, что оптимальное проявление метода герменевтики должно являть собой наиболее сбалансированное, гармоничное и одновременное действие всего методологического комплекса, который обеспечивает адекватность получаемого смысла и создает идентичность парадигмам национальных культур.

По большому счету, русская национальная духовная культура является оптимумом воплощения многих ее компонентов. В русской культуре, в частности, философии и литературе метод герменевтики представлен гармонично и многосторонне, а отдельные стороны этого метода глубоко и продуктивно проработаны русской философией. В этом убеждает нас рассмотрение основных работ ряда русских философов. Удивительно четко общая проблематика герменевтики в ее философском ракурсе, в видах и формах, бытовавших от классической античности до середины XIX в. в европейской философской мысли, показана в работах Г.Г. Шпета². Проблема «понимания» как основной аспект методологии научного мышления и онтологии понимания в науке развернута В.В. Розановым³. С.Л. Франк отдает пальму первенства «постижению непостижимого» как предельного уровня, до которого онтология субстанции «понимание» имеет смысл как таковая и имеющая внутри себя логико-гносеологический синтез гносеологии и онтологии. А.Ф. Лосев в «Философии имени»⁴ проводит глубокий анализ гносеологии слова, показывая ее как явление человеческого языка и проявления духа. Вот основные черты той палитры субстанции «понимание» в русской философии, которые создают богатейшую культуру человеческой мысли независимо от конкретных вариантов толкования их понятийным аппаратом философских доктрин.

Русская философия в формировании самобытности всегда держала в поле своего внимания ход западной мысли, принимая ее плоды одновременно творчески и критиче-

ски. Рассуждения русских философов относительно составляющих метода герменевтики связаны с идеями И. Канта⁵, В. Гумбольдта, Ф. Э. Д. Шлейермахера, Х.-Г. Гадамера, М. Хайдеггера, Э. Гуссерля, Ж. Бодрийяра, К. Ясперса и других, включая сюда работы философов-аналитиков Б. Рассела, М. Шлика, А.Д. Айера, Д.Э. Мура, Н. Мальколма, Р. Чизолма, Дж. Остина, Д.М. Армстронга, Д. Дэвидсона, Б. Страуда⁶. На их взгляды и рассуждения русская философия герменевтики всегда опиралась как на теоретическую базу своего исследования.

Сегодня имеет научную ценность и практическую актуальность новое обращение к реконструкции историко-культурного контекста, языка и менталитета, что уже в достаточной степени показано в теоретических размышлениях ведущих культурологов России XX в., в частности, Д.С. Лихачева⁷ и его трактовке важнейших составляющих духовной жизни народа Древней Руси, М.М. Бахтина⁸ и его теории смысловой амбивалентности, ставшей важнейшим аспектом духовной жизни европейского и русского Средневековья.

Проведение этого исследования убедило нас в целостности герменевтической парадигматики русской философии, которую можно назвать «традицией», и она находит широкое подтверждение в русской национальной культуре. Субстанция «понимание» рассматривается в русле герменевтической традиции, которая не сводится к узкоспециальной форме толкования религиозных и эзотерических текстов или к современным филологическим исследованиям в русле филологической герменевтики. Говоря о герменевтической традиции в русской философии, мы представляем ее как:

прикладной метод, актуализирующий специфику субстанции «понимание» в ее онтологии и аксиологии;

национальное своеобразие трактовки субстанции «понимание» в русской философии XIX–XX вв.;

неотъемлемую черту русской национальной культуры, пронизывающую все виды деятельности, связанные с текстопостроением и пониманием текста;

факт того, что именно в народном текстостроении (простонародной речи), с одной стороны, и в религиозной текстовой рецепции, с другой стороны, наблюдается повышенная актуализация всех аспектов осуществления герменевтической традиции для русской национальной культуры.

Нам представляется, что своеобразие толкования понятийного комплекса герменевтики во взаимодействии его составляющих позволяет систематизировать методологические константы герменевтики следующим образом:

1) полагание смысла как цели герменевтического метода в его раскрытии субстанции «понимание»;

2) исследование феномена смысла слова средствами комплексного не только филологического, но и философского подхода;

3) отношение между содержанием и смыслом, между значением и смыслом, взятое в их иерархической, логико-семантической взаимозависимости, при приоритете смысла над содержанием;

4) рассмотрение действия двух диалектических сторон понимания – его субстанциальности и его процессуальности, при выраженной, если так можно сказать, первичности первого и вторичности второго. Онтологически эта константа вытекает из диалектического единства формы и содержания;

5) взаимоопределяющее отношение целого и части – слова и текста, смысла и метасмысла, смысла части текста и художественной идеи и т.д.

Народное творчество дает литературе дух, содержание, мир смыслов и идеалов и все остальное, что и формирует в конечном итоге национальную литературу. Русская литература не является исключением в своем отношении к русскому фольклору и эпосу. Изучение трудов Д.С. Лихачева и его последователей наглядно представляет русский фольклор и народный эпос как интерпретацию событий реального мира. Внешне стихийное смыслотворчество юродивых и скорморохов, столь характерное для культуры Древней Руси, закладывает те парадигмы бытования смысла, которые формируют принципиальные составляющие духовной жизни

народов России: поиск истины и справедливости, высокую идейность и соборность народного духа. Сравнение с онтологией духовной жизни народов Запада выявляет большую степень объективации аспектов смыслообразования, чем в духовном мире западно-европейских народов.

Онтология субстанции «понимание» была рассмотрена рядом русских философов, в частности, В.В. Розановым и С.Л. Франком. Онтологическое содержание категории «понимание» в работе В.В. Розанова первоначально ограничивалось трактовкой понимания в науке, но затем он выходит за рамки понимания в научном мышлении и подходит к сферам трансцендентного, делая попытки распространить свою схему далеко за пределы сугубо научных позиций человеческого знания. Труд В.В. Розанова «О понимании» – крупнейшее произведение, посвященное герменевтике как универсальной науке.

В отличие от В.В. Розанова С.Л. Франк берет понимание непосредственно и соотносит его онтологию с *постижением Непостижимого*, возвращаясь к исходным целям герменевтики⁹. Это – онтология субстанции понимания, взятая «с другой стороны», со стороны аспекта Непостижимого, что не имеет аналогов в мировой философии. При этом, по выражению В.В. Зеньковского, Франк более всех в русской философии потрудился, чтобы уяснить онтологическую соборность в природе человека.

Г.Г. Шпет большее внимание уделяет проблематике герменевтического метода. Он исследует движение самой проблематики и выделяет этапы его развития. Анализ, проведенный Г.Г. Шпетом, раскрывает три основных этапа существования герменевтической гносеологии:

Древний мир и Средневековье, когда с развитием духовной жизни цивилизаций возникает необходимость в создании культурной нормы понимания, преследующей культурно-воспитательные цели. Основные аспекты, составляющие проблематику герменевтики, оформляются в трудах отцов христианской церкви и позже проходят первое значимое переосмысление в ходе Реформации в Европе;

Новое время и его философия дают переход от философско-филологического рассмотрения проблематики к филологическо-философскому и чисто лингвистическому. В силу преобладания естественно-научного мировоззрения с конца XVIII в. происходит потеря собственно герменевтических ориентиров, подмена их психологизмом, что сравнительно быстро, по мнению Шпета, завело исследователей в тупик¹⁰;

возврат герменевтической проблематики в русло философского исследования (конец XIX в.). Проблематика «возвращается» заметно обогащенной мыслью конца XVIII – середины XIX вв., и, несмотря на то, что стройного непротиворечивого видения проблем герменевтики не было получено, само поле исследований заметно расширено – это и работа Г.Г. Шпета «Герменевтика и ее проблемы», появление и развитие аналитической философии в США и Великобритании и многое другое.

Предельный уровень гносеологии слова как явления человеческого языка, взятый в ракурсе «от гносеологии – к онтологии», задан в работе А.Ф. Лосева «Философия имени». А.Ф. Лосев делает успешную попытку соединения феноменологической методологии с диалектическим методом, что, с одной стороны, предоставило необычайно широкую и богатую сферу исследования, с другой стороны, позволило вывести проблематику герменевтики на новый, ранее принципиально недостижимый уровень. Он остается во многом неосвоенным и современной философией и по-прежнему, как и 90 лет назад, представляет методологический источник философской рефлексии языка и сознания.

В частности, особенности исследования проблемы смысла в работе Лосева дают понятие меона как того, во что погружен смысл, и, одновременно с этим, как гносеологического и онтологического условия бытования смысла. Вне самого смысла как-либо трактовать меон не представляется возможным. «Меон» Лосева и «Непостижимое» Франка суть принципиально разные понятия при всем их внешнем сходстве. В самом общем плане, Непостижимое есть вечный источник смысла, являющий себя в открове-

нии; меон есть раздельность и фактичность в недрах самого смысла; он не уменьшает смысл, но оформляет и утверждает его¹¹.

Совокупность аспектов философии имени в трактовке А.Ф. Лосева выносит рассмотрение важнейшей методологической константы герменевтики – отношения части и целого – на качественно новый уровень. Для этого план рассуждения следует вывести с рассмотрения дилеммы «имя – меон» на уровень отношения «смысл – метасмысл», что, безусловно, не только является задачей большой сложности, но и потребует труда не одного поколения философов, трактующих вопросы феноменологии смысла.

Благодаря широкому полю рассуждений А.Ф. Лосева и сложности феноменологической и диалектической философии имени, следует предположить дальнейшее развитие герменевтической традиции в русской философии. Именно связь с традицией как герменевтическим методом в смыслообразовании и понимании в национальной культуре станет в культурологии широким исследовательским полем со своим культурно-содержательным контекстом.

Во второй половине XX в. в России заметно оживляется интерес к герменевтике, создаются герменевтические школы (в Твери, Пятигорске). В основу современной российской герменевтики легли труды Г.П. Щедровицкого¹². Тверская школа филологической герменевтики, основываясь на методологии Г.П. Щедровицкого, провела обширные исследования, накопив богатый опыт герменевтического анализа текстов культуры и дав основания сделать следующие выводы:

1) русская национальная культура как проявление духовной жизни народа сконцентрирована на понимании. Понимание есть важнейший аспект этой культуры; русская национальная культура ориентирована на понимание как форму бытования себя самой, и это положение являет себя в разворачивании процессов понимания в ракурсе реализации смысловых сущностей;

2) понимание и как субстанция, и как интегрированный процессуальный методологический комплекс бытует в русской культуре и философии в выраженной герменевти-

ческой целостности, отражающей специфику народного уклада понимания в его национальных особенностях и методологической окраске;

3) субстанция «понимание» являет себя в рамках русской национальной культуры и, в частности, в русской филологии и философии в целостности методологического комплекса, что означает последовательную реализацию всех составляющих герменевтической традиции. Результаты зарубежных исследований постоянно находились во внимании отечественной мысли, и ни один аспект герменевтического метода не остался без творческого переосмысления. Каждый аспект герменевтического комплекса получил развитие и трактовку силами русских исследователей;

4) в сочетании с особенностями русской национальной литературы, проводящиеся герменевтические исследования, как и осуществленные ранее, позволяют мыслителям сделать обобщения и выводы, вряд ли имеющие аналоги в мировой культуре. Герменевтическая традиция «понимания» в русской философии затрагивает широчайшую онтологическую и гносеологическую проблематику этой субстанции, часто являющую нераздельность онтологии и гносеологии, что является особенностью русской национальной философии. Выстраиваемая в ней онтологическая и гносеологическая иерархия понятий предполагает наиболее оптимальное бытование отдельных составляющих именно внутри неё. Чрезмерная акцентуализация какого-либо понятия может нарушать целостность самой традиции и приводить к непониманию как «невыходу к смыслу».

Существенным достижением современной российской герменевтики следует считать комплекс исследований образования и рецепции смысла, взятых в парадигме субстанциальности и процессуальности понимания (Г.И. Богин¹³ и его последователи, Пятигорская школа герменевтики и др.). Богин, в частности, переосмыслил положения так называемой феноменологической редукции Э. Гуссерля, что позволило ему уточнить типологию видов понимания:

1) семантизирующее понимание. Это – первый, «простейший» тип понимания, когда читатель-реципиент устанавливает «простейшие» связи между адекватным значением единиц текста. Главная его проблема – именно адекватное усмотрение значений слов и выражений; смысл полностью совпадает со значением;

2) когнитивное понимание непосредственно вытекает из семантизирующего, но оно идет дальше; читатель выходит к пониманию того, что хотел выразить автор;

3) смысловое, или распремечивающее, понимание представляет читателю всю гамму смыслов, опредмеченных текстовыми средствами¹⁴.

Субстанциальная сторона понимания есть способность человека понимать, и сюда же относится все то, что может быть получено им благодаря этой способности. Процессуальная сторона состоит из множества действий и процедур, обеспечивающих переход от непонимания чего-либо к пониманию этого или пониманию другого. При этом переживаемость смыслообразования является феноменологически важным условием существования смысла вообще. Если при когнитивном понимании в первую очередь пробуждается рефлексия опыта фактов, получающихся из истинных пропозиций, то распремечивающее понимание требует очищения акта сознания, направленного на рефлексивную реальность, от «переплетения с природой»¹⁵.

Субстанциальность понимания приводит к тому, что понимаемое переживается и, наоборот, непереживаемое не понимается. Следует вывод, указывающий на действие фактора духовной культуры в разворачивании человеческого понимания: при любом типе понимания (семантизирующем, когнитивном, распремечивающем) отпадает необходимость «объективного видения» идеальных и/или материальных реальностей, представленных в тексте. По ходу чтения пробуждаются не «образы действительности», а онтологические картины, находящиеся не вне субъекта, а в нем самом.

Как нам представляется, на основании изложенного можно сделать несколько принципиальных и сопутствующих выводов. Среди положений принципиального характера хотелось бы указать следующие:

1) трактовка понимания как субстанции в русской философии и культуре имеет ярко выраженное герменевтическое содержание, и она неразрывно связана с мировой герменевтикой как методом толкования смысла;

2) герменевтическая традиция актуализируется в мироощущении, миропонимании и смыслообразовании и в народном творчестве, и при рецепции религиозных текстов национальной культурой. Учитывая важность влияния этих двух факторов, можно утверждать, что применительно к русской культуре на уровне нации герменевтическая методология являет себя более явно;

3) в силу этого в народном текстопостроении, с одной стороны, и, с другой стороны, в религиозной текстовой рецепции наблюдается повышенная актуализация всех аспектов герменевтической традиции и собственно герменевтики как методологии;

4) если в философской и филологической мысли Запада произошло расслоение составляющих герменевтический метод с поглощением части этих составляющих сугубо рациональным познанием, части – эстетикой, части – богословием (преимущественно протестантским), то в мироощущении, культуре и философии русского народа сохраняется целостный методологический герменевтический подход, бытующий в форме развитой традиции. Все составляющие этой методологии так или иначе соотносятся с европейской герменевтикой, но, выступая в комплексе в духовной жизни современной России, они получают в свете воспроизводимой Традиции сугубо национальное содержание, не исключаяющее их экстраполяцию на мышление других народов как России, так и зарубежья;

5) бытование целостного герменевтического метода «понимания» в форме традиции «понимания» задает смысловое единство и культурологическую целостность духовной жизни всего российского общества;

б) эту культурологическую целостность российского общества на настоящем этапе необходимо воссоздать через ее переосмысление на личностном уровне. Относительно полно эта целостность может быть реализована лишь при ее выходе на общенациональный, *социальный* уровень, что в настоящее время наблюдается только спорадически. Так или иначе переосмысливается содержание духовной традиции нации, что представляет собой этическое и культурологическое условие не только дальнейшего развития России, но и ее существования вообще.

Примечания

¹ См.: Шпет Г.Г. Герменевтика и ее проблемы // Контекст. 1989. М., 1989. С.232.

² Имеется в виду вся работа Г.Г. Шпета «Герменевтика и ее проблемы», публиковавшаяся в серии «Контекст» последовательно в 1989, 1990 и 1991 гг.

³ См.: Розанов В.В. О понимании. М., 1996. Исследование этой монографии позволяет сделать ряд выводов, приведенных далее в статье.

⁴ См.: Лосев А.Ф. Философия имени. М., 1990.

⁵ См.: Кант И. Критика чистого разума. Симферополь, 1998.

⁶ Аналитическая философия: Избранные тексты. М., 1993.

⁷ См.: Лихачев Д.С., Панченко А.М., Поньрко Н.В. Смех в Древней Руси. Л., 1984.

⁸ См.: Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Ренессанса и Средневековья. М., 1965.

⁹ Франк С.Л. Непостижимое // Франк С.Л. Сочинения. Минск; М., 2000. С.247–796.

¹⁰ Шпет Г.Г. Герменевтика и ее проблемы // Контекст. 1991. М., 1991. С.226–238.

¹¹ См.: Соваков Б.Н. Герменевтическая методология в русской философии. Калуга, 2007.

¹² См.: Шедровицкий Г.П. Избр. труды. М., 1995.

¹³ <http://old.circle.ru/personalia/bogin/main.html>

¹⁴ См.: Соваков Б.Н. Принципиальные основы герменевтики художественного текста. Калуга, 2005.

¹⁵ См.: Богин Г.И. Субстанциальная сторона понимания текста. Тверь, 1993.

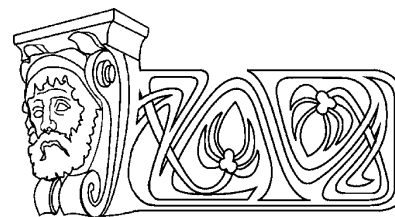

УДК 1 :316

ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ОСМЫСЛЕНИЯ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Е.А. Турухина

Педагогический институт
Саратовского государственного университета
E-mail: ljalichka666@mail.ru

Исследуется влияние разных эпох на физическую культуру, связь физической культуры с особенностями различных социокультурных систем, с их эволюцией на важнейших этапах социально-экономического и культурного развития общества. Физкультурная деятельность представлена как единство духовной и двигательной сторон. Доказывается, что физическая культура формирует гармонию духовных и телесных сил человека.

Ключевые слова: физическая культура, нравственность, гармонизация, телесность, духовность, гуманизм.

Historical and Philosophical Premises of Trying to Understand Physical Training

E.A. Turuhina

The influence of different epoch on physical training and connection of physical training with peculiarities of different socio – cultural systems with their evolution on the most important stages of socio – economic and cultural evolution of society is investigated. Physical activity is presented as the unity of spiritual and impellent constituents. The point that physical training form harmony of spiritual and corporal forces is proved.

Key words: physical culture, morality, harmonization, corporality, spirituality, humanism.

Траектория развития представлений о физической культуре, прокладываемая от античности до наших дней, демонстрирует непреходящее значение телесности в качестве ценности человеческого бытия. Важнейшим продуктом жизнедеятельности общества является культура. Культура – явление многообразное как по характеру, так и по формам своего выражения и функционирования. Она охватывает всю совокупность достижений общества в материальной и духовной жизни, отражает уровень интеллектуального развития человека и человечества, систему ценностей и норм, регулирующих общественную деятельность, состояние нравов и т.д.

Физическая культура – неотъемлемый компонент общей культуры личности. Она является областью удовлетворения жизненно необходимых потребностей в двигательной деятельности, обеспечивает методы и средства реализации стратегической задачи станов-

ления гармонической личности – ее физического и духовно-нравственного совершенства¹. Физическая культура долгое время была объектом изучения, главным образом, естественных наук (в частности, медико-биологических). А ведь физическая культура является продуктом исторического и философского развития общества. Её изучение является предметом многих наук. Она должна рассматриваться, прежде всего, в системном, интегральном, т.е. социально-философском аспекте. Такая необходимость системно-философского подхода обусловлена уникальным положением человека в социальной и природной среде.

Физическая культура способствует гармонизации телесно-духовного единства, обеспечивая формирование общечеловеческих ценностей (здоровья, благополучия, совершенства и т.д.). Каждая ступень развития общества характеризуется специфической формой физической культуры, которая формируется под влиянием всей системы социальных факторов, оказывая на них значительное влияние. Исследования эволюции социальных функций физической культуры свидетельствуют о том, что в разные исторические эпохи существовали определенные общественные потребности в становлении физической культуры². Рассмотрим и проанализируем наиболее яркие из них.

Философское осмысление физической культуры в эпоху античности содержится в трудах Аристотеля, Платона, Сократа. Они считали основополагающим принципом воспитания гармонически развитой личности взаимосвязь трех элементов: физического, нравственного и умственного.

Философ-идеалист Платон (427–347 гг. до н.э.) обосновал теорию гармонического развития духовных и физических качеств. Его система преследовала цель всесторон-

него воспитания социальных групп философов и воинов, с презрением относящихся к физическому труду³. Он говорил, что тот, кто занимается математикой или тем, что требует сильного напряжения мысли, должен и телу давать необходимое упражнение, прибегая к гимнастике; а тот, кто преимущественно трудится над развитием своего тела, должен упражнять душу, занимаясь музыкой и всем тем, что относится к философии, если только он хочет по праву именоваться не только прекрасным, но и добрым⁴.

Ученик Платона, крупнейший ученый и философ Аристотель (384–322 гг. до н.э.) считал, что душа и тело существуют неразрывно. Трех родам души человеческой, по Аристотелю, – растительной, разумной и волевой – должны соответствовать физическое, умственное и нравственное воспитание. «Ничто так сильно не разрушает человека, как продолжительное физическое бездействие», – утверждал Аристотель⁵. Кроме того, он придавал огромное значение и эстетической стороне физической культуры.

Сократ (469–399 гг. до н.э.) также считал необходимым гармоничное развитие физических и духовных сил, указывал на зависимость душевного состояния человека от его физического здоровья. Сам он до глубокой старости занимался гимнастикой и танцами.

Подобно древним грекам, в Древнем Китае сложилась своя система идеалов в области физической культуры. Китайские хроники относят появление физической культуры к началу III тыс. до н.э. На ее содержание оказало влияние формирование даосизма. В отличие от греков китайцы никогда не разделяли дух и материю. «Тело являлось единством и домом для духов, поэтому увековечение тела могло обеспечить продолжение жизни в целом»⁶. Основной принцип формирования ценностей физической культуры – «сань мэй» – принесение пользы обществу, обладание волей, характером и развитым вкусом.

Большое влияние на общественную роль физической культуры в Китае оказали прагматические естественно-философские воззрения и медицинские знания. Даоистская

гимнастика основывалась на философских рассуждениях Лао-Цзы (VI–V вв. до н.э.), которые изложены в книге «Дао дэ цзин». Здесь много общего с представлениями о физической культуре в Древней Индии.

Древнейший опыт в изучении методов развития сил человека – физических, умственных и духовных – постепенно сложился в науку – йога – метод для развития способностей заключается в медитации, т.е. в размышлениях об истинном Я (о душе), сопровождаемых ритмическим дыханием⁷.

Таким образом, философская система йоги основана на концепции, что человеческий организм есть уменьшенная копия вселенной, равновесие которой обеспечивается праной (дыханием, жизненной силой). Являясь частью воспитания человека и образа его жизни, физическая культура в странах Востока служит развитию и становлению гармоничной личности не только в физическом плане, но и нравственном, психологическом, духовном. В результате многовековых усилий сложились уникальные религиозная и философская системы⁸.

Отношение к человеческой телесности в средневековой культуре носила двойственный характер. С одной стороны, христианство трактовало тело как узы, отягчающие путь души к спасению, что особенно четко проявилось в учении христиан-гностиков (аналогичной точки зрения придерживался и Августин Блаженный, именовавший тело «кожаными ризами»). С другой стороны, куртуазная культура средневекового рыцарства возводила телесность в культ, наделяя жесты и телесные практики символическими коннотациями: возведение юноши в рыцари сопровождалось ударом по плечу, вызов на дуэль символизировался брошенной в лицо перчаткой и т.д.

К концу XVI в. философия заново утверждалась как независимая от теологии отрасль знания. Философская мысль поворачивается в сторону реальной действительности. Гуманисты утвердили эстетический идеал гармонически развитого человека, признали взаимосвязь между физическими и духовными усилиями личности. В противовес теологическим взглядам провозглашался

культ человека, остро ставился вопрос физического совершенствования личности.

В эпоху Возрождения гуманисты стремились реабилитировать телесность в человеке и тем самым установить гармоничное единство между «духовным» и «плотским». Так, Дж. Манетти в своей работе «О достоинстве и превосходстве человека» восхищается возможностями человеческого тела⁹.

Английский мыслитель Т. Мор (1478–1535) в сочинении «Утопия» продолжает те идеи, которые были высказаны Платоном в «Государстве». Физическое воспитание, по его мнению, является необходимым элементом гармонического развития человека, и забота о нем и здоровье всех членов общества должна быть государственным делом. Повторил во многом идеи Т. Мора и Т. Кампанелла (1568–1639) в своем сочинении «Город солнца». Идеи гуманизма в осмыслении физической культуры продолжают в философской мысли Нового времени. Возрастает роль физической культуре в жизни общества.

Основоположителем философии Нового времени был английский философ Ф. Бэкон (1561–1626). Он считал, что только человек, занимающийся физической культурой, сможет содействовать развитию нового процветающего общества.

Английский философ-материалист Дж. Локк (1632–1704) считал, что обрести здоровый дух можно только в здоровом теле. По его мнению, именно это помогает человеку достичь личного благополучия. Свои взгляды он изложил в книге «Мысли о воспитании» (1693). Важные задачи воспитания он видел в развитии воли, нравственной дисциплины, выработке характера. А этому, по его мнению, способствуют занятия физической культурой.

Эпоха Просвещения наследует идеи перестройки жизни на разумных началах от Дж. Локка. «Движение – это жизнь», – эта известная фраза основателя французского Просвещения Ф. Вольтера (1694–1778) не только дошла до наших времен, но и стала смыслом жизни для многих.

Во второй половине XVIII в. центром философии в Европе становится Германия.

Выдающимся представителем классической немецкой философии был Г.В.Ф. Гегель (1770–1831). Историческое значение философии Г. Гегеля определяется тем, что он создал систему, которая носит энциклопедический характер и является вершиной немецкой диалектики. Кроме того, Гегель придавал существенное значение влиянию физической культуры на здоровье человека. Человек, по его мнению, должен отдавать должное своему телу, поддерживать свое здоровье и силы, в этом состоит непосредственная гармония души и тела. Он писал, что здоровье является «существенным условием пользования духовными силами для исполнения высшего назначения человека. Если тело не сохранено в его нормальном состоянии, если нарушена какая-либо из его функций, то приходится делать тело целью своих занятий, вследствие чего оно превращается в нечто слишком важное и значительное для духа»¹¹.

В XX в. вопросы спорта и физической культуры стали предметом изучения различных наук, в том числе и философии. Известный отечественный философ А.Ф. Лосев (1893–1988) считал энергию тела необходимой для выражения глубочайших тайн бытия. Тело и лицо человека – «зерцало всего бытия», выражение всех тайн, поскольку через тело постигается душа¹².

По мнению Н.К. Глотова, А.С. Игнатьева, Д.В. Лотоненко, чувственно-сверхчувственная природа человеческой телесности характеризуется особым способом существования, одной из форм проявления которого выступает физическая культура¹³. В.И. Столяров, И.М. Быховская, Л.И. Лубышева предложили новую концепцию физической культуры как важного элемента общей культуры, связанного с телесностью¹⁴.

Таким образом, исследование исторической эволюции социальных функций физической культуры свидетельствует о том, что с появлением человеческой цивилизации возникли определенные общественные потребности в становлении физической культуры.

Холизм, т.е. установка на восприятие человека как такого рода целостности, в которой дух и тело находятся во взаимном и

гармоническом сопряжении, в своей исходной форме принадлежит, прежде всего, античности, а также миру восточной культуры.

Мироощущение человека античной эпохи можно охарактеризовать как гармонию телесного и духовного. Она представлялась как полнота взаимосвязи этих начал, столь тесное их взаимопроникновение, что оно обретало характер нерасторжимого единства.

Дальнейшее развитие европейской цивилизации демонстрирует отход от первоначального состояния гармонии души и тела, что на ценностном уровне проявляется в доминировании интеллектуального над физическими аспектами телесности, а на уровне институциональном выражается в отсутствии физической культуры как учебной дисциплины. Творческие и научные поиски представителей эпохи Просвещения концептуализированы в идеале всесторонне развитого человека, поэтому она возродила интерес к человеческой телесности. Современное развитие физической культуры демонстрирует значение актуализации холистической установки в культурном пространстве изменяющегося социума.

Примечания

- ¹ См.: Кун Л. Всеобщая история физической культуры и спорта. М., 1982.
- ² См.: Курс лекций по философии: Учеб. пособие. Саратов, 2006.
- ³ См.: Столбов В.В. История и организация физической культуры. М., 1982.
- ⁴ Платон. Тимей // Платон. Собр. соч.: В 3 т. М., 1994. Т.3. С.495.
- ⁵ Раменская Т.И. Юный лыжник. М., 2004.
- ⁶ Лу Куань Юй. Даосская йога. Алхимия и бессмертие. М.; СПб., 1993.
- ⁷ См.: Рамачарака. Наука о дыхании индийских йогов: дыхание по восточным методам как средство физического, умственного, душевного и духовного развития. М., 1990.
- ⁸ См.: Столбов В.В. Указ. соч.
- ⁹ См.: Кононов И.Ф., Куценко Г.И. Подросток и физическая культура. М., 1982.
- ¹⁰ См.: Раменская Т.И. Указ. соч.
- ¹¹ Гегель Г.В.Ф. Философская пропедевтика // Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет: В 2 т. М., 1973. Т.2. С.64–65.
- ¹² Гусев Д.В. Проблема телесности в метафизике личности А.Ф. Лосева. Орел, 1993. С.585.
- ¹³ См.: Глотов Н.К., Игнатъева А.С., Лотоненко Д.В. Философско-культурологический анализ физической культуры // Теория и практика физической культуры. 2003. № 4. С.13–17.
- ¹⁴ Столяров В.И., Быховская И.М., Лубышева Л.И. Концепция физической культуры и физкультурного воспитания // Теория и практика физической культуры. 1998. №5. С.11–17.

УДК 177.6 : 177.9

ЛЮБОВЬ И СПРАВЕДЛИВОСТЬ В ЭТИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ СОВРЕМЕННОГО ФИЛОСОФСКОГО ДИСКУРСА

Л.Н. Шадрина

Волгоградская государственная сельскохозяйственная академия
E-mail: shadrinaln@ya.ru

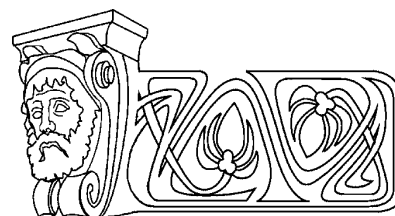
Любовь и справедливость рассматриваются в качестве двух центральных этических принципов. Автор приходит к выводу, что концепция христианской духовной любви не потеряла своей нравственно-практической и теоретической значимости. Эта концепция не обесценивает мирскую, земную, относительную и условную справедливость, но придает ей онтологическую гарантию.

Ключевые слова: этический принцип, христианская духовная любовь, справедливость, научная рациональность, коммуницирующий разум, этический антифундаментализм, ценностная позиция, совесть, эрос, интерес.

Love and Justice in the Ethical Field of Modern Philosophy Discourse

L.N. Shadrina

The given article is dedicated to the analyses of christian spiritual love and profane earthly justice taken as two central ethical principals. The author comes to conclusion that the concept of christian love

does not lose its' moral and ethical significance. This concept does not make invaluable relative and conventional justice but gives it ontological weight and guarantee.

Key words: ethical principals, christian spiritual love, justice, scientific rationality, communicative reason, anti-fundamentalism, value position, conscience, eros, interest.

Неорационалистическая философия XX в., ставящая знак равенства между духовностью и интеллектом, отказывается от евангелистского наследия и принимает в качестве фундаментальной моральной категории не христианскую любовь, а *справедливость*. Любовь рассматривается в силу своей иррациональности как *аморальное* начало. Так,

основоположник критического рационализма, защитник либеральной идеи К. Поппер утверждает, что любовь открывает дорогу ненависти, разделяя людей на своих и врагов, вызывает нетерпимость, религиозные войны и ведет к «спасению душ посредством инквизиции»¹. Принцип *справедливости*, как он полагает, наилучшим образом соответствует сочетанию индивидуализма и институционально оформленного альтруизма².

Справедливость, под которой видный западный философ понимает беспристрастную оценку несогласующихся требований отдельных лиц, находит твердую основу в самокритичном *научном разуме*. Сама логическая аргументация, имплицитно содержащая в себе такие гуманистические принципы как *терпимость, ответственность, нормативность* научного разума, ведет, по мнению К. Поппера, к согласию в условиях ценностного плюрализма и разнообразия форм жизни³. Если следовать логике Поппера и прибегнуть к языку Достоевского, именно наука способна «укрепить ум, взять, так сказать, в опеку расхолодевшую мысль»⁴.

К. Поппер рассматривает любовь и разум как *антитетичные* категории, причем антитетичные в кантовском понимании. В его концепции рациональности нет места ни *любящему разуму*, ни *разумной любви*. Наша позиция состоит в том, что духовная любовь не противостоит научному разуму. Напротив, она *предполагается* научным разумом. В самом познающем разуме заключена глубинная потребность в интеллигентности. Духовная любовь удовлетворяет эту потребность, выводя человеческий разум за пределы наличной данности с тем, чтобы достичь полноты истинности. Она размыкает разум, отвечая его внутренней потребности разрыва с наличной реальностью. Без такого размыкания ни развитие науки, ни совершенствование фактического существования как такового оказались бы невозможными.

Категория «справедливость» находится также в центре этической конструкции и Ю. Хабермаса, главного защитника проекта модерна. Рассматривая справедливость в социально-историческом контексте, философ приходит к выводу, что для постконвенциональной, современной ступени морального

развития характерен распад прежнего ядра морального сознания, опирающегося на всеобщие онтологизированные принципы, понимаемые в горизонте некоей священной целокупности и принимаемые на внерациональных основаниях. Под критическим рефлектирующим взглядом теоретизирующего разума справедливость как морально-этическая категория может быть обоснована не чем иным, как только самой *процедурой дискурсивного обоснования* (курсив мой. – Л.Ш.), доказывает немецкий философ⁵.

Пытаясь объединить разъединенные Кантом разум и моральность, Хабермас утверждает, что *коммуницирующему разуму* имплицитно присуща моральность в форме взаимопонимания. Формальным условием дискурсивной коммуникации, аргументирует философ, является признание другого в качестве равноправного участника диалога, к которому я прислушиваюсь, к позиции которого отношусь серьезно и с уважением. Только при таком подходе, убежден он, справедливость оказывается непроблематизируемой и получает категориальный статус в постконвенциональной этике⁶.

Отстаивая позицию *этического антифундаментализма*, Ю. Хабермас, так же как и К. Поппер, не рассматривает любовь в качестве базовой моральной ценности. Оба философа настаивают на том, что любовь представляет собой специфическую в культурном отношении ценность, связанную с конкретным, исторически обусловленным представлением о счастье, опирающемся на определенную онтологию, принимаемую на внерациональных основаниях. Однако в отличие от английского философа, приписывающего эмансипирующему дискурсивному разуму атрибут беспристрастности, Ю. Хабермас более чувствителен, так сказать, к категории «любовь». Он обращает внимание на внутреннюю связь когнитивно ориентированного постконвенционального разума с такой чувственной установкой как любовь к ближнему⁷. В целом же любовь носит маргинальный характер в моральной философии Хабермаса. Она функционализируется, рассматривается как значимое для применения всеобщих дискурсивных норм средство.

Развиваемая К. Поппером и Ю. Хабермасом теория морали не является в своей сущности ни деонтологической, ни ценностно нейтральной. Отстаиваемый ими этический индифферентизм опирается на вполне определенные представления о том, как устроен мир, какое место в нем занимает человек, каковы его способности, основополагающие интересы и убеждения. По существу, их этический плюрализм носит диахронический, а не синхронический характер. Оба рассуждают, находясь в рамках веберовского концептуального каркаса, в пространстве которого процесс рационализации рассматривается как общекультурная тенденция, вытесняющая духовно-религиозное и метафизическое начало в культурном бытии.

В определенной степени в этических концепциях названных философов отразились реалии утилитаризации и прагматизации межчеловеческих отношений в условиях западной технологической цивилизации, когда вера в любовь заменяется *верой* в «справедливые институты», в «добро как рациональность» (Дж. Ролз). «Как бы всем вновь так соединиться, чтобы каждому, не переставая любить себя больше всех, в то же время не мешать никому другому, и жить таким образом всем вместе как бы в согласном обществе. Целые войны поднялись из-за этой идеи. Все воюющие твердо верили в то же время, что наука, премудрость и чувство самосохранения заставят, наконец, человека соединиться в согласное и разумное общество, а поэтому пока, для ускорения дела, «премудрые» стремились поскорее истребить всех «непремудрых» и не принимающих их идею, чтобы они не мешали торжеству ее»⁸. Вряд ли возможно глубже, а вместе с тем проще и короче выразить не только теоретическую, но и социально-политическую утопичность этики, развиваемой с позиции неорационализма и ставящей в центр современного морального сознания идею справедливости.

Рассматриваемые этические конструкции имеют отношение только к возможной или мыслимой морали, т.е. строятся на кантовском принципе *als ob*. В них исследуются только общие моральные формы бытия, отвлеченные от действительного морально-

нравственного бытия человека. Обе берут одну часть человеческой сущности – подвергнутый дезинфекции разум, а затем выдают эту часть за цельное и живое человеческое Я.

Моральная философия, ставящая границу между чувствами, пристрастиями, в которых собственно и проявляется субъективность, с одной стороны, и «сократическим разумом», с другой (К. Поппер), между телеологически ориентированным и коммуникативным действием (Ю. Хабермас) является эмотивистской. Эмотивизм, лишая человека его собственной *воли* и отдавая первенство логической форме, лишает его субъективности как таковой. Детелеологизированный разум, к которому апеллируют Поппер и Хабермас, – это *потенциальный* разум, не способный к действию.

Побуждает человека к действию, как, впрочем, и к принятию того или иного аргумента, *априорно* принятая им *ценностная позиция*, и в этом смысле субъект действия всегда *пристрастен*. Моральный поступок предполагает наличие в человеческом сознании положительного идеала, что позволяет человеку соотносить сущее с должным и переходить от его нынешнего состояния к желаемому.

Разумеется, рассмотренная выше этическая позиция не является безальтернативной. Иное, теистическое и персоналистское, направление в современной этической мысли Запада выдвигает на первый план принцип *христианской любви*. Вполне логично будет в свете сказанного обратить внимание на то, как решается проблема взаимосвязи любви и справедливости К. Войтылой, оставившим заметный след в развитии современной христианско-католической этической мысли⁹.

Любовь дает возможность *приблизиться* к человеку, проникнуть в его мир, душой *отождествиться* с ним, в то время как справедливость, имеющая прямое отношение к благу, носит общественный характер, она предполагает дистанцию между людьми, рассуждал иерарх католической церкви. В любви, как подчеркивает К. Войтыла, отсутствует расчет. Она направлена на высшее благо. Но человеческая любовь должна постоянно *соединяться* со справедливостью,

иначе она подвергнется серьезной опасности, отмечает он. Человеку нельзя желать добра сверх меры, как это часто делает любящий, иначе это может вызвать последствия, прямо противоположные намерениям¹⁰.

К. Войтыла указывает на заповедь, в которой обозначена эта мера любви человека к человеку: «... как самого себя». Желать больше для себя – материальных и духовных благ – такое стремление, считает он, не противоречит заповеди любви, но лишь при том условии, что больше будешь отдавать. «Любовь противится накопительству, она склоняется к щедрости, а самое важное, она спасает человека от обнищания, ибо постоянно возобновляет его внутреннее богатство»¹¹, – пишет он. Справедливость, вытекающая из природной предрасположенности человека к моральному благу, справедливость сама по себе, бескорыстна, но любовь по своей сути еще бескорыстней, – резюмирует автор¹².

К. Войтыла обосновывал единство любви и справедливости, апеллируя к *природе* человека, естественной и социальной. Поскольку человек создан по образу и подобию Творца, высшее благо имманентно его не до конца испорченной грехом природе, оно потенциально содержится в ней. И любовь, и справедливость, имеющая отношение к земной жизни человека, *одного корня*. Они идут от Даров Святого Духа¹³.

Делая акцент на сущностном единстве любви и справедливости, теолог оставляет без внимания существенную разницу между *свободной* любовью и *рассудительной* справедливостью. Это различие не только количественное, но и качественное. Любовь – это не просто и не только «еще больше справедливости» и «еще больше блага». Евангельская любовь – это *творческая* любовь. Она приглашает («много званых...») действовать, не оглядываясь на справедливость, на меру. Она любит грешников. Примером тому является притча о блудном сыне, представляющая собой «пощечину» идее справедливости. Любовь *милостива*, она дает оправдание даром. Любовь может *пожертвовать справедливостью* ради спасения души.

Решая проблему взаимосвязи любви и справедливости, К. Войтыла затеняет момент различия и абсолютизирует тождество при-

роды Бога и природы человека. С критикой такого подхода выступал, кстати сказать, С. Кьеркегор. Сущности человеческой природы, как верно утверждал выдающийся датский философ и теолог, принадлежит «возможность взять на себя риск возмущения», или, иначе говоря, *свобода* сказать “нет” воле Бога¹⁴.

Очевидно, что идея справедливо отмеренной, можно сказать, «фармацевтической» любви восходит не только к аристотелевскому наследию. Здесь явно ощущается влияние философии Просвещения, поставившей в центр этического сознания пантеистическую по своей сути идею «естественного закона», ставшую средством самовозвышения тех, кто владеет и имеет, считает и рассчитывает, кто не жертвует милостиво ради Христа, не молится во спасение оступившихся и заблудших, а дает Богу взятку с тем, чтобы он подействовал в решении их мирских проблем.

Проблема соотношения справедливости, взятой в ее формально-правовом, институциональном аспекте, и христианской милостивой любви как морального стержня христианской общины находит свою разработку у К. Барта, влиятельного протестантского теолога, оказавшего влияние на всё христианское богословие XX в.¹⁵ Справедливость в её государственно-правовом исполнении имеет прямое отношение к «порядку спасения» человечества, утверждает К. Барт, апеллируя к авторитету Св. апостола Павла (Послание к римлянам, 13). Справедливый порядок, который призвано гарантировать государство, богоугоден, ибо он легитимирует свободу проповеди божественного оправдания, царства Христова, которое не от мира сего. Если справедливый и богоугодный правопорядок держится на *силе и страхе* перед карающим мечом государства, то «вечное государство» зиждется на *любви*, вторит апостолу Павлу протестантский теолог¹⁶. Именно милостивой божественной любовью оправдывается и сохраняется ущербная земная справедливость. В христианской ходатайственной молитве заключена высшая справедливость, и она являет собой в отличие от ущербного юридического права «правовой континуум», – делает вывод К. Барт¹⁷.

В этих, на первый взгляд, представляющихся неоспоримыми с христианской точки зрения утверждениях есть, наверное, одно существенное упущение. Морализируя, К. Барт рассуждает о долге, об обязанностях и оставляет в стороне субъективное, чисто личное, отношение к формально-правовой справедливости. Ясно, что моральная обязанность, о которой собственно и ведет речь протестантский теолог, безлична, имеет объективный характер, относится ко всякому человеческому существу. Однако и через *живое индивидуальное* или индивидуализированное отношение дает о себе знать *высшая сила*, влекущая к себе, говорящая иногда наперекор заповедям морали и внушениям разума. Эта влекущая сила, этот *эрос* может рождать в душе человека такие столкновения и борения, такие внутренние конфликты, которые разрешаются либо внутренним самосовершенствованием человека, его самовоспитанием, либо попыткой, зачастую радикальной и силовой, чисто внешнего обустройства человеческого бытия, построения нового справедливого социального порядка.

В указанной работе К. Барт никак не относит понятие справедливости с понятием *совести*. В его рассуждениях чувствуется этический и религиозный рационализм. Совесть, душа человека знает не только безличный нравственный закон, но и влечение, зов, *эрос*, идущий от объективного сверхличного, но не безличного бытия к конкретной, индивидуальной человеческой личности. Кроме того, К. Барт, так же, как и К. Войтыла, полагает, что справедливость имеет прямое отношение к любви к порядку, содержащейся в самой природе человека. Но в природе человека любовь к божественному порядку сочетается с «любовью к беспорядку», иначе невозможен был бы со стороны человека никакой подлинно творческий акт.

Свой путь решения проблемы соотношения любви и справедливости предлагает крупнейший протестантский теолог и философ П. Тиллих, один из крупнейших протестантских теологов и философов XX в.¹⁸ Он анализирует взаимосвязь любви и справедливости сквозь призму таких понятий, как моральность и морализм, выступающих у него в качестве главного методологического

инструмента. Любовь как фокус христианской морали, по мнению Тиллиха, *безусловна*, т.е. *моральна*, в то время как справедливость, несущая на себе печать определенного этапа в развитии определенной культуры, *обусловлена*, она подпадает под рубрику *морализма*.

Тиллих не был бы протестантским мыслителем, если бы не использовал свое методологическое оснащение для критики католической *содержательной* трактовки любви и не попытался бы с этой целью теоретически синтезировать моральность любви и морализм справедливости¹⁹. Опираясь на этический формализм Канта и придавая *формальный* статус «естественному закону», Тиллих пытается «концентрировать» в «единый всеобщий закон» «великую заповедь Любви»²⁰. Однако такая «концентрация» на деле оборачивается выхолащиванием из любви закрепленного авторитетом католической христианской ортодоксии *положительного* содержания.

Любая абсолютизация формы, метафизическое «очищение» ее от содержания оборачивается тем, что форма неизбежно наполняется содержанием, хотя бы и с приставкой «нео». Это положение распространяется и на «неоортодоксальную» концепцию любви, развиваемую П. Тиллихом. Его неоортодоксия оборачивается неолиберализмом. Трактую любовь как «приятие неприемлемого» и наделяя ее атрибутом справедливости, протестантский философ и теолог проявляет себя как теоретик либерального толка, для которого высшей ценностью является автономное Я, свободное от влияния со стороны какого бы то ни было безусловного авторитета²¹.

По существу Тиллих предлагает не христианскую, а вполне светскую интерпретацию любви. Путь для этого открывает протестантская «правильная» религиозность, не столько равно удаляющая от Бога сакральную и профанную деятельность человека, сколько сакрализующая секулярную сферу жизни. Примечательно в этом отношении, что любовь понимается Тиллихом как синоним понятия «предельный интерес»²².

В нашем понимании интерес, даже если он характеризуется как «бесконечный» или

«пределный», не тождествен любви как таковой. Интерес предполагает прагматическую связь, наличие и сохранение *пространства* между субъектом и интересующим его объектом, который при необходимости может быть обращен в средство. Любовь же в отличие от интереса означает бескорыстное *взаимпроникновение* двух я при одновременном сохранении их раздельности. Перенос в иную плоскость целостного и всеобщего бытия, любовь в корне уничтожает предметную установку. Хотя следует признать, что и в объектной установке, характерной для заинтересованности, потенциально наличествует элемент близости и соединения, ибо нечто абсолютно инородное и чуждое не может затронуть и привлекать к себе. Именно в силу этого *интерес* можно понимать как *неосуществленную любовь*.

Рассматривая взаимосвязь между понятиями «вера» и «любовь», теоретик фактически отходит от евангельского «Бог есть любовь», в котором любовь *онтологизируется*, а вера и надежда полагаются внутри любви, рассматриваются как ее свойства и действия. У Тиллиха вера, очищенная от положительного религиозного содержания, полагается как «пределная сила», стоящая за экзистенциалистски трактуемой любовью. Любовь понимается Тиллихом как *средство*, «ведущее все сущее за пределы самого себя к воссоединению с ближним, а – предельно – с самим основанием от которого оно обособлено»²³.

Резюмируя, можно сказать, что концепция духовной любви, зародившаяся в рамках христианской мировоззренческой парадигмы и получившая развитие в религиозно ориентированной европейской философской мысли, не потеряла своей нравственно-практической значимости. В настоящее время, когда перед философией встает задача поиска новой системы идеалов и ценностей, способных вывести из ситуации антропологического кризиса, первостепенную роль призвана сыграть этическая теория, в основании которой находится идея христианской духовной любви, понимаемой как устрем-

ленность человека к Высшему существу, к идеальному и действительному совершенству. Без опыта такой любви невозможно никакое личностное совершенствование, а значит и никакой справедливый социальный порядок.

Сама по себе относительная и условная справедливость не способна гармонизировать частные желания и интересы. Справедливость всегда может быть поставлена под вопрос. Духовная любовь, вырывающая человека из круга его узко эгоистических интересов и открывающая перед ним всю полноту абсолютного блага, может дать онтологическую гарантию справедливости. Духовная любовь переносит человека в то безместное место, на которое может опереться относительная и условная земная справедливость.

Примечания

¹ Поннер К. Открытое общество и его враги: В 2 т. М., 1992. Т.2. С. 272, 274.

² См.: Поннер К. Указ. соч. Т.1. С.332; Т.2. С.318.

³ Там же. С.144.

⁴ Достоевский Ф. Post Scriptum / Отв. ред. Е. Басова. М., 2007. С.432.

⁵ См.: Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб., 2000. С. 242–245, 251.

⁶ Там же. С.246.

⁷ Там же. С.276.

⁸ Достоевский Ф. Указ. соч. С.797.

⁹ См.: Войтыла К. Основания этики // Вопр. философии. 1991. №1. С.29–59.

¹⁰ См.: Войтыла К. Указ. соч. С.54.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С.43.

¹³ Там же. С.38.

¹⁴ Кьеркегор С. Страх и трепет. М., 1993. С.344–347.

¹⁵ См.: Барт К. Оправдание и право. М., 2006.

¹⁶ Барт К. Указ. соч. С.42.

¹⁷ Там же. С.53.

¹⁸ См.: Тиллих П. Избранное: Теология культуры. М., 1995.

¹⁹ См.: Тиллих П. Указ. соч. С.339–343.

²⁰ Там же. С. 334–336.

²¹ Там же. С. 337–339, 343.

²² Там же. С. 206–207.

²³ Там же. С. 207.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9:316.77

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ХАРАКТЕРИСТИКАХ СУБЪЕКТОВ ЗАТРУДНЕННОГО ОБЩЕНИЯ

Т.В. Бескова

Институт социального образования (филиал)
Российского государственного социального университета в г. Саратове
E-mail: beskova-t@yandex.ru

В статье анализируются результаты эмпирического исследования представлений студентов о социально-психологических характеристиках субъектов затрудненного общения на примере представителей профессий социномического типа. Устанавливаются сходства и различия представлений по ряду стимулов (социальный работник, преподаватель, медицинский работник). Выделяются обобщенные портреты трудных партнеров по общению.

Ключевые слова: представления, субъект, общение, трудности, социально-психологические характеристики, ролевые позиции.

The Imaginations about Social-Psychological Descriptions of the Characters of Difficult Communication

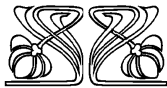
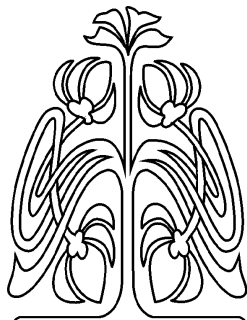
T.V. Beskova

The article analyses the results of empirical research on students' imaginations about social-psychological descriptions of the characters of difficult communication of the representatives of the social-directional occupations, as the example. It underlines the likenesses and the differences of the imaginations in a number of incentives (a social worker, a lecturer, a medical worker). The article points out the generalized portraits of difficult partners in communication.

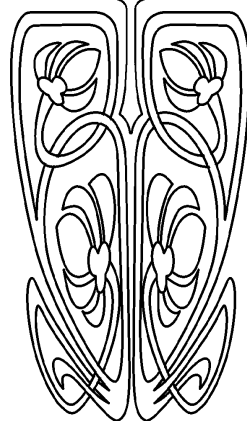
Key words: imaginations, a character, communication, difficulties, social-psychological descriptions, role positions.

Современная психология постоянно обращается к изучению человека как субъекта многообразных видов деятельности и его жизнедеятельности в целом. Но стоит отметить, что чаще всего предметом психологических исследований является субъект эффективной, успешной деятельности и такого же общения, в то время как личность в качестве субъекта деструктивного поведения, разрушения отношений, трудностей взаимодействия еще недостаточно изучена, несмотря на огромный интерес, проявляемый к этой проблеме в смежных отраслях психологии. Проблематика затрудненного общения освещается в трудах Т.А. Аржакаевой, А.А. Бодалева, В.А. Горяниной, Г.А. Ковалева, В.Н. Куницыной, В.А. Лабунской, Т.И. Пашуковой, Л.А. Петровской, И.П. Шкуратовой и др.

Затрудненное общение объективно существует не только как явление сознания или переживаний партнеров. Оно детерминировано, как подчеркивает Л.А. Петровская¹, особенностями психологической природы человека и человеческих отношений. В качестве детерминанты затрудненного общения она называет негармоничное развитие различных характеристик личности,

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

ее отношений и социального контекста. Само общение, в силу его социально-психологической природы, является «трудной» деятельностью. В нем реально и потенциально содержатся элементы, затрудняющие оптимальный уровень функционирования. Особенности экспрессии и речи, социально-перцептивной сферы личности, системы ее отношений, форм обращений, уровень развития навыков взаимодействия и условия общения превращают любой акт общения в задачу, в сложную, многоаспектную деятельность. Каждая грань общения, по мнению И.П. Шкуратовой², дает новый критерий для классификации трудностей и причин затрудненного общения, поэтому перечень как субъективных, так и объективных причин, затрудняющих процесс общения, не может иметь четких границ, за исключением тех рамок, которые устанавливаются исследователем.

В качестве субъективных показателей затрудненного общения многие авторы рассматривают различные характеристики личности как субъекта, соотнося их со структурными компонентами общения. Перечень этих характеристик определяется представлениями авторов о структуре общения. Учитывая то, что общение изучается как сложное структурное образование, а сами элементы структуры выделяются на основе различных критериев, трудно осуществить систематический анализ критериев описания субъекта. Понимание структуры общения как многокомпонентной, состоящей из коммуникативной, интерактивной, перцептивной сторон, позволяет описать субъекта затрудненного/

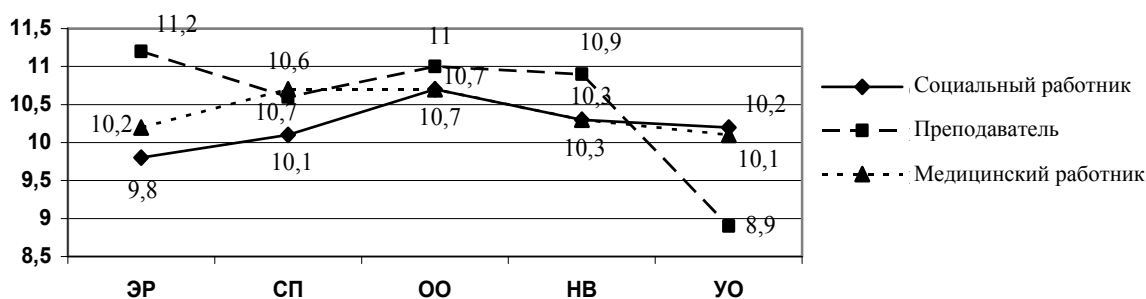
незатрудненного общения с точки зрения его коммуникативной, социально-перцептивной и интерактивной деятельности.

Целью настоящего исследования является изучение представлений студентов о социально-психологических характеристиках субъектов затрудненного общения (представителей профессий социономического типа).

Для реализации цели исследования использована методика В.А. Лабунской «Социально-психологические характеристики субъекта затрудненного общения»³, которая позволяет выявить степень индивидуальной или групповой чувствительности к определенным сторонам общения («профиль психологических трудностей общения»), установить степень сензитивности к «негативным» чертам общения, создать «портрет трудного партнера» с точки зрения субъекта или группы. В качестве стимулов использованы ролевые позиции «социальный работник», «преподаватель» и «медицинский работник». Статистическая обработка результатов исследования производилась при помощи *t*-критерия Стьюдента.

Выборка состояла из студентов специальностей «Психология» и «Социальная работа» Института социального образования (филиала) Российского государственного социального университета в г. Саратове. Количество испытуемых – 70 человек (58 девушек и 12 юношей), возраст – 17–22 года, средний возраст – 20 лет.

Влияние групп факторов, затрудняющих общение для каждой профессии социономического типа, различно, что находит отражение в групповом профиле психологических трудностей общения (рисунок).

Сравнение групповых профилей психологических трудностей общения (для ролевых позиций «социальный работник», «преподаватель», «медицинский работник»): ЭР – экспрессивно-речевые особенности партнера; СП – социально-перцептивные особенности партнера; ОО – отношения – обращения партнеров друг к другу; НВ – навыки организации взаимодействия; УО – условия общения

На первом месте при представлении социального работника как трудного партнера по общению по степени влияния стоит фактор «отношения – обращения партнеров друг к другу» (средний балл – 10,65). Второе место при описании особо значимых психологических трудностей общения занимают умения и навыки организации взаимодействия (10,33). Третье место принадлежит таким параметрам, как интенсивность общения, количество партнеров, наличие свидетелей общения, возраст, пол, статус (10,18); четвертое место – социально-перцептивным особенностям партнера (10,12); последнее место – экспрессивно-речевым особенностям (9,78).

В представлениях о медицинском работнике как трудном партнере по общению влияние различных групп факторов аналогично представлениям о социальном работнике, за исключением того, что факторы экспрессивно-речевых особенностей и условия общения меняются местами, т.е. особенности речи занимают более значимую позицию (3 место) в представлениях о медицинском работнике как субъекте общения.

Групповой профиль психологических трудностей общения для ролевой позиции «преподаватель» наиболее существенно отличается от профилей вышерассмотренных представителей профессий социономического типа. И главное отличие заключается в том, что экспрессивно-речевым характеристикам при описании преподавателя как субъекта затрудненного общения придается наибольшее значение. И напротив, условиям общения (полу, возрасту, статусу преподавателя и т.д.) – наименьшее значение.

Сравнение групповых профилей психологических трудностей общения для представителей профессий социономического типа привело к следующим результатам:

а) соотнесение представлений о субъектах затрудненного общения по стимулам «социальный работник» и «преподаватель» показало, что суммарная оценка степени влияния экспрессивно-речевых особенностей выше по категории «преподаватель» ($t = 4,13, p < 0,001$), а по фактору условий общения – выше по категории «социальный работник» ($t = 2,51, p < 0,05$);

б) соотнесение представлений о субъектах затрудненного общения в ролевых позициях «медицинский работник» и «преподаватель» выявило, что суммарная оценка степени влияния по фактору экспрессивно-речевых особенностей так же, как и в предыдущем случае, выше по категории «преподаватель» ($t = 2,46, p < 0,05$), а по фактору условий общения выше по категории «медицинский работник» ($t = 2,28, p < 0,05$);

в) при соотнесении представлений о субъектах затрудненного общения по категориям «медицинский работник» и «социальный работник» суммарная оценка степени влияния статистически значимо не изменяется ни по одному из факторов.

Анализ показателей по всем факторам, затрудняющим общение, выявил отдельные суждения, средний балл по которым статистически значимо отличается в зависимости от того, в какой ролевой позиции находится предполагаемый субъект общения. При соотнесении представлений о субъектах затрудненного общения по категориям «преподаватель» и «социальный работник» оценка степени влияния по стимулу «преподаватель» выше для следующих суждений:

по экспрессивно-речевому фактору – тихая речь ($t = 10,23, p < 0,001$), застывшая поза, лицо ($t = 4,82, p < 0,001$), длительные паузы в речи ($t = 2,78, p < 0,01$), вялая, невыразительная жестикуляция ($t = 4,32, p < 0,001$), стремление партнера систематически поддерживать зрительный контакт ($t = 2,51, p < 0,05$);

по социально-перцептивному фактору – стремление партнера относить людей к определенному типу ($t = 2,91, p < 0,01$);

по фактору «отношения – обращения партнеров друг к другу» – стремление партнера произвести приятное впечатление на другого ($t = 2,06, p < 0,05$), заинтересованное отношение к другому человеку (ко мне) ($t = 2,73, p < 0,01$);

по фактору навыков взаимодействия – неумение партнера аргументировать свои высказывания, предложения ($t = 2,67, p < 0,01$), однообразные речевые формы обращения к другому человеку ($t = 3,11, p < 0,01$), умение партнера меньше говорить, а больше слушать ($t = 5,26, p < 0,001$).

В то же время оценка степени влияния других характеристик выше для ролевой позиции «социальный работник». Это относится к суждениям:

громкая речь ($t=2,46, p < 0,05$) (экспрессивно-речевой фактор);

безразличное отношение к человеку ($t=3,02, p < 0,01$), властное отношение к людям ($t=2,07, p < 0,05$) (фактор «отношения – обращения партнеров»);

желание партнера больше говорить, чем слушать ($t=2,08, p < 0,05$) (фактор умения и навыки организации взаимодействия);

присутствие посторонних лиц ($t=2,26, p < 0,05$), большие временные промежутки общения с партнером ($t=3,24, p < 0,01$), общение с группой лиц одновременно ($t=3,26, p < 0,01$), возрастные различия ($t=2,96, p < 0,01$) (фактор условий общения).

Что касается различий в представлениях о трудном партнере по общению в ролевых позициях «преподаватель» и «медицинский работник», то оценка степени влияния по стимулу «преподаватель» выше для следующих характеристик:

по экспрессивно-речевому фактору – тихая речь ($t=6,89, p < 0,001$), застывшие поза, лицо ($t=3,34, p < 0,01$), вялая, невыразительная жестикуляция ($t=2,48, p < 0,05$), стремление партнера систематически поддерживать зрительный контакт ($t=2,17, p < 0,05$), частые прикосновения партнера (кладет руку, постукивает по плечу и т.д.) ($t=2,04, p < 0,05$);

по социально-перцептивному фактору – неумение партнера соотносить действия и поступки людей с их качествами личности ($t=4,23, p < 0,001$), проницательность партнера («видит людей насквозь») ($t=2,99, p < 0,01$), стремление оценивать людей на основе представлений, сложившихся в его окружении ($t=2,11, p < 0,05$);

по фактору навыков взаимодействия – неумение партнера аргументировать свои замечания, предложения ($t=1,99, p < 0,05$), однообразные речевые формы обращения к другому человеку ($t=3,51, p < 0,001$), неумение партнера выразить отношение с помощью мимики, жестов и интонации ($t=2,66, p < 0,01$), умение партнера меньше говорить, а больше слушать ($t=2,52, p < 0,05$).

И напротив, оценка степени влияния других характеристик выше по стимулу «медицинский работник»:

громкая речь партнера ($t=2,95, p < 0,01$) (экспрессивно-речевой фактор);

присутствие посторонних людей ($t=5,23, p < 0,001$), общение с группой лиц одновременно ($t=4,2, p < 0,001$) (фактор условий общения).

При сравнении представлений студентов о субъекте затрудненного общения в ролевых позициях «медицинский работник» и «социальный работник» статистически значимых различий обнаруживается меньше, чем в вышерассмотренных случаях. Итак, оценка степени влияния следующих характеристик выше по стимулу «медицинский работник» для следующих суждений:

по фактору навыков взаимодействия – умение партнера меньше говорить, а больше слушать ($t=2,56, p < 0,05$);

по фактору условий общения – присутствие посторонних лиц ($t=3,19, p < 0,01$).

И наоборот, оценка степени влияния представлений о трудном партнере по общению выше по стимулу «социальный работник» для следующих суждений:

неумение партнера соотносить действия и поступки людей с их качествами личности ($t=3,79, p < 0,001$) (социально-перцептивный фактор);

безразличное отношение к другому человеку (ко мне) ($t=2,08, p < 0,05$) (фактор «отношения – обращения партнеров друг к другу»);

возрастные различия ($t=2,58, p < 0,05$) и должностные различия ($t=3,41, p < 0,01$) (фактор условий общения).

Таким образом, мы наблюдаем, что одни характеристики изменяются наиболее сильно при сравнении представлений о субъектах затрудненного общения представителей трех профессий социономического типа, а другие – менее.

На основе соотношения степени оценки каждой группы характеристик определяется тип «профиля психологических трудностей общения». Те суждения, которые 50–75% участников исследования оценивали как очень сильно или сильно затрудняющие процесс общения, включаются в «портрет труд-

ного партнера по общению», так составляет групповое представление о субъекте затрудненного общения. На основе анализа этих представлений определяются характеристики общения партнера, по отношению к которым наблюдается повышенная чувствительность, и устанавливаются количественные и качественные различия «портретов» в зависимости от изучаемых детерминантов затрудненного общения. На основе сравнения содержания и объема представлений о трудном партнере, в соответствии с различными ролевыми позициями, выявляются устойчивые, типичные психологические трудности общения и, соответственно, представления о субъекте затрудненного общения и вариативные, появляющиеся в связи с изменением ролевой позиции партнера.

Портрет трудного партнера для разных ролевых позиций имеет как общие, так и частные характеристики.

К общим (устойчивым, типичным) характеристикам, которые одинаково сильно затрудняют общение с представителями всех рассматриваемых профессий социоэкономического типа, относятся: стремление делать заключение о партнере на основе внешности; безразличное, подозрительное, неприязненное (враждебное), властное, высокомерное отношение к другим людям; привычка партнера перебивать; неумение аргументировать свои замечания, предложения; желание партнера навязать свою точку зрения.

Частной (вариативной) характеристикой трудного партнера по общению – медицинского работника – является его общение с пациентом в присутствии посторонних (54,3%).

Частными характеристиками, входящими в описание портрета трудного партнера по общению в ролевой позиции «преподаватель», являются: тихая речь (72,6%); застывшие поза, лицо (58,8%); длительные паузы в речи (50%); несоответствие выражения лица его словам (50%); частые прикосновения (кладет руку, постукивает по плечу и т.д.) (50%); стремление оценивать людей на основе представлений, сложившихся в его окружении (50%); неумение разнообразить речевые формы обращения к другому человеку (57,1%).

Частных характеристик, затрудняющих общение с социальным работником, не выявлено.

Таким образом, отдельные характеристики входят в портрет трудного партнера по общению представителей всех рассматриваемых профессий социоэкономического типа. Наибольшее количество характеристик, затрудняющих общение, принадлежит фактору «отношения – обращения партнеров друг к другу» (5 характеристик), далее следуют характеристики умений и навыков организации взаимодействия (3 характеристики) и одна характеристика принадлежит социально-перцептивному фактору. При общении с представителями данных профессий на первом месте находится их отношение к вам и как они к вам обращаются. При представлении о субъекте затрудненного общения также большое значение играет неумение человека организовать взаимодействие с людьми, а именно – неумение выслушать, аргументировать свою точку зрения и ее навязывание. Стремление партнера делать заключение на основе внешности (социально-перцептивный фактор) также вошло в портрет трудного партнера. Стоит отметить, что ни одна характеристика из экспрессивно-речевого фактора и фактора условий общения не вошла в общий портрет трудного партнера по общению представителей профессий социоэкономического типа.

Имеются и различия в этих портретах. Наиболее сильно они проявляются по группе факторов экспрессивно-речевых особенностей. Так, в портрет трудного партнера по общению социального и медицинского работников не входит ни одно качество из данной группы, т.е. для данных субъектов общения не являются столь важными паралингвистические характеристики речи, а также особенности невербального поведения. Напротив, в портрете трудного партнера-преподавателя присутствуют пять характеристик из рассматриваемой группы: тихая речь; длительные паузы в речи; застывшие поза, лицо; несоответствие выражения лица партнера его словам; частые прикосновения. Две из них относятся к паралингвистическим особенностям речи, которые, по мнению испытуемых,

наиболее сильно приводят к затрудненному общению; две – к умению владеть кинесическими средствами общения и одна характеристика (частые прикосновения) – к особенностям использования тактильных контактов преподавателем, что также является фактором, затрудняющим общение.

Во второй группе факторов (социально-перцептивные особенности общения) также выявлены различия. Если в портреты трудных партнеров по общению социального и медицинского работников не входит ни одна характеристика этой группы, то портрет трудного партнера-преподавателя включает одну характеристику, а именно – стремление оценивать людей на основе представлений, сложившихся в его окружении. Таким образом, преподаватель, не обладающий способностью идентифицировать себя с другим человеком, а также судящий о человеке по имеющимся у него установкам и стереотипам, по мнению студентов, является трудным партнером по общению. Представителям же других рассматриваемых нами профессий социономического типа «прощается» наличие стереотипов и установок при восприятии собеседника.

Несмотря на то, что группа факторов, описывающих отношения и обращения, которые затрудняют общение, является для трех представленных профессий максимальной (5 факторов, затрудняющих общение), разница же в портретах трудного партнера отсутствует.

Что касается четвертой группы факторов (навыки взаимодействия), то и в этом случае такая характеристика субъекта, как его неумение разнообразить речевые формы обращения к другому человеку, затрудняет общение лишь с представителем педагогической профессии.

Из пятой группы факторов, в которые входят условия общения (интенсивность, количество партнеров, наличие свидетелей общения, возраст, пол, статус) только одна характеристика вошла в описательный портрет трудного партнера – представителя медицинской профессии (общение с партнером-пациентом в присутствии посторонних).

Количество факторов, сильно затрудняющих процесс общения, зависит также и от степени сензитивности субъекта общения к «негативным» чертам. Для отдельных студентов количество таких факторов является минимальным (0% – для ролевой позиции «социальный работник», 8,8% – для преподавателя и 4,4% – для медицинского работника), для других же – максимальным (53% – для ролевой позиции «социальный работник», 56% – для преподавателя и 57% – для медицинского работника). Этот факт говорит о том, что представления о субъекте затрудненного общения зависят не только от того, в какой ролевой позиции находится оцениваемый субъект, но и от психологических характеристик тех, кто оценивает. Таким образом, данное эмпирическое исследование обозначает одно из направлений работы по данной проблематике.

Обобщая вышеизложенное, можно сделать ряд выводов:

представление о субъекте затрудненного общения зависит от занимаемой им ролевой позиции;

суммарная оценка степени влияния различных групп факторов, затрудняющих общение, изменяется в зависимости от того, представителем какой профессии социономического типа данный субъект является;

«портреты трудного партнера общения» представителей профессий социономического типа имеют как устойчивые, так и вариативные психологические трудности. Наибольшее количество характеристик, затрудняющих одинаково сильно общение с представителями всех рассматриваемых профессий, принадлежит фактору «отношения – обращения партнеров друг к другу» (безразличное, подозрительное, враждебное, властное, высокомерное отношение к другим людям). Устойчивыми характеристиками также являются 3 характеристики из фактора умений и навыков организации взаимодействия (привычка перебивать; неумение аргументировать свои замечания, предложения; желание навязать свою точку зрения) и одна характеристика принадлежит социально-перцептивному фактору (стремление делать заключение на основе внешности). Вариатив-

ные характеристики для ролевой позиции «преподаватель» включают в себя в основном экспрессивно-речевые особенности (паралингвистические, кинесические и такесические особенности). Также в портрет трудного партнера по общению – преподавателя – вошли по одной характеристике из социально-перцептивного фактора (стремление партнера оценивать людей на основе представлений, сложившихся в его окружении) и фактора «отношения – обращения партнеров» (неумение разнообразить речевые формы обращения). Вариативная характеристика, затрудняющая общение с медицинским работником, – его общение в присутствии посторонних;

основным отличием в представлениях студентов о трудном партнере по общению является отсутствие экспрессивно-речевых характеристик, затрудняющих общение у медицинских и социальных работников, и наличие их у преподавателя.

Примечания

¹ См.: Петровская Л.А. Компетентность в общении: Социально-психологический тренинг. М., 1989.

² См.: Шкуратова И.П. Мотивационная основа трудностей общения // Психологические трудности общения: диагностика и коррекция: Тез. докл. Всесоюз. конф. Ростов н/Д, 1990.

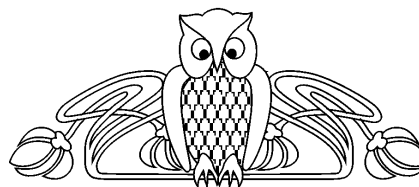
³ См.: Лабунская В.А., Менджерницкая Ю.А., Бреус Е.Д. Психология затрудненного общения: Теория. Методы. Диагностика. Коррекция. М., 2001.

УДК 159.9:37.015.3

СИНЕРГЕТИЧНОСТЬ ШКОЛЬНЫХ ИНТЕРАКЦИЙ

М.В. Григорьева

Педагогический институт
Саратовского государственного университета
E-mail: grigoryevamv@mail.ru

В статье рассматриваются особенности организации сложной и открытой системы взаимодействий школьника и образовательной среды. Обосновывается возможность использования для раскрытия закономерностей функционирования данной системы некоторых положений синергетики.

Ключевые слова: взаимодействие, учащиеся, образовательная среда, синергетика, ситуация, система, подсистемы, внутрисистемные взаимосвязи.

Coordination of School Interactions

M.V. Grigorieva

The author considers laws of the organisation of the big and open system of interactions of the schoolboy and the educational environment. Possibility of use for disclosing of laws of functioning of the given system of some positions of synergetics is proved.

Key words: interaction, pupils, the educational environment, synergetics, a situation, system, subsystems, intersystem interrelations.

Напряженная общественная динамика отражается на личности, что ставит проблему психологического анализа процесса и результата взаимодействия личности со средой. В психологии изучаются различные аспекты такого взаимодействия. Одним из них являются особенности усвоения социального опыта, проходящего в специально организованных условиях школы.

Взаимодействие школьника с образовательной средой – одна из основных проблем педагогической психологии, предметом которой выступают факты, механизмы и закономерности освоения социокультурного опыта человеком, закономерности интеллектуального и личностного развития ребенка как субъекта учебной деятельности, организуемой и управляемой педагогом в разных условиях образовательного процесса¹.

Традиционно структура педагогической психологии включает в себя психологию образовательной деятельности как единство учебной и педагогической деятельности, психологию учебной деятельности и ее субъекта (ученика), психологию педагогической деятельности и ее субъекта (учителя), психологию учебно-педагогического сотрудничества и общения. Представляя достаточно полно проблемное поле исследований педагогической психологии, данная структура не включает в себя широкий круг проблем, связанных с влияниями на личность учащихся средовых факторов, с организацией взаимодействий с данными факторами со стороны самого ученика и учителя, не позволяет вы-

делить приоритетные направления психолого-педагогических исследований, связанные с изучением процесса и результата взаимодействий с образовательной средой основного «клиента» данных исследований – школьника. Традиционно изучаемую область взаимодействий в образовательном процессе учителя и ученика необходимо, на наш взгляд, расширить и дополнить многочисленными средовыми факторами образовательного учреждения и жизнедеятельности в целом, оказывающими на современного школьника значительное, а иногда и основное влияние. Кроме того, педагогическим психологам необходимо учитывать контексты школьных взаимодействий. Поскольку они многочисленны и многообразны, то школьные интерактивные процессы также многообразны и отличаются динамичностью, напряженностью, особенно с точки зрения их эффективности. Процесс и результат взаимодействий школьника с образовательной средой в значительной степени зависят и от индивидуальных качеств его личности, что также обуславливает динамизм и своеобразие школьных интеракций. Сказанное выше дает основание представить взаимодействие школьника и образовательной среды как сложное, многокомпонентное и многофункциональное явление, изучать которое необходимо с позиций системного и синергетического подходов.

Термин «синергетика» происходит от древнегреческого слова «синергия» – содействие, сотрудничество. Предложенный Г. Хакеном, он акцентирует внимание на согласованности взаимодействия частей при образовании структуры как единого целого². Синергетика – наука, занимающаяся изучением процессов самоорганизации и возникновения, поддержания, устойчивости и распада структур самой различной природы. Изучаемые ею системы относятся к компетенции различных наук, так как, по мнению Г. Хакена, между поведением разного рода систем, изучаемых различными науками, существуют поистине удивительные аналогии. Наука о сложных самоорганизующихся системах, какой является синергетика, представляет для психологии новые возможности изучения самой, пожалуй, сложной системы – человеческой психики.

Любой психический акт отнесен к субъекту жизни, совершается в контексте его развития и является функцией установления его отношений с миром. Человек неотделим от окружающей его среды, под которой понимается «совокупность, а также система социальных факторов и условий, которые могут влиять прямо или косвенно, мгновенно или долговременно на жизнь и деятельность людей³. Изучение психики человека в его взаимоотношениях и взаимодействиях со средой усложняет и расширяет проблемное поле психологических исследований, предметом которых закономерно становится не изолированная, существующая сама по себе или в искусственно созданных условиях (лабораторных или моделируемых) психика, а система «человек – окружающая среда». Разумеется, определенная спецификация предмета психологии заставляет полагать эту систему как субъектоцентрическую, однако сложность структурных характеристик и закономерностей её функционирования возрастает на порядки, сводит к минимуму состояние устойчивого равновесия, а при современных темпах изменения окружающей среды приводит к необратимым и плохо предсказуемым последствиям с позиций традиционного системного подхода.

Возрастание сложности и динамизма изучаемой системы «человек – окружающая среда» заставляет психологов искать новые методологические основания для своих исследований. В последнее время в психологии стали активно использоваться идеи спонтанной самоорганизации сложных неравновесных систем, первоначально разрабатываемые синергетикой лишь для термодинамических и химических. На сегодняшний день взаимоотношения психологии и синергетики только оформляются, поэтому вполне обоснованы опасения и скепсис некоторых психологов по поводу возможностей междисциплинарных психолого-синергетических исследований. Основным критикуемым положением синергетики является тезис о самоорганизации сложных и открытых систем, о роли случайности при переходе их в новое качество. Противники синергетического подхода к изучению психических явлений под случайностью подразумевают абсолютную случайность и полное отсутствие причинности и

полагают, что говорить о случайности или детерминированности событий можно лишь тогда, когда известна вся цепочка предшествующих взаимосвязей, учесть которую невозможно, поэтому здесь можно говорить только об относительной степени свободы и детерминизма⁴. С относительной степенью случайности и причинности всех происходящих в мире явлений соглашаются и основатели синергетики, рассматривая случайность в рамках природы изучаемой системы: теория сильно неравновесных систем «не является источником новых норм или суждений. Перед нами скорее вызов, требующий расширения сложившихся представлений о научной рациональности. Этот вызов в особенности затрагивает те науки, предметом изучения которых являются живые существа <...> В еще большей степени сказанное относится к наукам, изучающим человека, язык которого делает его “чувствительным” к существованию множества прошлых и будущих и порождает разнообразие интерпретаций настоящего»⁵. Здесь речь идет о смещении акцентов с изучения явлений как жестко детерминированных систем на исследование динамических, учитывающих в своей эволюции максимальное количество необходимой информации, с изучения результата функционирования системы на особенности и закономерности самого процесса функционирования. Широта содержания основного понятия синергетики «информация», факт информационного обмена в системе «человек – среда» дают основания для адаптивного переноса некоторых положений синергетики на изучение психических явлений. По мнению В.А. Барабанщикова, «представляется важным изучить условия сопряжения оснований синергетики и психологической науки, провести сопоставительный анализ феноменов “самоорганизации” и “порождения” в психологии, более детально рассмотреть гносеологический аспект проблемы»⁶. Безусловно, не претендуя на полное и окончательное решение данных проблем и не отрицая принцип детерминизма в развитии психики, а предполагая относительную степень свободы и детерминизма в развитии сложных и открытых систем, рассмотрим некоторые возможности объяснения закономерностей школьных интеракций с позиций синергетики.

На основе разнородных элементов окружения складывается качественно своеобразная ситуация развития системы «школьник – образовательная среда». Она возникает не только как «целостность, соотношенная с интересами, требованиями и возможностями субъекта», но и в соответствии с активностью элементов конкретного окружения. Взаимодействие школьника и образовательной среды – это всегда разрешение ситуации, что «требует от него координации его сил, средств, возможностей и целенаправленного действия»⁷. Иногда это требует от ученика заданных, привычных действий. В этом случае активность проявляется в рамках известной последовательности, предсказуемости результатов, определенности процессов обмена информацией в этой системе, т.е. в привычном, хотя и индивидуальном для каждого школьника русле. Таким образом, индивидуальная система школьных интеракций будет относительно стабильной, ненапряженной и детерминированной, а значит, предсказуемой в своих состояниях и функционировании. Учащиеся, находясь в ситуациях такого рода, вне зависимости от результата, учатся стабильно, эмоционально благополучны, неконфликтны, непроблемны для учителей и родителей. Однако такие случаи складываются в системе школьных взаимодействий редко и описанный выше пример, скорее, исключение.

Чаще всего школьные интеракции отличаются напряженной динамикой, требуют от учащегося максимального привлечения сил и возможностей, обычно находящихся в резерве. В таких ситуациях взаимодействие субъекта со средой будет происходить по сценарию поддержания стабильности существующей структуры взаимодействий, но с привлечением дополнительного психического резерва. Это, в свою очередь, потребует от учащегося дополнительного внутреннего напряжения, привлечения не вполне определенных своим результатом когнитивных, волевых, рефлексивных и других процессов, принятия решений, которые в привычной ситуации не реализуются. Неопределенность новой информации, в терминах синергетики – ее энтропия, не позволяет школьнику самостоятельно полностью систематизировать ее по значимости. Несколько снижают данную

неопределенность индивидуальные и социальные нормы и ценности, однако в детском и подростковом возрасте индивидуальные системы норм, ценностей и смыслов только начинают складываться, а социальные нормы и ценности в сложных и динамично меняющихся ситуациях приобретают для школьника некоторую новизну и неопределенность. В этом случае индивидуальная система школьных интеракций становится менее стабильной и предсказуемой в функционировании, возрастает роль случайных процессов и влияний. Учащиеся, функционируя в таких условиях, иногда непредсказуемы в том, что касается академической успеваемости (например, учится хорошо, но может на контроле знаний показать слабый результат, хотя видимых причин для этого нет, или наоборот, учится средне, но на контроле знаний иногда показывает блестящий результат), эмоционально зависимы от ситуации, напряжены и тревожны, могут быть конфликтны, так как в силу информационной неопределенности не способны предсказать последствия своих действий и со стороны среды. Возможны два варианта развития таких событий. В случае постепенной когнитивной, эмоционально-оценочной и поведенческой идентификации неопределенной информации происходит приспособление, адаптация школьника к новой ситуации взаимодействия с образовательной средой. Система взаимодействия переходит на более высокий уровень развития, так как расширяется информационный обмен со средой, использование информации становится более эффективным за счет ее включения в существующие психические структуры индивида. В противном случае, если информация индивидом хронически не идентифицируется или медленно осваивается по сравнению с напряженной внутренней или внешней динамикой и возрастанием энтропии, наблюдается школьная дезадаптация, снижение эффективности взаимодействий учащегося с образовательной средой вплоть до полного отсутствия эффективности.

Крайний вариант возрастания информационной неопределенности, нередко наблюдаемый в ситуациях значительных изменений условий учебы и жизнедеятельности

(начало обучения в 1-м классе, переход в 5-й, 10-й классы, начало обучения в профильном классе, переход в другой класс или другую школу, неожиданные трудные жизненные или семейные обстоятельства), может привести к нарушению стабильности в системе школьных интеракций, к разрыву функциональных связей между элементами системы, к возрастанию роли случайных факторов и значительному снижению детерминации в деятельности и поведении. Это так называемая зона бифуркации – точки, в которой необходимость и детерминация «пронизаны широким спектром случайностей, зависящим от природы системы, ее исторической памяти, специфического или неспецифического влияния среды»⁸.

Переход системы взаимодействия школьника с образовательной средой на новый, более высокий уровень развития имеет множество путей, выбираемых случайно, спонтанно. В такой системе существует диспропорциональность отношений причины и следствия: слабые воздействия приводят к мощным последствиям. «Вдали от равновесия то, что мы можем идентифицировать как «причину» эволюции, зависит от обстоятельств. То же событие <...> может быть вполне пренебрежимым, если система устойчива, и стать весьма существенным, если система <...> переходит в неравновесное состояние»⁹. «Сильно неравновесное состояние» системы взаимодействия школьника и образовательной среды не приводит тем не менее к ее полному разрушению. За счет внутренней активности, спонтанного порождения новых структур в процессе внутренних взаимодействий и ресурсов система реализует свое стремление к самосохранению. Следует оговориться, что мы имеем в виду внутреннюю активность всей системы школьных взаимодействий, которой обладает не только субъект учебной деятельности, но и субъект педагогической деятельности, родители, другие участники учебно-воспитательного процесса (психологи, социальные педагоги, администрация и т.д.), а также идущую от внешкольных источников, включенных иногда в общую систему школьных интеракций (например, институты дополнительного образования, подготовка к про-

фильному обучению и т.п.). Тогда система становится качественно другой, в ней постоянная динамика структурных элементов сочетается с относительной стабильностью всей системы, т.е. согласованное взаимодействие элементов подчиняется в своей динамике достижению общего системного результата. Система, в терминах синергетики, становится диссипативной, а значит хорошо согласованной, гибкой и эффективной для достижения актуальных и перспективных целей.

Изучение согласованности взаимодействия частей при образовании системы как единого целого требует, прежде всего, выделения и описания подсистем. Используя методы тестирования, опроса, шкалирования, экспертного оценивания, корреляционного и факторного анализов, мы выделили в общем взаимодействии школьника с образовательной средой учреждения элементы, связанные с развитием интеллекта, эмоциональной сферой личности школьника, социально-психологические явления, отношения к школе родителей, стилевые особенности профессиональной деятельности учителя¹⁰. Соответственно нами определены три подсистемы: эмоциональных, интеллектуальных, социально-психологических явлений в школьных интеракциях. Они встречаются во всех 40 наблюдаемых классах. Однако в зависимости от особенностей среды в классах они по-разному влияют на общую эффективность взаимодействия школьника и образовательной среды, которая традиционно оценивалась в нашем исследовании через академическую успеваемость и экспертные оценки учителей и родителей.

Синергетический подход позволяет оценивать корреляционные связи между элементами структуры как диагностический показатель стабильности или неустойчивости общей системы школьных взаимодействий, а также связать напряженность корреляционных связей внутри системы с эффективностью ее функционирования. Крайне неравновесное состояние системы интенсифицирует и обостряет конкурентное взаимодействие между подсистемами, исчезают не только «дальнодействующие корреляции»¹¹, но и практически все внутрисистемные корреля-

ционные связи. Когнитивные, эмоциональные и социально-психологические процессы протекают независимо друг от друга, а иногда и конкурируя между собой. Система взаимодействия школьника и образовательной среды функционирует при этом неэффективно, что проявляется в снижении общей адаптации учащегося к условиям обучения и обучающего эффекта школы. По нашим данным, в среднем в школах существует 17,5% классов, в которых наблюдается подобная системная организация школьных интеракций¹². В них особенно затруднены социально-психологические процессы, так как при снижении уровня упорядоченности социальной системы происходит сначала ее деиерархизация, затем актуализируются процессы интеграции и дифференциации, вызывающие в первичной группе класса напряжение социально-психологических процессов¹³. Эмоциональные состояния учащихся в таких классах более благоприятны по сравнению с классами с другой внутрисистемной организацией процессов взаимодействия субъекта и среды. Должно быть, условия меньшей согласованности подсистем не вызывают у субъекта стремления координировать свои интеллектуальные, эмоционально-волевые и социально-психологические качества. Отсутствие внутреннего напряжения, в свою очередь, не связано с отрицательными эмоциями, поэтому общий эмоциональный фон взаимодействий школьника и образовательной среды благоприятный. Похожая картина эффективности школьных интеракций наблюдается в классах, в которых внутрисистемные корреляционные связи объединяют все подсистемы. Таких классов 27,5%, и в них по сравнению с другими неблагоприятный эмоциональный фон школьных взаимодействий наблюдается у большего количества учащихся, что связано с необходимостью координировать все процессы школьных взаимодействий, с возрастанием внутренней напряженности, а это не способствует проявлению положительных эмоций. Наиболее благоприятны для эффективного взаимодействия школьника и образовательной среды такие структуры, которые образуют корреляционные связи между интеллектуальной и социально-психологической подсистемами,

оставляя относительно самостоятельной эмоциональную подсистему. Таких, по нашим данным, 7,5%. Эмоциональная подсистема в данном случае находится в состоянии колебания, гибко реагирует на внутренние и внешние неспецифические (не навязывающие системе функционирование) воздействия, мало зависит от академических и социально-психологических успехов. В свою очередь, академическая успеваемость и социально-психологические процессы в классе не тормозятся отрицательными эмоциональными проявлениями субъектов учения, что значительно повышает общую эффективность процессов взаимодействия школьника и образовательной среды.

Достаточным условием возникновения диссипативных структур является, с точки зрения синергетики, «некоторое превышение эффективности работы источника их образования над рассеиванием»¹⁴. Одним из основных внешних источников эффективности школьных взаимодействий является педагог. Чтобы доказать это, приведем примеры влияния стиля педагогической деятельности на структурные особенности школьных интеракций. Директивный стиль педагогической деятельности способствует образованию такой системы школьных интеракций, при которой взаимосвязаны интеллектуальные процессы с социально-психологическими, а социально-психологические – с эмоциональными. Именно такая структура школьных взаимодействий, по нашим данным, менее всего способствует эффективно функционированию всей системы: у учащихся наблюдаются всевозможные проблемы, связанные с социально-психологическими трудностями, академической успеваемостью, негативными эмоциями¹⁵. Либеральный стиль педагогической деятельности способствует возникновению нестабильной системы взаимодействий, в которой подсистемы не связаны между собой. Как было показано выше, в таких деиерархических условиях наиболее затруднительно социально-психологическое функционирование. Демократический стиль педагогической деятельности способствует возникновению систем двух

видов, в первом все подсистемы связаны между собой, во втором отсутствует одна связь – между интеллектуальными проявлениями субъекта и его эмоциональными реакциями. Это самые благоприятные с точки зрения эффективности функционирования виды систем школьных интеракций.

Таким образом, анализ систем школьных взаимодействий с позиций синергетического подхода позволяет по-новому оценить стремление к стабильности в процессе достижения эффективности школьных интеракций, роль неравновесности в процессе перехода данной системы на новый, более высокий уровень развития, а также роль учителя как организатора и источника образования гибких, диссипативных систем взаимодействия школьника с образовательной средой.

Примечания

¹ *Зимняя И.А.* Педагогическая психология. Ростов н/Д, 1997.

² *Хакен Г.* Синергетика. М., 1980.

³ *Панов В.И.* Экологическая психология: Опыт построения методологии. М., 2004. С.54–79.

⁴ *Митькин А.А.* Системный детерминизм: синергетические и психологические аспекты // *Идея системности в современной психологии* / Под ред. В.А. Барабанщикова. М., 2005. С.53.

⁵ *Пригожин И., Стенгерс И.* Время. Хаос. Квант: К решению парадокса времени / Пер. с англ. под ред. В.И. Аршинова. 6-е изд. М., 2005. С.63.

⁶ *Барабанщиков В.А.* Принцип системности в современной психологии: основания, проблемы, тенденции развития // *Идея системности в современной психологии*. М., 2005. С.14.

⁷ *Барабанщиков В.А.* Принцип системности в современной психологии: основания, проблемы, тенденции развития // *Идея системности в современной психологии*. С.35–36.

⁸ *Вагурич В.А.* Синергетика эволюции современного общества / Послесл. М.П. Семесенко, Н.Н. Скорохода. 2-е изд. М., 2006. С.8.

⁹ *Пригожин И., Стенгерс И.* Указ. соч. С.61–62.

¹⁰ *Григорьева М.В.* Школьная адаптация: механизмы и факторы в разных условиях обучения. Саратов, 2008.

¹¹ *Вагурич В.А.* Указ. соч. С.14.

¹² *Григорьева М.В.* Указ. соч. С.79–93.

¹³ *Вагурич В.А.* Указ. соч. С.18.

¹⁴ Там же. С.20.

¹⁵ *Григорьева М.В.* Указ. соч. С.79–93.

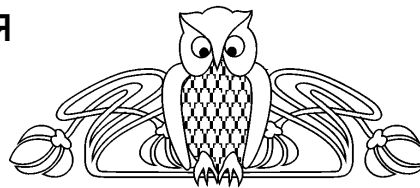

УДК 159.944.4: 351.74

ОСОБЕННОСТИ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ И ЕГО РАЗВИТИЯ У СОТРУДНИКОВ ВНЕВЕДОМСТВЕННОЙ ОХРАНЫ

И.В. Малышев

Педагогический институт
Саратовского государственного университета
E-mail: iv.999@list.ru

Статья посвящена проблеме эмоционального выгорания представителей профессии, деятельность которых характеризуется повышенным эмоциональным напряжением, наличием сложных жизненных ситуаций. Исследование связано с изучением особенностей синдрома эмоционального выгорания и факторов, способствующих его развитию у сотрудников вневедомственной охраны.

Ключевые слова: симптомы, фазы эмоционального выгорания, особенности развития синдрома, индивидуальные, социально-психологические факторы, адаптационные возможности, нарушение личности.

Peculiarities of the Emotional Burn Out and Its Development by the Officers of the Non Departmental Security

I.V. Malyshev

The paper is devoted to the problem of the emotional burn out of the representatives of the profession whose activity is characterizing by the increased emotional tension and by the presence of the difficult living situations. A research connected with the study of the peculiarities of the emotional burn out and the factors promoting to its development by the officers of the non-departmental security is given.

Key words: symptoms, phases of the emotional burn out, peculiarities of the development of the syndrome of the emotional burning, individual and social-psychological factors, adaptation possibilities, breaking of the personality.

В настоящее время многих исследователей привлекают проблемы, связанные с воздействием стресса на человека. В первую очередь, это определяется их значимостью для общества, науки и конкретного человека. В современных условиях социальное окружение предъявляет повышенные требования к личности. Это неизбежно приводит к таким неблагоприятным последствиям, как снижение общей психической устойчивости организма, появление чувства неудовлетворенности результатами своей деятельности, отказ от выполнения заданий в ситуациях повышенных требований¹. Анализ названных симптомов и факторов, определяющих их, позволил сделать вывод, что представители некоторых профессий значительно чаще и

быстрее, чем в других отраслях, начинают испытывать чувство внутренней эмоциональной опустошенности вследствие необходимости постоянных контактов с другими людьми. К ним относятся: психологи, педагоги, воспитатели, социальные работники, полицейские и др. В связи с анализом требований, предъявляемых к социальным профессиям, основное содержание которых составляет межличностное взаимодействие, американский психолог Х. Дж. Фрейденберг в 1974 г. ввел термин «выгорание» (burnout). Позже данный феномен во многих зарубежных и отечественных публикациях был обозначен как синдром эмоционального, психического или профессионального выгорания. Он относится к числу феноменов личностной деформации и представляет собой многомерный конструкт негативных психологических переживаний, связанных с интенсивными межличностными взаимодействиями, отличающимися эмоциональной насыщенностью или когнитивной сложностью².

Существует ряд дефиниций, отражающих синдром. Например, К. Кондо определяет «выгорание» как отсутствие адаптации к рабочему месту из-за чрезмерной нагрузки и неадекватных межличностных отношений. Выгоранию подвержены те, кто работает с особым интересом, такая работа сопровождается чрезмерной потерей психологической энергии, приводит к психосоматической усталости и эмоциональному истощению³.

Как отмечают зарубежные исследователи, на первом этапе развития синдрома профессиональная деятельность является главной ценностью и смыслом всей жизни человека⁴. В случае несоответствия между собственным вкладом и полученным или ожидаемым вознаграждением появляются первые

симптомы выгорания: изменение отношения к профессиональной деятельности – от положительной до безразличной и отрицательной. Причина синдрома индивидуальна, определяется различиями в эмоционально-мотивационной сфере и условиями, в которых протекает профессиональная деятельность человека.

Современные исследователи выделяют в синдроме три психических конструкта: эмоциональную истощенность (чувство эмоциональной опустошенности), деперсонализацию (бесчувственное отношение милиционера к гражданам, коллегам и т.д.) и редукцию профессиональных достижений (чувство некомпетентности в своей профессии). Составляющие выгорания в той или иной степени отражают специфику профессиональной сферы, в которой впервые был обнаружен этот феномен⁵.

Сложный характер синдрома, а также многообразие интерпретации его причин и проявлений требует поиска новых путей, исследовательских стратегий по оптимизации профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел (в частности, милиционеров вневедомственной охраны), которая включает сложные жизненные ситуации, высокое напряжение и явление монотонии, что заметно отличает ее от других видов труда⁶.

В соответствии с изложенным целью нашего исследования является выявление особенностей развития синдрома эмоционального выгорания у сотрудников вневедомственной охраны и определяющих его факторов.

В исследовании приняли участие 120 милиционеров отдела вневедомственной охраны г. Саратова в возрасте от 21 года до 44 лет. В соответствии с функциональными задачами в рамках своего подразделения испытуемые были распределены на несколько групп (повзводно).

Для диагностики симптомов и признаков уровня эмоционального выгорания был использован тест В.В. Бойко⁷. В качестве одного из основных методов, направленных на изучение личности, был выбран метод СМЛЛ⁸. Дополнительно, для выявления глубинных неосознаваемых аспектов личности и характера был использован тест Сонди⁹.

С целью изучения социально-психологических характеристик коллектива была подготовлена анкета, акцентирующая внимание на морально-психологическом климате и актуальных проблемах. Также на каждого испытуемого были собраны данные анамнеза. В целом процедура исследования включала: 1) сбор данных, 2) анкетирование, 3) индивидуальное и групповое тестирование, 4) обработку результатов и выводы. Тестирование состояло из двух этапов: изучение выгорания в группе из 120 испытуемых; диагностика личности в группе с выявленными симптомами выгорания.

На основе диагностики уровня эмоционального выгорания была выявлена группа, состоящая из 72 испытуемых (60% от общего числа обследованных), с превышающими допустимые значения по двум-трем и более симптомам (складывающийся симптом – 10–15 баллов; сложившийся – 16 и выше) или фазам выгорания (37–60 баллов – фаза в стадии формирования; 61 и выше – сформировавшаяся фаза). Преобладают симптомы фазы «резистенция» (среднее значение общего показателя – 43,8), а именно – «неадекватное избирательное эмоциональное реагирование» (13,3), которое проявляется у 75% сотрудников, за ним следует «эмоционально-нравственная дезориентация» (12,8) – 65%, «редукция профессиональных обязанностей» (12,4) – 47% и симптом «расширение сферы экономии эмоций» (6,1) – 18%. Общий показатель «резистенция» выражен у 85% испытуемых. Всего развитие хотя бы одного из симптомов фазы наблюдается у 98%. На втором месте по числу выявленных симптомов находится фаза «истощение» (27,7) и на последнем месте фаза «напряжение» (20,9) (таблица).

Возрастной промежуток от 26 до 35 лет можно считать основным для развития синдрома выгорания (54% испытуемых). Это период жизни трудоспособного человека, связанный с этапом профессионализации, самосовершенствования, включающий и возрастную кризис личности. Средний трудовой стаж испытуемых, у которых обнаружен синдром выгорания, составляет 7–15 лет (46%), а период адаптации к профессии, месту службы – от 1 года до 3–4 лет (26%).

Показатели синдрома выгорания в группе испытуемых с выявленными нарушениями

Группы испытуемых	Симптомы и фазы эмоционального выгорания														
	Напряжение					Резистенция					Истощение				
	1	2	3	4	Общий показатель фазы Н	1	2	3	4	Общий показатель фазы Р	1	2	3	4	Общий показатель фазы И
1-й моторизованный взвод	20	13	33	0	13	86	80	20	66	73	60	86	53	0	40
2-й моторизованный взвод	33	40	6	6	6	73	73	13	26	46	66	66	13	13	20
Взвод охраны Торгового центра	18	36	9	0	0	81	72	0	45	54	36	45	9	0	0
«Пеший» взвод	11	11	16	0	16	50	50	16	44	44	61	66	5	5	11
Взвод «Банки»	33	41	33	16	25	83	66	16	75	58	66	50	25	16	25
Руководство	20	80	40	40	60	100	20	80	40	80	20	20	60	20	20
Испытуемые с выявленными нарушениями, %	22	30	22	5	17	75	65	18	47	85	56	63	23	9	20
Общий показатель в средних значениях, баллы	5,9	6,6	5,5	2,9	20,9	13,3	12,8	5,7	12	43,8	9	10,5	5	3	27,7

Примечание. Симптомы фаз выгорания: напряжение: 1 – переживание психотравмирующих обстоятельств, 2 – неудовлетворенность собой, 3 – «загнанность в клетку», 4 – тревога и депрессия; резистенция: 1 – неадекватное избирательное эмоциональное реагирование, 2 – эмоционально-нравственная дезориентация, 3 – расширение сферы экономии эмоций, 4 – редукция профессиональных обязанностей; истощение: 1 – эмоциональный дефицит, 2 – эмоциональная отстраненность, 3 – личностная отстраненность (деперсонализация), 4 – психосоматические и психовегетативные нарушения.

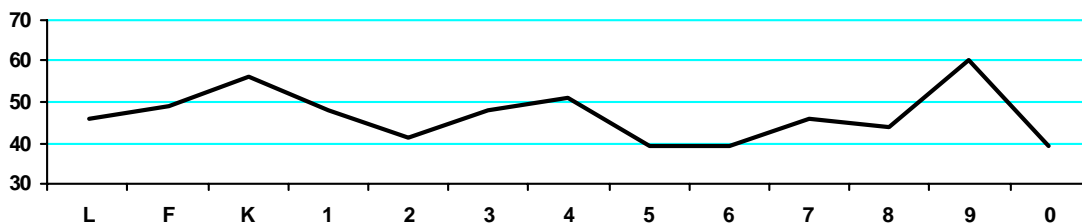
Анализ медико-психологических факторов показал наличие у 56% сотрудников с высокой степенью развития выгорания психологических и функциональных нарушений, свидетельствующих о снижении адаптационных возможностей к психоэмоциональным нагрузкам (данные окружной военно-врачебной комиссии). Кроме этого, у 45% обнаружены акцентуации характера, 9% сотрудников выезжали в «горячие точки» и у 2% в анамнезе зафиксированы черепно-мозговые травмы.

Как следует из приведённых результатов, общее состояние коллектива подразделения неудовлетворительное. В то же время у 11% испытуемых отмечено наличие только складывающихся симптомов и у 78% одна из фаз выгорания находится в стадии формирования. Таким образом, у значительного числа лиц с отмеченными нарушениями синдром находится на ранних стадиях развития, глубокие изменения ещё не наступили, как это произошло у 23% испытуемых. Но этот факт внушает тревогу, так как синдром может протекать быстро.

Основываясь на результатах исследования и учитывая характер выполняемой деятельности, можно предположить, что риск

развития синдрома значительно выше у сотрудников, чьи функции и задачи носят оперативный характер, подверженных сильному эмоциональному напряжению, имеющих много контактов с людьми и выполняющих монотонную и однообразную работу. Эти факторы в наибольшей мере относятся ко 2-му (75% лиц с выявленными нарушениями от общего числа обследованных), 1-му (68%) моторизованным взводам и также характерны для руководящего состава (71%), в функции которых входит и контроль над деятельностью подчинённых. Для взвода «Банки» (44%) риск развития синдрома выгорания ниже (особенность функциональных задач связана с охраной объекта по месту назначения, а общение с людьми не всегда навязанное и предполагает компенсацию негативного эмоционального состояния).

После обработки методики СМИЛ данные были обобщены и выражены количественно в виде средних значений шкал (рисунок). Оценивая профиль личности, можно сказать, что, несмотря на отсутствие явных психических нарушений (показатели шкал в твердых [т] баллах находятся в пределах 70), у большинства испытуемых неустойчивая эмоциональная сфера, впечатлительность,

Средние значения личностного профиля методики СМИЛ у испытуемых с высокими показателями (по тесту В.Бойко): L – «ложь», F – «достоверность», K – «коррекция», 1 – «сверхконтроль», 2 – «пессимистичность», 3 – «эмоциональная лабильность», 4 – «импульсивность», 5 – «женственность», 6 – «ригидность», 7 – «тревожность», 8 – «индивидуалистичность», 9 – «оптимистичность», 0 – «интроверсия»

гибкость в общении, не всегда целенаправленная активность, сниженная выносливость к стрессу, стремление находить причины неудач в действиях других, черты демонстративности, при перенапряжении – функциональные нарушения, трудности адаптации, нарушения общепринятых форм взаимодействия и т.д. Наличие конверсионной «пятерки» (шкалы 1, 2, 3) и пики по 4–7-м шкалам предполагают неблагоприятный прогноз в виде невротического развития: общего снижения адаптационных возможностей, дезадаптации, психосоматических нарушений, усиления проявления акцентуированных черт характера и т.д.

Результаты исследования по методике Сонди показали, что практически все отмеченные факторы предполагают неблагоприятные для личности изменения, снижающие ее адаптационный потенциал, способность к преодолению стресса, что, в конечном итоге, может привести к возникновению симптомов выгорания и другим нарушениям. Так, для испытуемых характерны такие особенности и свойства личности как: пассивность, повышенное чувство вины (факторы [h0s-], [h+!s-] – 12% испытуемых); аффективно-лабильные проявления, трудности в контактах с окружающими (факторы [h+s0] – 14%, [e0hy+] – 12%, [e0hy0] – 9%); невротические изменения личности (факторы [k-p0] – 14%, [e0hy+-] – 8%); психосоматические нарушения (фактор [d-m+!] – 15%) и т.д.

Во многих исследованиях отмечается важная роль психологического климата коллектива и организационных факторов, оказывающих влияние на возникновение выгорания и других деструктивных изменений в

психике⁴. С этой целью проводилось социально-психологическое исследование всего подразделения. Основываясь на его результатах, можно сказать, что морально-психологический климат организации в целом характеризуется лишь как «относительно» удовлетворительный. Несмотря на то, что психологическую атмосферу внутри коллектива оценивают как положительную около 69% сотрудников, невозможностью открыто выступать с критикой недовольны 52%, материальной обеспеченностью – 59%, справедливостью и объективностью решения проблем – 62% из числа опрошенных милиционеров, 56% обеспокоены безразличным отношением к проблемам подчиненных, 43,3% – текучестью кадров.

Таким образом, результаты эмпирического исследования направленного на изучение особенностей выгорания у сотрудников вневедомственной охраны, позволяют прийти к следующим выводам.

Развитие синдрома выгорания во многом связано с нарушениями функционирования работы механизмов психики, низкой стрессоустойчивостью, особенностями развития личности и коллектива, негативными изменениями в структуре личности и т.д. Так, качественная характеристика результатов СМИЛ, теста Сонди свидетельствует о начале неблагоприятных изменений личности данной группы сотрудников.

Степень выявленных нарушений и этапы развития синдрома выгорания у испытуемых различаются. Показатели симптомов связаны с индивидуально-психологическими особенностями исследуемых, социально-психологическими характеристиками данного

коллектива, функциональными и иными особенностями выполняемой деятельности, способностью руководителей решать проблемы подчиненных как внутри, так и вне коллектива. Обобщенный анализ результатов показал, что влияние на развитие синдрома выгорания у сотрудников оказывают и переменные медико-психологического характера, например, случаи снижения адаптационных механизмов к психоэмоциональным нагрузкам и, как следствие, наступившие невротические изменения (данные анамнеза и исследований).

Результаты исследования выявили и общие закономерности, отражающие особенности структуры синдрома и динамику его развития. Преобладание среди других показателей фазы «резистенция» и таких её симптомов, как «неадекватное избирательное эмоциональное реагирование», «эмоционально-нравственная дезориентация», «редукция профессиональных обязанностей», показывает, что морально-этические проблемы, утрата чувства перспективы, отсутствие интереса к самосовершенствованию, развитию, нарушение эмоциональной сферы отношений стоят на первом месте в ряду проблем жизни и деятельности милиционера вневедомственной охраны.

Данное исследование является необходимым шагом в создании модели, направленной на преодоление длительного воздействия стресса. Его новизна состоит в применении проективного метода исследования личности (Сонди), расширяющего представления о масштабах синдрома и его механизмах.

Примечания

- ¹ См.: Ронгинская Т.И. Синдром выгорания в социальных профессиях // Психол. журн. 2002. Т.23, №3. С.85–95.
- ² См.: Водопьянова Н.Е., Старченкова Е.С. Синдром выгорания: диагностика и профилактика. СПб., 2008. С.29–30.
- ³ См.: Форманюк Т.В. Синдром «эмоционального сгорания» как показатель профессиональной дезадаптации учителя // Вопр. психол. 1994. № 6. С.57–73.
- ⁴ См.: Ронгинская Т.И. Указ. соч.
- ⁵ См.: Орел В.Е. Феномен выгорания в зарубежных эмпирических исследованиях // Психол. журн. 2001. Т.22, №1. С.90–101.
- ⁶ См.: Бовин Б.Г., Калашиников М.О., Панова Т.Б., Калашиникова О.Э. Методические рекомендации по психологическому сопровождению подразделений вневедомственной охраны. М., 1997. С.6–9.
- ⁷ См.: Райгородский Д.Я. Практическая психодиагностика. Методики и тесты. Самара, 1998.
- ⁸ См.: Собчик Л.Н. Стандартизированный многофакторный метод исследования личности: Метод. руководство. М., 1990.
- ⁹ См.: Собчик Л.Н. Метод портретных выборов: Практ. руководство. М., 1993.
- ¹⁰ См.: Орел В.Е. Указ. соч.

УДК 159.9:796.01

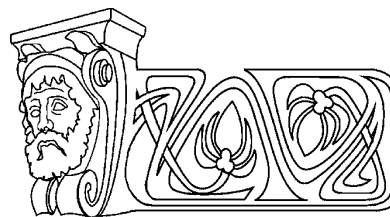
ТЕМПОРАЛЬНОСТЬ В ПОДГОТОВКЕ УЧИТЕЛЯ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

А.В. Милёхин

Педагогический институт
Саратовского государственного университета
E-mail: gk_roden@mail.ru

В статье рассматриваются проблемы подготовки учителей физической культуры, связанные с овладением временными особенностями деятельности, характерными для спортивного педагога. Отмечается значимость умения использовать время не только при овладении спортивными движениями и учебным материалом, но и при демонстрации их на педагогической практике. Использование времени – важная составляющая профессиональной подготовки, имеющая определяющее влияние на результат любой деятельности.

Ключевые слова: темпоральность, временные особенности деятельности, процесс обучения, педагогическая практика, пользование временем.

Time Factor in the Educational Process of a Physical Training Teacher

A.V. Milekhin

The article views the problems of education of teachers of physical training, which deal with mastering of time planning peculiarities, characterizing sport pedagogical activity. The competent relevance of time usage is stressed for not only training of sport movements and acquiring the study sport material, but also for demonstrating these sport movements during the pedagogical practice of students. The proper using of time is a significant part of professional training that has determinative influence on the results of any activity.

Key words: time factor, time planning peculiarities, process of teaching, pedagogical practice, using of time.

Всем известны определенные временные, или возрастные, закономерности психического становления человека, поэтому психические изменения можно предвидеть. Явление антиципации как раз и предполагает предвидение, предположение, предвосхищение каких-либо событий или последствий с опорой, в том числе, на предшествующие им условия. Одно из условий, которое сопровождает все без исключения события и явления, происходящие в мире, во многом определяет их характеристики и является основным параметром, это, несомненно, – время, темпоральный фактор. Время также характеризует и все социальные явления, в том числе образовательные.

Отличительной чертой спортивной деятельности является постоянное совершенствование во всех составляющих этой деятельности, в том числе и в использовании времени. Спортивная практика располагает определенными, довольно мощными средствами физической культуры при помощи которых происходит воздействие на занимающихся с целью их всестороннего совершенствования. Это основные, общепринятые, традиционно используемые средства, к которым относятся физические упражнения, оздоровительные силы природы и гигиенические факторы. Несомненно, что все достижения физической культуры и спорта возможны при широком применении, умелом чередовании, а также дозировании данных средств. Применение, чередование, дозирование средств физической культуры – определяющие спортивного совершенствования. Именно от временной реализации средств зависит их эффективность. Всю подготовку спортсмена объединяет и во многом определяет фактор времени, поэтому в спортивной деятельности время является не просто продолжительностью и последовательностью определенных событий, оно – основополагающее средство, которое может помочь или препятствовать достижению результатов.

Объединяющей особенностью времени и спортивной деятельности, на наш взгляд, является постоянное движение вперед. Это касается как начинающих спортсменов, спортивной элиты, так и спортсменов-ветеранов.

Даже если по каким-либо причинам (например, возрастным) спортсмен не может показывать свои лучшие результаты, в целом он продолжает продвижение вперед, совершенствуясь в других составляющих спортивной деятельности. Научиться экономить, бережно относиться ко времени может помочь ближайшее окружение спортсмена, но насколько рационально оно будет использоваться, в конечном итоге, будет зависеть только от него самого. Совершенствование в использовании времени обеспечивает спортсмену базу для продвижения во всех сферах его занятости. Жизненное время спортсмена отличается от жизненного времени человека, не занимающегося спортом, не только затратами на тренировки и соревновательные выступления, для успешного профессионального восхождения необходимо постоянно изменять манеру пользования жизненным временем.

Спортивная деятельность направлена на определенный результат, чаще всего временной, который во многом зависит от времени реализации всего спортивного движения или его частей. Достижение результата можно заранее предположить по временным характеристикам предшествующих соревнованию событий, а именно – времени занятий спортом, продолжительности и частотности тренировок, количеству сборов, продолжительности восстановительных мероприятий, умению быстро принимать решения, наличию спортивного опыта. Таким образом, определенное равенство, несомненно, существует между временными затратами на овладение спортивной деятельностью и спортивным результатом.

Практически в любом виде спорта существуют статистические показатели временных затрат на овладение составляющими спортивной техники, тактики, достижения определенных уровней спортивного мастерства. Не исключением является учебная деятельность в спортивных образовательных учреждениях, здесь также все темпорально распределено и взаимозависимо, уровень подготовки специалистов во многом предопределен последовательностью и длительностью изучения предметов, применения средств и методов обучения.

Зависимость достижения спортивных результатов от временных затрат не абсолютна в силу множества объективных и субъективных причин. Очень часто при одинаковых учебных планах в разных учебных заведениях или группах получаются разительно отличающиеся результаты. Одной из причин можно считать темпоральную, т.е. умение преподавателя использовать время и его способность передать это ученикам.

Основная трудность заключается в стойкости стереотипа использования времени. Во-первых, преподаватель может вывести учеников только на определенный, скорее всего, свой уровень эффективности. Во-вторых, студенты как психологически сформированные личности обладают определенными темпоральными режимами деятельности, изменить которые не всегда удаётся.

Опираясь на вышесказанное, можно констатировать, что трудности, связанные с временем использованием студентов, во многом определены предшествующими образовательными технологиями, поэтому применяемые преподавателем вуза методы, в том числе их темпоральные структурные составляющие, будут определять успешность изучения материала.

Одна из возможностей рационально использовать время обучения в вузе видится нам в создании и поддержании оптимального ритма обучения, который должен учитывать коллективный и индивидуальный характер деятельности студентов.

Подготовка студентов факультета физической культуры к педагогической практике важное и ответственное направление работы всех преподавателей вуза. Основная направленность данной работы состоит в сбалансированности теоретической и практической подготовки. Причем всех студентов можно разделить на две большие группы, диаметрально отличающиеся по направленности и сосредоточенности на осваиваемом учебном материале, выделяющих значимость одного его вида над другим, поэтому они уделяют им разное количество времени. Эта особенность во многом характерна для студентов факультета физической культуры, и вначале она не настораживает педагогов, но если её не контролировать, она усиливается.

Первая группа студентов отдаёт предпочтение практическому овладению материалом, для них важно выполнять спортивные движения не только в рамках изучаемой программы. Именно с совершенствованием практических навыков выполнения технических и тактических спортивных приемов они связывают свой профессиональный рост, успешность обучения, прохождения педагогических практик и, соответственно, востребованность на трудовом поприще по окончании института.

Вторая группа делает ставку на овладение теоретическими знаниями, они искренне убеждены, что практическое владение спортивными движениями и действиями учителю физической культуры и тренеру может пригодиться лишь ситуативно, но гораздо важнее глубокое знание основ спортивной деятельности и методики спортивной подготовки. С их точки зрения, значение теоретической подготовки будет постоянно возрастать, так как практические возможности спортивного педагога из-за возрастных изменений, а также изменений статуса учителя будут сведены к минимуму. Причем и та и другая группа в качестве примера обращается к деятельности своих тренеров и учителей физической культуры.

Несомненно ошибочность этих крайних точек зрения, ведь именно тренер и спортсмены, отличающиеся сбалансированностью интеллектуального и физического развития, как правило, добиваются значительных успехов.

Гармоничная подготовка обладает определенными темпоральными особенностями, имеющими положительные и отрицательные стороны.

Положительная сторона темпоральных требований к студентам заключается в строго регламентированной временной последовательности овладения учебным материалом. Темпоральный характер получения знаний предполагает достижение определенного уровня профессиональной подготовки.

Кроме того, обозначенная временная регламентация соответствует организации работы в школе, в общеобразовательной и в спортивной, т.е. тому труду, к которому и готовит студентов факультет физической культуры¹.

Отрицательная сторона темпоральной организации обучения в вузе на факультете физической культуры нам видится в появлении у целого ряда студентов возможности не столь строго следовать установленным временным рамкам обучения, работать в достатке времени. Достаточность времени на начальном этапе обучения и, как следствие, твердые знания и крепкий фундамент для дальнейшего продвижения положительны, но избыток времени на этапе совершенствования, допустим, спортивного мастерства не будет способствовать прогрессу в обучении. Напротив, дефицит времени на начальном этапе обучения может привести к трудностям на следующих этапах.

Особенности подготовки студентов факультета физической культуры состоят в том, что в овладении теорией возможны значительные перерывы, а для практической, тренировочной деятельности они совершенно неприемлемы. Нарушение студентом установленных временных режимов и правил приводит к разногласиям не только с коллективом группы, но и с преподавателями, т.е. студент отвергает установившиеся и поддерживаемые данным социумом правила.

Сложность заключается и в том, что студенты в вуз приходят уже со сложившейся, порой стойкой манерой времяпользования, а учитывая их возраст и то, что данная манера не всегда оптимальна, одной из задач педагогов становится формирование эффективной модели пользования временем. Решение этой задачи, особенно на начальном ее этапе, часто осуществляется на фоне определенного темпорального конфликта. Во-первых, он возникает между студентами с разными временными режимами жизнедеятельности и учебной работы. Во-вторых, этот режим студента может не совпадать с временными рамками учебной деятельности. Конфликт предполагает не только определенное противостояние и противоборство, но и негативный эффект в период его протекания. Чтобы смягчить это негативное воздействие на сознание студента, преподавателям необходимо не только акцентировать внимание учащихся на выгоде и пользе рациональ-

ного использования времени, но и максимально способствовать реализации данного положения².

Специфика обучения на факультете физической культуры связана с коллективным характером этого процесса, и если овладение основами других педагогических специальностей порой требует определенной уединенности, обособленности, то уровень успешности в этих специальностях находится в прямой зависимости от коллективных действий, от уровня социализации.

Особенно явно будет проявляться неподготовленность студента-практиканта к педагогической практике и влиять на его процесс вхождения в педагогический коллектив такая темпоральная особенность, как неумение работать в режиме острого дефицита времени. Такие ситуации довольно распространены, но говорить о том, что студента подготавливают к ним во время педагогической практики, явно не приходится.

При любой подготовленности студента к педагогической практике первая практика всегда трудна из-за нестандартной обстановки и ситуаций, влияние которых, в первую очередь, проявляется в изменении временных режимов деятельности практиканта.

С одной стороны, в арсенале любого педагога и на любом факультете существует множество вариантов подготовки студентов к данному развитию событий. С другой стороны, любой педагог в прошлом непременно оказывался в этих ситуациях, поэтому он считает их естественными, и чем дальше они уходят в прошлое, тем менее значимыми они воспринимаются и меньше времени и сил уделяется для подготовки студентов к ним.

Спортивная деятельность, работа учителя физической культуры, его профессиональное восхождение основаны на постоянном совершенствовании, в том числе совершенствовании в пользовании временем, поэтому подготовка студентов к практике заключается не только в постоянном усложнении теоретических и практических заданий. Необходимо моделирование и усложнение

заданий, совершенствование их решений, в том числе в различных временных режимах сложности.

Пользование временем такая же важная составляющая профессиональной подготовки, как и другие, так как оно во многом определяет получаемый результат.

УДК 159.942:7.01

ИСКУССТВО КАК ПОСТИЖЕНИЕ СЕБЯ

Е.В. Рязузова

Саратовский государственный университет
E-mail: rjaguzova@yandex.ru

В статье осуществлена теоретическая рефлексия искусства как мира опыта в рамках феноменологического подхода. Утверждается, что с помощью искусства происходит постижение Другого и узнавание себя в различных социальных контекстах. Показано, что через коммуникативные практики искусство раскрывает существенные грани Другого, расширяет смысловые горизонты рефлексивного поля опыта субъекта и конструирует новую модель личной идентичности.

Ключевые слова: психология искусства, мир опыта, переживание, постижение Другого, личностная идентичность.

Art as Finding Oneself

E.V. Ryaguzova

The paper reports outcomes of a theoretical reflection of art as a world of experience within a phenomenological approach framework. The paper alleges that by means of art it is possible to comprehend the Other and to recognize oneself within various social contexts. The paper demonstrates that by means of communicative practices art unfolds essential facets of the Other, expands meaningful horizons of a subject's reflexive experience field, and constructs a new model of a personal identity.

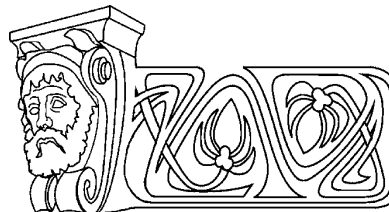
Key words: psychology of art, world of experience, experience, comprehension of the Other, personal identity.

Искусство, как справедливо считает Т.Г. Щедрина, – «это самый притягательный и самый противоречивый из всех феноменов человеческого духа, поскольку в нем соединяются фундаментальность и сиюминутность, стремление к созданию образов, обладающих исторической устойчивостью, и постоянно обновляющееся и действенное присутствие духовных энергий»¹. Многие гуманитарные дисциплины включают его в состав предметной области своих исследований, в этом ряду психология не является исключением.

Примечания

¹ Страхов В.И., Милёхин А.В. Внимание студента-практиканта (на уроках физической культуры) // Педагогическая практика. Опыт и перспективы: Межвуз. сб. науч. тр. Саратов, 1999. Вып.3. С.186–189.

² Милёхин А.В. Темпоральный фактор спортивной биографии // Материалы двенадцатых Страховских чтений: Сб. науч. тр. / Под ред. проф. В.И. Страхова. Саратов, 2003. С.245–250.

Психологический дискурс искусства тесно связан с определением объекта и предмета психологии искусства. При схожем понимании исследователями объектной области как пространства взаимодействия личности и произведения искусства, по отношению к предметному полю психологии искусства осуществляются неоднородные подходы, изучение в разнообразных направлениях.

Традиционная психология искусства опирается на естественно-научную парадигму и изучает восприятие искусства в формате воздействия произведения или его отдельных деталей на психику реципиента (Р. Арнхейм, Д. Берлайн, Дж. Купчик, К. Мартиндейл, П. Махотка, Г.Т. Фехнер).

Нетрадиционная психология искусства основывается на представлениях Л.С. Выготского о внешних, экстракорпоральных формах существования психики в культурных артефактах, согласно которым предметный мир, созданный человеком, дает своеобразный ключ к его психике и сознанию². Перефразируя З. Фрейда, который рассматривал интерпретацию сновидений как «королевский путь к познанию Бессознательного»³, можно говорить, что культурные артефакты – это королевский путь изучения сознания.

В рамках нетрадиционной психологии искусства выделяются различные подходы и направления исследований. Деятельностный подход (Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев, С.Л. Рубинштейн, В.П. Зинченко) акцентиру-

ет внимание на рассмотрении восприятия произведений искусства как особой целостной внутренней деятельности, включающей когнитивные, эмоциональные, мнемические, оценочные, духовные, собственно перцептивные составляющие. В рамках системного подхода интересны работы Л.Я. Дорфмана, М.С. Кагана, Д.А. Леонтьева, В.Ф. Петренко, В.Е. Семенова. Так, например, последний представляет искусство как «социально-психологическую систему взаимодействия, общения, отношений людей в процессах создания, распространения, восприятия, оценивания и воздействия художественных произведений, общий циклический процесс, начинающийся с влияния духовно-социальной среды на художника и заканчивающийся влиянием художника (посредством его произведения) на духовно-социальную среду»⁴, а Л.Я. Дорфман в рамках метаиндивидуальной психологии искусства изучает «совместный вклад психического и художественного во взаимоотношения человека и искусства, опираясь на положение об объектных формах и способах существования психического в мире, субъект-объектных взаимодействиях и полисистемном устройстве метаиндивидуального мира человека»⁵.

Интересным, перспективным, обладающим большим объяснительным потенциалом и интегративной возможностью является, на наш взгляд, феноменологический подход, базирующийся на представлении о множественности психологических реальностей, которые конструируются, исходя из собственных когнитивных схем и стилей. В контексте этого подхода искусство может рассматриваться как один из виртуальных миров психологической реальности, оформленный и осмысленный в согласии с культурными нормами общества и способный актуализировать смыслы в сознании субъекта, владеющего этими нормами. В мире искусства человек может приобрести уникальный жизненный опыт.

Основатель социальной феноменологии А. Шюц констатировал множественность конечных областей значений (*finite provinces of meaning*)⁶. В качестве сфер опыта он выделял миры сна, религии, искусства, повседневности, игры, научного теоретизирования, ду-

шевной болезни. По Шюцу, каждый из них замкнут и имеет жесткую границу, пересечение которой не просто предполагает наличие определенного усилия, но и требует своеобразного смыслового скачка. Один и тот же факт или объект в разных мирах опыта имеет различные коннотативные значения, но внутри каждой сферы опыта они образуют целостную, замкнутую конфигурацию. Пребывание в том или ином мире опыта подразумевает определенный поведенческий сценарий и характерный рисунок действия.

Аналогичную мысль высказывает Й. Хейзинга, анализируя пространство игры: «Арена, игральный стол, магический шар, храм, сцена, киноэкран, судебное присутствие – все они, по форме и функции <...> отчужденная земля, обособленные, выгороженные, освещенные территории, где имеют сами свои особые правила. Это временные миры внутри мира обычного, предназначенные для выполнения некоего замкнутого в себе действия»⁷. Учитывая современные реалии, можно выделить еще один уникальный мир опыта, а именно – виртуальный мир, порождаемый новейшими компьютерными технологиями, в котором отсутствуют или могут отсутствовать прототипы, а реальность конструируется по индивидуальному запросу с самым широким выбором вариантов.

Каждый из выделенных миров опыта имеет различный статус, при этом мир повседневности можно рассматривать как базовый, поскольку повседневность «выступает в качестве естественной реальности, и мы готовы отказаться от отношения, которое характерно для нее, только если особый шоковый опыт прорывается через структуру значений повседневности и заставляет нас переносить предикат реальности на другую конечную область значений»⁸. Как справедливо отмечают Е.Г. Дьякова и А.Д. Трахтенберг, «все остальные конечные области значений когнитивно соотносятся с повседневностью по принципу дополнительности – в них тематизируется то, что никогда не тематизируется в повседневности, и снимается ряд ее онтологических ограничений»⁹.

Л.Г. Ионин отмечает, что, «рассуждая о конечных областях значений, мы не затрагиваем вопрос об объективном существовании

фактов и явлений в данных областях. И у нас есть полное право на это. В этом и состоит специфика феноменологического подхода. Ведь речь идет не о том, что объективно, а что не объективно; и в одном, и другом, и в третьем, и в пятом случае мы имеем дело со сферами *опыта*. А все, что нам известно о мире, мы знаем из нашего опыта»¹⁰.

Следовательно, искусство можно рассматривать как один из закрытых, замкнутых миров опыта, в котором существуют свои законы, правила, условности, конвенции и традиции. Знания и опыт, полученные в результате освоения этого мира, не конституируют человеческую жизнь, но определяют ее качество, так как «в самой жизни искусство не является самым главным элементом, а представляет собой одно из жизненно важных для общества явлений, тесно связанных с другими и составляющих вместе с ними систему его жизнеобеспечения»¹¹.

Идея конструирования другой реальности с помощью искусства является сквозной в высказывании В.Б. Шкловского: «Искусство – это способ обнажения, обновления действительности. Оно строит свою действительность рядом с действительностью мира, оно ближе к исходу, чем тень к тому предмету, который загораживает от солнца кусок земли. Искусство строит способы познания, снимает шум, превращая его в речь, годную для сообщения»¹².

Дискурс тени, имеющий истоки в античности, всегда связывался с транзицией, переходом, пересечением границы, отделяющей реальное от воображаемого, действительное от мнимого, рациональное от чувственного, иррационального, типичное от инакового, свое от чужого. Пересечение границы – это процесс трансформации ценностей, смыслов, установок, идентификаций. Именно искусство выполняет на этой границе функцию своеобразного медиатора.

Таким образом, с помощью искусства мы умножаем мир, расширяя повседневность, приобретаем опыт и познаем действительность в ее многообразии. По мнению Ю.М. Лотмана: «Искусство даёт проходные непройденных дорог, т.е. того, что не случилось...»¹³. Искусство показывает человеку многоликость, верность и многознач-

ность жизненных ситуаций, предлагает широкий диапазон и разнообразный спектр паттернов и моделей поведения в них, включает в рамки дозволенного опыта недозволенное, расширяет вариативность эмоциональных и когнитивных реакций по шкале: невероятное, невозможное, допустимое, возможное и реальное. По мнению О.А. Кривцуна в мире искусства «действует психический механизм, который обозначают как феномен допущения, заставляющий смотреть на вымышленное как реальное, на заблуждение как действительный факт»¹⁴.

Во многом солидаризируясь с упомянутыми выше исследователями, хотелось бы обратить внимание на относительность замкнутости мира или поля искусства. Трудно не согласиться с идеями П.Бурдьё, согласно которым художественное поле, безусловно, наделено собственными законами функционирования, но одновременно с этим оно не имеет абсолютной независимости от внешних законов¹⁵.

Мир искусства обладает некоторой автономией, определяемой специфическими действиями акторов, в нем существуют собственные механизмы влияния и власти, аутентичное понимание символического капитала, но при этом он подчиняется тем или иным закономерностям, обусловленным взаимодействиями с другими мирами.

Возможность анализа искусства в контексте обретения и расширения опыта косвенно показана в исследованиях, проведенных социологами Государственного института искусствознания совместно с Академией образования, в которых была представлена типология публики: проблемно ориентированный зритель; нравственно ориентированный зритель; гедонистически ориентированный зритель; эстетически ориентированный зритель. О.А. Кривцун справедливо отмечает, что «выявленные группы отличаются по характеру изначальных художественных установок, определяющих их потребность в искусстве», что «произведение искусства дает реально каждому столько, сколько человек способен от него взять», что «произведение искусства всегда отвечает на те вопросы, которые ему зададут»¹⁶. При этом для нас важным является то, что именно нахождение

внутри художественного пространства способствует обретению некоторого опыта, специфика которого определяется выбранным маршрутом движения, а именно познавательной, нравственной, гедонистической или эстетической траекторией.

Мы утверждаем, что с помощью искусства происходит постижение «Другого» в структуре социального мира, результатом которого является обогащение собственно Я новыми смысловыми измерениями. Определяющее влияние Другого на формирование и развитие Я-концепции на стадии первичной социализации достаточно хорошо и полно описано в работах Г.М. Андреевой, П. Бергера, Р. Бернса, Ч. Кули, Т. Лукмана и Дж. Миды.

Я – это рефлексивная сущность, отражающая оценки, мнения и установки, принятые по отношению к ней, других людей. Индивид становится тем, кем он является, благодаря направляющим, контролирующим и регулирующим воздействиям, прежде всего, значимых других. Одним из фундаментальных механизмов первичной социализации является механизм эмоциональной идентификации, благодаря которому имеют место усвоение и интернализация правил, норм и конвенций мира значимых других, выступающего не как один из возможных миров, а как единственно существующий. На этой фазе социализации идентификация осуществляется автоматически, поскольку общество предоставляет (навязывает) значимых других на безальтернативной основе, т.е. при полном отсутствии выбора.

Вторичная социализация (а искусство мы рассматриваем как ее институт) также предполагает присутствие и воздействие Другого в качестве своего агента. При этом роль Другого остается доминирующей, поскольку он субъектно включен в со-бытие, в построение целостного, но потенциально не завершенного, ценностно значимого образа внутренней жизни человека. Как справедливо отмечает В.Г. Аникина, именно Другой является источником самопознания, предполагающим «выход за пределы эгоистического состояния самоудовлетворенности»¹⁷.

Как известно, вторичная социализация может осуществляться без эмоциональной

идентификации и эффективно протекать лишь на уровне взаимной идентификации, лежащей в основе любой межличностной коммуникации. Если психологическая ситуация встречи с искусством произошла, то субъект, взаимодействуя с культурным артефактом, с автором («другом» в терминологии В.Е. Семенова), героем или персонажем, не столько эмоционально, сколько ценностно идентифицируется и конструирует личностные смыслы в результате «перенимания от другого» того мира, в котором он живет. Безусловно, этот мир не присваивается полностью, не интериоризуется механически, но нахождение в нем может способствовать трансформации или креативному реконструированию личностных смыслов и ценностных кодов субъектов эстетической деятельности. А.А. Потебня пишет: «Искусство есть язык художника, и как посредством слова нельзя передать другому своей мысли, а можно только пробудить в нем его собственную, так нельзя ее сообщить и в произведении искусства; поэтому содержание этого последнего (когда оно окончено) развивается уже не в художнике, а в понимающих»¹⁸.

Попадая в мир искусства, человек активен, он открыт новому опыту, что предполагает отсутствие жестких, фиксированных схем восприятия и анализа, а также проницаемость в понятиях, представлениях и толерантность к неопределенности. Субъект освобождается от власти необходимого, целесообразного, стереотипного и трансформируется в своеобразного путешественника, готового и желающего узнать иную реальность, способного понять и постичь в этой реальности Другого. Как и любому путешественнику, человеку, оказавшемуся в мире искусства, интересно все – культурный ландшафт, смысловые трудности, табуированные препятствия, метафорические опасности и символические приключения. Как и с любым путешественником, с ним охотно делится информацией, он здесь желанный гость, которого пригласили, однако за ним остается выбор длительности пребывания в этом мире.

В мире искусства понимание Другого, Иного происходит через отстранение от своего Я, с помощью своеобразной деперсона-

лизации (в этом мире мы анонимны и получили свободу быть другими). Вместе с тем именно здесь существует вероятность освоения, принятия и присвоения иных возможностей посредством овладения чужой ролью и органически связанных с нею действий.

Но это отстранение от себя происходит в относительно безопасной ситуации для самого субъекта эстетической деятельности. В этом контексте стоит обратить внимание еще на один важный момент, проблематизированный А.М. Пятигорским. Он пишет: «Другой дан тебе в мышлении, только когда либо он уже стал тобой, перестав быть “другим”, либо ты уже стал им, перестав быть собой, – две принципиально различные процедуры сознания»¹⁹. В ситуации встречи с искусством происходит не простая редукция одного сознания к другому, а переопределение границы «Я – Другой», дуальная интерпретация опыта, результатом которой является переживание Я и Ты в актуальном настоящем времени как Мы. Безусловно, возможен и иной итог переопределения границ, заключающийся в трансформации «Другого в чужого», т.е. такого, каким «Я» не может быть никогда. В любом случае Другой обнаруживается в феноменальном поле Я, в особой форме переживания, причем «появление этого Другого обслуживает наиболее ответственные зоны мышления, – зоны трансцендентальности, в которых Я трансцендентально исполняется в неопределенном горизонте»²⁰.

На самом деле, совершенно очевидно, что в результате диалога или полилога с Другим-внутри-меня разрешаются личностные проблемы, конфликты Я, трансформируется смысловая пирамида и обогащается идентичность, наполняясь новыми смысловыми и ценностными измерениями.

Через коммуникативные практики искусство раскрывает сущностные грани Другого, который вместе с тем предстает и как новая модель личной идентичности, расширяющая рефлексивное поле опыта. Интересно в этом контексте следующее высказывание Ф. Ницше: «Как эстетический феномен наше существование все еще *сносно* для нас, и искусством даны нам глаза и руки и, прежде всего, чистая совесть для того, чтобы мы

смогли из самих себя сотворить такой феномен. Нам следует время от времени отдыхать от самих себя, вглядываясь в себя извне и сверху, из артистической дали, смеясь *над* собою или плача *над* собою: мы должны открыть того *героя* и вместе того *дурня*, который притаился в нашей страсти к познанию; мы должны время от времени веселиться нашей глупости, дабы остаться веселыми и в нашей мудрости!»²¹.

В контексте вышеизложенных рассуждений вызывает интерес точка зрения М.М. Бахтина, который полагал, что подлинное Я создается в точке несовпадения человека с самим собой. Именно в понятии всенаходимости, по его мнению, фиксируется механизм идентификации личности с Другим на основе ее отказа от самой себя, что позволяет узнать Другого *в его отличии* и самого себя *в своей другости*²².

Опираясь на идеи Канта, уже У. Джеймс в конце XIX в. высказал предположение о том, что глобальное человеческое Я разделяется на «познающее Я» и «эмпирическое Я». Позднее идея неоднородности и множественности Я была развита З. Фрейдом, Э. Берном, А. Маслоу, Дж. Г. Мидом, К. Роджерсом, Ч. Кули, М. Розенбергом и др.

Мы согласны с М.В. Ивановым, что в контексте искусства достаточно провести одну границу между высшими и более низкими слоями личности, выделив «Я биографическое» и «Я ценностное»²³.

«Я биографическое» существует в мире повседневности, а неотъемлемой частью опыта повседневности выступает переживание объективного существования вещей и явлений, т.е. телесно-предметное переживание реальности. Напряженно функционируя в режиме «здесь-и-сейчас», «Я биографическое» удовлетворяет не только основные потребности, но и обеспечивает тождественность личности. Каждый раз, принимая решение в постоянно меняющейся конкретной ситуации, «Я биографическое» осуществляет проверочную деятельность на свою неизменность как в телесном, так и в психических аспектах, причем эта работа происходит в условиях ограниченного времени и абсолютизации своего образа жизни, собственного поведенческого стиля, уникальных сформирова-

рованных образов Я и мира. Естественно, что ведущую роль в этом случае играют повседневные автоматизмы, устойчивые паттерны, системы стереотипов, которые способствуют созданию такой непротиворечивой картины мира, которая бы отвечала нашим установкам и ожиданиям. «Я биографическое» пытается игнорировать чуждое и непонятное, актуализируя для этого весь арсенал защитных механизмов. При этом чем значительнее информация о рассогласовании планов и результатов, чем сильнее когнитивный диссонанс, тем интенсивнее и разнообразнее репертуар психологических защит. Следовательно, все, что было ранее негативно маркировано «Я биографическим», продолжает отвергаться, поскольку опасно экспериментировать в напряженной и трудной ситуации.

«Я ценностное», существуя в иных мирах опыта – в мире искусства, религии, науки, – опирается на универсальные программы логики, справедливости, красоты, познавательной достоверности. С помощью «Я ценностного» «Я биографическое» получает возможность увидеть проблему, осмыслить ее, функционируя не в экстремальном, а обычном режиме: не в связи с трудными, проблемными биографическими обстоятельствами, а в ситуации лишь смысловой невыносимости. Следовательно, у человека появляется возможность перепроверки собственного позитивного или негативного опыта, способность к принятию многозначности и неопределенности мира, а также формируется толерантность к неоднозначным ситуациям, что, в свою очередь, ведет к расширению диапазона поведенческих реакций и изменению Я. Результатом работы «Я ценностного» можно считать повышение психологической компетентности, расширение границ Я и постижение себя.

Итак, теоретическая рефлексия искусства как мира опыта в контексте феноменологического подхода позволила показать, что с помощью искусства происходит постижение Другого и узнавание себя в различных социальных дискурсах. Через коммуникативные практики искусство раскрывает сущностные грани Другого, расширяет смысловые горизонты рефлексивного поля опыта субъекта и

конструирует новую модель личной идентичности. Психологическая ситуация встречи с искусством и коммуникация с Другим обеспечивают непротиворечивый перевод значений и смыслов из пространства Другого в пространство своё, обогащая собственное Я новыми смысловыми измерениями.

Примечания

- ¹ Щедрина Т.Г. Архив Густава Шпета как феномен культурно-исторической психологии // Культурно-историческая психология. 2006. №4. С.21.
- ² См.: Выготский Л.С. Психология искусства. М., 1986.
- ³ Фрейд З. Толкование сновидений. М., 2005. С.521.
- ⁴ Семенов В.Е. Искусство как межличностная коммуникация. СПб., 1995. С.19.
- ⁵ Дорфман Л.Я. Эмоции в искусстве: теоретические подходы и эмпирические исследования. М., 1997. С.15.
- ⁶ См.: Шюц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / Сост. А.Я. Алхасов. М., 2003.
- ⁷ Хейзинга Й. Ludens Homo. Статьи по истории культуры. М., 1997. С.28.
- ⁸ Дьякова Е.Г., Трахтенберг А.Д. Массовая коммуникация и проблема конструирования реальности: анализ основных теоретических подходов. Екатеринбург, 1999. С.87.
- ⁹ Там же. С.88.
- ¹⁰ Ионин Л.Г. Социология культуры: путь в новое тысячелетие. М., 2000. С.35.
- ¹¹ Жидков В.С., Соколов К.Б. Искусство и картина мира. СПб., 2003. С.83.
- ¹² Шкловский В.Б. О теории прозы. М., 1983. С.196.
- ¹³ Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб., 1998. С.432.
- ¹⁴ Кривцун О.А. Эстетика. М., 2000. С.353.
- ¹⁵ См.: Бурдьё П. Поле политики, поле социальных наук, поле журналистики // Социоанализ Пьера Бурдьё: Альманах. М.; СПб., 2001. С.112–114.
- ¹⁶ Кривцун О.А. Эстетика. М., 2000. С.358.
- ¹⁷ Аникина В.Г. «Другой» как рефлексивная позиция в самопознании человека // Личность и бытие: субъектный подход. М., 2008. С.233–236.
- ¹⁸ Потебня А.А. Слово и миф. М., 1989. С.167.
- ¹⁹ Пятигорский А.М. Избр. тр. М., 2005. С.67.
- ²⁰ Гуссерль Э. Картезианские размышления. М., 2006. С.212.
- ²¹ Ницше Ф. Веселая наука («la gaya scienza») // Ницше Ф. Соч.: В 2 т. М., 1990. Т.1. С.580–581.
- ²² См.: Бахтин М.М. Pro et contra // Личность и творчество М.М. Бахтина в оценке русской и мировой гуманитарной мысли / Сост. К.Г. Исупов. СПб., 2001.
- ²³ Иванов М.В. Психологический смысл искусства: Комментарий к «Психологии искусства» В.М. Аллахвердова. СПб., 2001. С.103–156.

УДК 316.6

СУБЪЕКТИВНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ОБ ИНТУИЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ (на примере студенческой молодежи вузов Саратова и области)

О.В. Семенец

Саратовский государственный университет
E-mail: olga-semenets@yandex.ru

Статья посвящена исследованию феномена интуиции с использованием субъективных представлений об интуиции студентов и учащихся вузов Саратова и области. Анализ пространства субъективных представлений осуществляется с помощью разработанной автором анкеты.

Ключевые слова: интуиция, субъективные представления, доверие интуиции.

Subjective Belief about Intuitions: Benchmark Analysis (on Example Student Higher Educational Establishment of Saratov and Area)

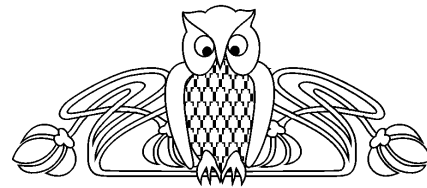
O.V. Semenets

The article is dedicated to research of the phenomenon to intuitions with use the subjective beliefs about intuitions student HIGH SCHOOL Saratov and area. The Analysis space subjective presentations is realized by means of designed an author of the questionnaire.

Key words: intuition, subjective beliefs, reliance to intuitions.

В условиях постоянно меняющегося мира от человека требуется особое умение осуществлять эффективную и постоянную ориентировку в пространстве социальной реальности. Любая жизнедеятельность субъекта происходит в контексте той или иной ситуации. Человек непрерывно вынужден принимать решения в связи с новыми, все время меняющимися условиями, в рамках актуальной для него ситуации. Интуиция нередко выступает компонентом принятия таких решений при отсутствии необходимой информации и дефиците времени, а также в динамичных и, в том числе, экстремальных ситуациях.

В современной литературе интуиция является предметом рассмотрения представителей философской науки, а также изучается в психологических концепциях. В философии под «интуицией» понимается «непосредственное познание»¹, «вид знания»², «прямое усмотрение истины»³, «способ по-

знания»⁴, «непосредственное видение»⁵, «ассоциация ощущений», «одна из форм неосознанного отражения, момент познания»⁶.

В психологии интуиция определяется как «особый тип мышления»⁷, «получение результата путем, промежуточные этапы которого не осознаются»⁸, «знание, возникающее в неопределенной ситуации, субъективно воспринимаемое как догадка, предчувствие, внутреннее чутье, наличие которого осознается»⁹. Часто встречается в психологии понятие интуитивного опыта, образующегося при участии имплицитного научения в приобретении профессиональной компетенции или в индивидуальном развитии. И.К. Орлов под интуитивным опытом понимает формирование побочного продукта взаимодействия субъекта с системой, проявляющегося в неосознаваемом изучении ее свойств, приобретении неосознаваемых и невербализуемых знаний об особенностях ее функционирования¹⁰. Р.М. Грановская пишет о том, что с накоплением профессионального опыта специалист развивает у себя особое целостное видение предмета, его элементы складываются в единую систему. Впрочем, это не единственный способ развития целостного восприятия. Помимо профессионального опыта способствовать целостности может также субъективная эстетическая оценка, идентификация субъекта с объектом восприятия, перевоплощение¹¹. Многие исследователи связывали неосознаваемость интуитивных решений с правополушарными процессами, а также отмечали особую роль поисково-исследовательской активности при интуитивных прозрениях, важность проявления познавательной внутренней мотивации, ус- тановки.

Проведенный теоретический анализ феномена интуиции показал, что интуиция представляет собой сложное многомерное динамическое образование и может определяться как:

процесс, включающий определенные механизмы и качества;

свойство субъекта, зависящее от индивидуально-психологических характеристик и проявляющееся при определенных условиях;

способность к социально-перцептивному прогнозированию, позволяющая адекватно интерпретировать возможное развитие ситуации или будущее поведение человека, выполняя при этом функцию снижения субъективной неопределенности;

условие формирования и критерий профессиональной компетентности специалистов в различных видах деятельности.

Такое многомерное и системное понимание феномена интуиции в теоретическом дискурсе обусловило наш исследовательский интерес и сместило его фокус с уровня теоретической рефлексии на уровень субъективных репрезентаций. Целью данной статьи является анализ субъективных представлений об интуиции разнопрофильных студенческих групп и выделение зоны инвариантных, типичных репрезентаций этого феномена и самобытных, нетипичных представлений, связанных с профессиональной социализацией каждой группы.

В исследовании приняли участие 186 человек, из которых 109 – студенты Саратовского классического университета (специальности «Психология», «Физика», «Радиофизика и электроника», «Биология»), 32 человека – учащиеся школы современного балета «Антре», 45 человек – курсанты Вольского военного училища тыла и транспорта. Для достижения поставленной цели была разработана анкета «Субъективное представление об интуиции», которая включала в себя 13 вопросов, каждый из которых представлял собой вариант незаконченного предложения. Вопросы были объединены в три основных блока – «Определение интуиции», «Условия проявления интуиции», «Интуиция в собственном жизненном опыте испытуемого» и дополнительный блок вопросов, ориентированный на возможность выразить рес-

пондентами в свободном порядке собственные мнения, суждения, которые не нашли отражения в основной части анкеты. Приведем интерпретацию результатов сравнительного анализа разных профессионально ориентированных групп по каждому блоку анкеты.

В первом блоке наиболее типичным в определении интуиции для всех групп респондентов является указание на связь проявления этого феномена и характера ситуации («чувство, что надо поступить в определенной ситуации так, и никак по-другому»), «вариант решения сложившейся ситуации», «помогает выходить из разных ситуаций», «способность моментально оценивать ситуацию»), с акцентированием внимания на антиципирующей функции интуиции («предопределять события», «уверенность в том, что все случится определенным образом совершенно независимо от сложившихся условий», «предугадывать развитие ситуации», «предугадывать действия, обстоятельства», «предугадать ситуацию и повернуть ход событий в свою сторону»).

Вместе с тем характер осмысления этого феномена студентами, получающими различное профессиональное образование, значительно различается: от рационально-чувственного, эмоционально-творческого до прагматического. Так, в субъективных представлениях об интуиции студентов физического факультета преобладает рациональное осмысление («способность, основанная на опыте», «принятие решения в ситуации выбора», «самопроизвольный вариант решения сложившейся ситуации», «умение выбирать наиболее правильный путь решения какой-либо проблемы», «абстрактное явление»). При этом они выражают определенное недоверие к данному феномену, отчасти полагаясь на представления, сформированные телевидением и другими средствами массовой информации. Интуиция ассоциируется с «мистикой» (8%), а также «шоу на ТНТ» (10%), что свидетельствует о проявлении в ответах испытуемых стереотипов, сложившихся в информационном пространстве, и несамостоятельном характере ответов, отталкивающихся от представлений, навязанных масс-медиа. При этом были ответы «ин-

туиция – антинаучное толкование», «интуицию надо отличать от страха», «интуиция не может быть описана количественно», «интуиции не существует», свидетельствующие о том, что для многих людей – в данном случае для студентов физического факультета – интуиция является сферой неопределенной, которую нельзя просчитать и интерпретировать в качестве научных представлений. Интуиция не может быть объяснена физическими законами, и поэтому размытость, нечеткость границ этого понятия сопряжена с ощущением опасности и недоверия по отношению к данному феномену.

Студенты-психологи, определяя интуицию, связывают ее с «предчувствием, предвидением», «шестым чувством, внутренним голосом», «способностью предвосхищать». У студентов-биологов отмечается и рациональный, и чувственный уровни рефлексии этого понятия: интуиция определяется и как «предчувствие», и как «способность», а также как «помощник в принятии решения» и «внутренний голос».

У студентов балетной школы в субъективном определении интуиции преобладает эмоционально-творческое отношение: интуицию определяют как «чутье» или «чувство», а также как «предчувствие (опасности)».

Что касается представлений курсантов военного училища, то их определения интуиции подчеркивают ее прагматический характер: «способность оценить ситуацию», а также как «помощника в решении проблем» и «подсказку».

Во втором блоке – «Условия проявления интуиции» – все респонденты отмечают роль и значение экстремальной, рискованной, опасной ситуации, связанной с дефицитом времени и информации в активизации интуитивных процессов («экстремальные условия, когда нужно выбрать быстрый и правильный путь», «отсутствие другого выбора, кроме как полагаться на интуицию», «ситуации близкие к риску, грозящие человеку сильным нервным потрясением, вредом для здоровья», «критические, неожиданные ситуации, когда нет времени на обдумывание», «обстановка, заставшая врасплох»).

При определении условий проявления интуиции просматривается тенденция, ана-

логичная обозначенной нами для каждой группы испытуемых при ответах на первый блок вопросов. Так, о доминировании чувственного компонента свидетельствуют мнения студентов-психологов, что интуиция проявляется в субъективно значимых ситуациях, сложных и необычных, а также в любых ситуациях, независимо от каких-либо условий. Таким образом, можно сказать о наличии в данных ответах высокой степени доверия интуиции и важности этого феномена.

У студентов физического факультета так же, как и в первом блоке, отмечается склонность к рациональному толкованию исследуемого феномена. Большинство обозначается возможность проявления интуиции в «ситуациях неопределенного выбора» и в «нелогичных ситуациях». При этом важными качествами для активизации интуиции были названы «ум, интеллект», «логическое мышление», «наблюдательность», «уверенность».

При рационально-чувственном осмыслении интуиции студентами-биологами отмечаются следующие условия ее возникновения: «отсутствие информации» и «ограниченное время» («ситуации, требующие смелости, находчивости и правильности действий “здесь и сейчас”», «когда нужно дать ответ на незнакомый тебе вопрос, при знакомстве с новым человеком, а также ситуации, в которых не знаешь, как поступить»). Среди качеств субъекта, способствующих проявлению интуиции, были указаны «внимательность, наблюдательность», «интеллект, логика», «креативность», «доверие интуиции». Здесь так же, как и у студентов-психологов, в ответах подчеркивается важность, эффективность и постоянное присутствие интуиции в жизни каждого человека («интуиция работает при любых условиях», «нужна практически всегда», «эффективна во многих ситуациях», «условия не нужны, интуиция повседневно присутствует в моей жизни при принятии любых решений»).

Субъективные представления студентов балетной школы об условиях проявления интуиции отражают их эмоционально-творческое отношение к этому феномену и подчеркивают значение таких качеств и процессов как «любопытство», «фантазия», «знание художественной литературы и искусства» для развития интуиции.

По мнению курсантов военного училища, данный феномен проявляется в ситуациях «принятия жизненно важных решений на основе ранее приобретенного опыта». Уровень развитости интуиции зависит от следующих качеств и функций: «жизненный опыт», «память, мышление», «умение оценивать обстановку». При этом интуиция может быть неэффективна «в азартных играх» и «в ситуациях, где действия оговорены руководящими документами».

В третьей блоке «Интуиция в жизненном опыте испытуемого» все респонденты отмечали проявление интуиции в ситуации экзамена, что вполне логично, учитывая статус испытуемых. Ситуация экзамена знакома и приближена к экстремальным условиям для данной категории лиц, а значит, она связывается с необходимостью применения интуиции («когда я решаю какие-либо тесты и выбираю билет на экзамене», «на зачете, когда я из двух вариантов выбрала верный», «когда я пишу зачетные тесты, то я предчувствую, будет ли у меня зачет или нет», «на экзамене точно знаешь, какой будет билет»).

У студентов специальности «Психология» преобладание чувственного компонента в описании проявлений интуиции сочетается с высокой степенью доверия интуитивным процессам. В анкетах приведены примеры из собственного опыта в «ситуациях выбора, принятия решения», в «неопределенных» и «в любых» ситуациях. При этом многие из опрошенных описывали ситуации предчувствия неприятных или опасных событий, которых им удалось избежать, так как доверились своей интуиции («отошел вовремя от дороги, где произошло ДТП», «проснулась в нужный момент, и это спасло от пожара», «взяла зонт, и неожиданно пошел дождь»). Также студенты-психологи отметили проявления интуиции в области межличностных отношений («предвидела проявления плохого характера у молодого человека», «предчувствовала смерть бабушки»).

У студентов физического факультета склонность к рациональному осмыслению сочетается с проявлением недоверия к интуитивным процессам в большинстве случаев в «математических или точных науках». Интуиция в основном проявлялась как «вы-

бор в ситуации», «знание», «защита от окружающего мира». Из своего опыта проявления интуиции студенты описывают ситуацию выбора профессии или вуза и «участия в лотерее».

Студенты биологического факультета в ответах демонстрировали рационально-чувственное понимание интуиции в сочетании с достаточно высокой степенью доверия к данному процессу («каждый человек рождается с интуицией, но ее нужно развивать», «интуиция проявлялась как видение, ощущение, приводящее к правильному решению проблемы»). Проявления интуиции отмечались в случае сходства ситуации с предыдущими, т.е. когда есть опыт, информация по отношению данной ситуации, которые реализовались как «догадка, ответ на вопрос», «предчувствие», «способность найти верный путь».

Учащиеся балетной школы в большинстве ответов показывают эмоционально-творческое доверительное отношение к интуиции. В ситуациях общения или «во время конкурсов» интуиция актуализировалась как догадка или правильный выбор, а также «часто и в разных проявлениях».

У курсантов военного училища интуиция проявлялась в основном при совершении покупок («выбор машины») и в повседневной жизнедеятельности в виде «помощника в нахождении оптимального выхода», что свидетельствует о проявлении прагматического отношения к интуитивным процессам.

При помощи проведенного анкетирования удалось также выяснить степень доверия к интуиции и оценку субъективной важности данного феномена в жизни людей. Около 30% всех опрошенных указали на высокую степень важности и присутствия в жизни интуиции. Из них 12% – студенты специальности «Психология», 10% – учащиеся балетной школы «Антре», 6% – студенты биологического факультета и около 2% – студенты физического факультета и курсанты военного училища. При этом субъективно по-разному оценивается степень развитости собственной интуиции испытуемыми. Большинство студентов – психологов, биологов – и учащихся балетной школы оценивают этот показатель как «среднюю». Среди студентов физическо-

го факультета и курсантов военного училища большинство оценивают показатель как «высокий». Возможно, такие показатели можно объяснить уверенностью студентов физического факультета и курсантов военного училища в оценке собственной интуиции, которая одновременно сочетается с низкой степенью доверия к интуитивным проявлениям.

Таким образом, проведенное эмпирическое исследование субъективных представлений об интуиции разнопрофильных студенческих групп позволяет выделить области инвариантных, типичных репрезентаций этого феномена, связанных с ситуативным и антиципирующим характером проявлений интуиции, и области самобытных, нетипичных представлений, обусловленных профессиональной социализацией каждой изучаемой группы. Так, у студентов университета прослеживается склонность к рационально-чувственной оценке интуиции, что проявляется в доминировании либо интеллектуального, либо чувственного компонента в рассмотрении этих процессов. Учащиеся балетной школы эмоционально и творчески подходят к вопросу определения интуитивных проявлений. Курсанты военного училища демонстрируют прагматичный подход. Характер будущей профессиональной деятельности оказывает влияние на готовность полагаться на интуицию при принятии решений. Лица с гуманитарной специальностью оказывают большее доверие интуиции, чем лица естественно-научной и технической специ-

альностей. Исходя из мнений большинства респондентов, можно сделать вывод, что интуиция вносит позитивный вклад в преодоление субъективной неопределенности при принятии решения, так как помогает формировать суждения о будущих событиях, являющихся информационной основой выбора субъекта.

Примечания

¹ См.: *Федяев А.П.* Внефизическая реальность: Факт существования, основные свойства и способы познания. Казань, 1998; *Франк С.Л.* Предмет знания: Об основах и пределах отвлеченного знания. Душа человека: Опыт введения в философскую психологию. СПб., 1995.

² См.: *Быковский И.А.* Проблема определения понятий «интеллект» и «искусственный интеллект». Саратов, 2003; *Семенов В.В.* Философия души. Сверхчувственная материя и диалектика бессознательного. Пушкино, 2001.

³ См.: *Бейли А.А.* От интеллекта к интуиции. Новочеркасск, 1994.

⁴ См.: *Комар А.А.* Искусство и наука // *Природа*. 2006. №12. С.82–85; *Дрыгин В.И.* Мировоззрение в творчестве учёного / Под ред. И.В. Мартынычева. Саратов, 1991.

⁵ См.: *Липшин И.И.* Философия изобретения и изобретение в философии: Введение в историю философии. М., 1999.

⁶ См.: *Дмитриев А.Н.* Философский анализ проблемы бессознательного. Саратов, 1985.

⁷ См.: *Гончаренко Н.В.* Гений в искусстве и науке. М., 1991.

⁸ См.: *Грановская Р.М.* Интуиция и искусственный интеллект. Л., 1991.

⁹ См.: *Степаносова О.В.* Современные представления об интуиции // *Вопр. психологии*. 2003. №4. С.133–143.

¹⁰ См.: *Орлов И.К.* Формирование интуитивного опыта при управлении неизвестной системой // *Вопр. психологии*. 2005. №3. С.57–70.

¹¹ См.: *Грановская Р.М.* Указ. соч. С.154–155.

УДК 316.613

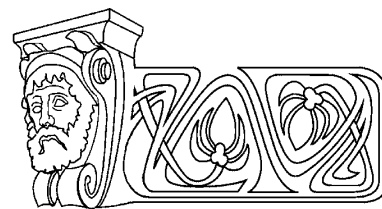
ФАКТОРНАЯ СТРУКТУРА «Я»-АСПЕКТОВ ЛИЧНОСТНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В США

Ю.В. Ставропольский

Саратовский государственный университет
E-mail: StJulius@yandex.ru

Исследование представляет собой факторный анализ «я»-аспектов личностной идентичности американских респондентов. Испытуемым предлагался опросник AIQ-IIIx Aspects Identity Questionnaire (Дж.М. Чика и Л.Р. Троппа).

Ключевые слова: «я»-аспект, структура, фактор, личностный, идентичность.

Personal Identity «Self»-Aspects' Factorial Structure in the USA

Yu. V. Stavropolsky

The research represents a personal identity «self»-aspects' factorial structure of American respondents. The research participants were offered AIQ-IIIx Aspects Identity Questionnaire by J.M. Cheek and L.R. Tropp.

Key words: «self»-aspect, structure, factor, personal, identity.

Исследование «я»-аспектов американских респондентов спланировано нами, исходя из *гипотезы* о том, что за наблюдаемыми частными «я»-аспектами скрывается некоторое количество общих факторов. Они должны обладать максимальной суммарной общностью и минимальной специфичностью. Общность представляет собой часть дисперсии «я»-аспектов, объясненную факторами, а специфичность – часть дисперсии, не объясненную факторами.

Принятая гипотеза позволила сформулировать следующие *задачи* исследования:

1) определить факторы, образующие комплекс идентификационных «я»-аспектов, характерный для американского этнокультурного окружения;

2) установить психологическое наполнение выявленных факторов;

3) выявить сходства и различия между американскими респондентами на основе установленных факторов.

Данное направление исследований представляется перспективным с точки зрения установления межкультурных сходств и различий в идентификации на уровне личности и «я»-концепции.

Эмпирическую *базу исследования* составили данные серии исследований, проведенных автором в течение 2001–2006 гг. Всего нами были опрошены в 2001 г. 202 респондента в США в Международном центре научных исследований имени В. Вильсона, одним из подразделений которого является Институт перспективных российских исследований имени Дж. Кеннана (г. Вашингтон, округ Колумбия) и в университете штата Мэриленд (г. Колледж-Парк, штат Мэриленд).

По критерию этнорасовой принадлежности американские респонденты в нашем исследовании оказались распределены следующим образом. Доля респондентов, идентифицирующих себя с доминантной этнокультурной группой – американцы европейского происхождения или белые американцы, – 32,2%. Доля респондентов, идентифицирующих себя с не доминантной специфической этнокультурной группой, – 53,5%, а именно – американцы азиатского происхож-

дения, включая китайцев, японцев и других, – 14,4%, афроамериканцы – 28,7%, латиноамериканцы – 9,4%, американские индейцы – 1,0%, иные – 2,5%. Доля не доминантной неспецифической этнокультурной группы в американской выборке нашего исследования – респонденты от смешанных браков – составляет 11,9%.

Методология эмпирического исследования представлена *методом главных компонентов*, который состоит в последовательном поиске факторов. Вначале ищется первый фактор, который объясняет наибольшую часть дисперсии, затем – независимый от него второй, объясняющий наибольшую часть оставшейся дисперсии, и т.д. (табл. 1).

Таблица 1

Дисперсия значений «я»-аспектов, образующих содержание личностной этнокультурной идентичности американских респондентов, объясненная факторным анализом

Фактор	«Я»-аспект идентичности	Собственное значение	Процент дисперсии	Кумулятивный процент
1	Индивидуальная уникальность	7,03	20,7	20,7
2	Социальное поведение и аффилиация	3,58	10,5	31,2
3	Патриотизм	2,09	6,1	37,4
4	Образование и профессиональное развитие	1,89	5,5	42,9
5	Спортивная деятельность	1,68	5,0	47,9
6	Самопознание и самооценка	1,48	4,3	52,2
7	Эгоизм и эгоцентризм	1,33	3,9	56,1
8	Индивидуальная типичность или конформность	1,13	3,3	59,4
9	Внешняя привлекательность (имидж) или нарциссизм	1,08	3,2	62,6
10	Политическая и социально-экономическая дифференциация	1,02	3,0	65,6

Общий *план* эмпирического исследования согласуется с моделью измеренных этнических коррелятов, принятой в кросскультурной психологии¹.

Опросник AIQ-IIIx Aspects Identity Questionnaire² включает 34 «я»-аспекта, например: «Мои личные ценности и моральные стандарты», «Моя привлекательность для других людей» и т.п. Формат ответов: «не важно для моего самовосприятия», «важно для моего самовосприятия в незначительной степени», «важно для моего самовосприятия в некоторой степени», «очень важно для моего самовосприятия», «крайне важно для моего самовосприятия». Для заполнения опросника AIQ-IIIx предусматривается десять минут. Подсчитываются медиана и среднеквадратичное (стандартное) отклонение по трем шкалам: «личностная идентичность», «социальная идентичность» и «коллективная идентичность».

Полученные методом анкетного опроса данные были подвергнуты статистической обработке при помощи компьютерной программы SPSS for MS WINDOWS Release 6.1. Определялись значения средних величин и стандартных отклонений для переменных из опросника AIQ-IIIx. Нами был применен метод главных компонент, позволяющий выделить факторы из массива данных. В SPSS for MS WINDOWS Release 6.1 предусмотрена проверка теста Бартлетта (Bartlett) о сферичности распределения данных. Эта проверка подтвердила многомерную нормальность распределения полученных нами данных. Для повышения интерпретируемости факторов методом варимаксного вращения (нормализация по Кайзеру) была улучшена контрастность матрицы факторных нагрузок.

В американской выборке первые десять факторов объясняют 65,6% дисперсии, причем каждый из десяти факторов объясняет не менее 3,0% дисперсии, соответственно, мы будем рассматривать всего десять факторов в структуре «я»-аспектов личностной идентичности американских респондентов.

Фактор 1 наиболее значимым образом связан с переменной «Знание того, что моя внутренняя сущность остается неизменной несмотря на многочисленные внешние изменения в жизни». Это фактор *индивидуальной уникальности личности*, которая наиболее рельефно просматривается на фоне отноше-

ний с другими людьми (в скобках приведены значения факторной нагрузки соответствующей переменной): «Знание того, что моя внутренняя сущность остается неизменной, несмотря на многочисленные внешние изменения в жизни» (0,79); «То, как я справляюсь со своими страхами и тревогами» (0,78); «Мой пол, то, мужчина я или женщина» (0,67); «Мои эмоции и чувства» (0,61); «Мои жесты, манеры, то впечатление, которое я произвожу на окружающих» (0,53); «Мое ощущение себя уникальной личностью, отличающейся от других» (0,50).

Психологический смысл фактора 2 – принятие личности другими людьми, самоотношение личности в зависимости от принятия ее другими людьми. На этом основании мы назвали *фактор 2* личностной идентичности американских респондентов фактором «*социального поведения и аффилиации*». Это действительно так, поскольку наиболее значимым образом данный фактор связан со следующими переменными: «Моя репутация, то, что думают другие» (0,78); «Моя популярность среди других людей» (0,76); «Моя привлекательность для других людей» (0,72); «То, как другие люди реагируют на мои слова и поступки» (0,71); «Мое социальное поведение, например, то, как я себя веду, встречаясь с людьми» (0,53).

Фактор 1 отражает стремление личности к обособлению, к социальной отличительности. Фактор 2 – стремление личности к интегрированию, к социальной инклюзивности. Онтологический смысл фактора 1 состоит в «бытии-для-себя». Онтологический смысл фактора 2 состоит в «бытии-с-другими».

Духовное наполнение *фактора 3* образуют такие категории, которые объединяют людей в очень большую группу – нацию или государство: религия, язык, расово-этническая принадлежность, ощущение принадлежности к определенному сообществу, ощущение себя частью многих поколений своей семьи – из всего этого складывается чувство патриотизма. Поэтому фактор 3 имплицитной личностной этнокультурной идентичности американских респондентов можно назвать фактором *патриотизма*, ибо он наибо-

лее значимым образом связан со следующими переменными: «То, что я часть многих поколений моей семьи» (0,77); «Моя религия» (0,64); «Мое ощущение принадлежности к определенному сообществу» (0,64); «Моя расовая и этническая принадлежность» (0,63); «Мой язык, например, мой региональный акцент или диалект, либо второй язык, который я знаю» (0,47); «Мое чувство гордости за свою страну, гордость от того, что я гражданин (гражданка)» (0,41).

Фактор 4 идентичности американских респондентов – это фактор обучения, образования и профессиональной подготовки, причем обучения светского, нерелигиозного. Мы назвали фактор 4 имплицитной личностной этнокультурной идентичности американских респондентов фактором *образования и профессионального развития*. Наиболее значимыми переменными, связанными с данным фактором, оказались следующие: «Моя роль студента вуза» (0,85); «Мои учебные способности и успеваемость, например, оценки, которые мне ставят, и комментарии преподавателей» (0,67); «Мой профессиональный выбор и карьерные планы» (0,45).

Фактор 5 более определенно связан с физическим, а не с духовным самосознанием. По смыслу это материально-вещный фактор, а по содержанию – спортивного развития и телесного самосовершенствования. С учетом того, насколько важное значение придается в США спорту и тому, чтобы выглядеть привлекательно, мы назвали фактор 5 идентичности американских респондентов фактором *спортивной деятельности*. В подтверждение выбранного названия приведем список переменных, с которыми данный фактор связан наиболее значимым образом: «Мои физические способности, успехи в спортивной деятельности» (0,81); «То, что я спортивный болельщик (спортивная болельщица), идентифицирующий (идентифицирующая) себя с определенной спортивной командой» (0,78); «Мое чувство гордости за свою страну, гордость от того, что я гражданин (гражданка)» (0,37).

Важное значение фактора 5 в структуре идентичности американских респондентов

обусловлено также тем, что культура США по определению Г. Хофстеда является маскулинной³, поэтому для исследователя важно учитывать материально-вещное наполнение фактора 5, которое проявляется через успехи в спортивной деятельности и тесно связано с американским патриотизмом.

На основании факторных нагрузок перечисленных ниже «я»-аспектов мы можем сделать вывод о том, что *фактор 6* имеет интроверсивную направленность, связан с саморефлексией, с формированием образа «я», поэтому мы назвали фактор 6 идентичности американских респондентов фактором «самопознания и самооценки». В отличие от интроверсивного фактора 1 («индивидуальная уникальность»), который имеет выраженную эмоциональную окраску и существенно связан с переменной «Мои эмоции и чувства», фактор 6 с эмоциями и чувствами связан слабо (0,16). Фактор 6 – преимущественно когнитивный. Наиболее подходящее определение для него – фактор *самопознания и самооценки*. Список переменных, связанных с данным фактором, включает в себя следующие: «Мое самопознание, мои мысли о том, каким человеком я на самом деле являюсь» (0,73); «Моя личная самооценка, частное мнение, которое я имею о себе» (0,53); «Мое социальное поведение, например, то, как я себя веду, встречаясь с людьми» (0,51); «Мое чувство гордости за свою страну, гордость от того, что я гражданин (гражданка)» (0,42); «Мои жесты, манеры, то впечатление, которое я произвожу на окружающих» (0,33).

Психологический смысл *фактора 7* противоположен какому-либо объединению с другими людьми. Это фактор антиаффилиации, он имеет интроверсивную направленность. Мы называем его фактором *эгоизма и эгоцентризма*. Приводим переменные, наиболее существенно связанные с данным фактором: «Мои личные цели и надежды на будущее» (0,69); «Мои личные ценности и моральные стандарты» (0,58); «Мой профессиональный выбор и карьерные планы» (0,36); «Мои мысли и идеи» (0,34); «Мое ощущение себя уникальной личностью, от-

личающейся от других» (0,33). Присутствие такого фактора в структуре идентичности американских респондентов знаменательно, поскольку индивидуалистическая культура Северной Америки изначально, со времен первых британских колонистов, создавалась и признавала важную роль личных усилий и устремлений в реализации собственной жизни⁴.

Психологический смысл фактора 8 заключается в восприятии таких особенностей своей индивидуальности, благодаря которым человек воспринимает не уникальность своей индивидуальности, а тождественность себя другим людям. В силу этого мы назвали фактор 8 фактором *индивидуальной типичности или конформности*, по контрасту с фактором 1 «индивидуальная уникальность». В подтверждение этого приведем список переменных, образующих данный фактор: «Места, где я живу или где я воспитывался (воспитывалась)» (0,76); «Мои мысли и идеи» (0,54); «Мой пол, то, мужчина я или женщина» (0,33); «Мой возраст, принадлежность к моей возрастной группе либо ощущение себя частью своего поколения» (0,32); «Мой язык, например, мой региональный акцент или диалект, либо второй язык, который я знаю» (0,31). Фактор 8 направлен на деиндивидуализацию и стирание индивидуальных различий⁵. По своему психологическому смыслу он отражает конформность поведения, стремление соответствовать принципу *«to keep up with the Jones»* («чтобы всё как у людей»). Проблема конформности достаточно полно изучена американскими социальными психологами⁶. Психологическое значение этого феномена убедительно раскрыто Э. Фроммом⁷. Во всем мире известны эксперименты С. Милгрема по изучению феномена конформности⁸.

Психологический смысл фактора 9 преимущественно материально-вещественный при общей экстраверсивной и эгоцентрической направленности. Этот фактор несет в себе идею внешней привлекательности, но она не служит цели включения человека в некое сообщество. Поэтому мы называем фактор 9 фактором *внешней привлекательно-*

сти (имиджа) или нарциссизма. Список переменных, образующих данный фактор: «Мой внешний вид: мой рост, мой вес, мое телосложение» (0,74); «Вещи, которыми я владею, моя собственность» (0,55); «Моя личная самооценка, частное мнение, которое я имею о себе» (0,40); «Моя привлекательность для других людей» (0,33).

В формировании психологического смысла фактора 10 важную роль играют политические, социально-экономические и профессионально-карьерные переменные. Мы назвали его фактором *политической и социально-экономической дифференциации*. Данный фактор образован следующими переменными: «Мои политические предпочтения и моя политическая активность» (0,80); «Мой социальный класс, экономическая группа, к которым я принадлежу, будь то нижний, средний или высший класс» (0,63); «Мой профессиональный выбор и карьерные планы» (0,39); «Моя личная самооценка, частное мнение, которое я имею о себе» (0,34).

На основе анализа матрицы факторных преобразований (табл.2) мы можем составить следующее представление о том, из каких факторов складывается структура личностной идентичности американских респондентов.

С точки зрения тех факторов, в которые оказались сгруппированы «я»-аспекты, идентичность американских респондентов в значительной мере дифференцирована и неоднозначна. Наибольшие различия внутри американской выборки связаны прежде всего с четырьмя факторами: «патриотизм» (фактор 3); «образование и профессиональное развитие» (фактор 4); «внешняя привлекательность (имидж) или нарциссизм» (фактор 9); «политическая и социально-экономическая дифференциация» (фактор 10).

В факторной структуре «я»-концепции американцев главенствующим является фактор 2 – «социальное поведение и аффилиация». Можно объяснить это тем, что в американской культуре он позволяет объединять множество личностных и культурных особенностей в единую американскую культуру, которая не монолитна: «E Pluribus Unum!».

Таблица 2

Факторы, образующие структуру «я»-аспектов идентичности американских респондентов

Фактор	Значение факторной нагрузки	
«Социальное поведение и аффилиация» (2)	0,68640	Наибольшие сходства между американскими респондентами
«Индивидуальная типичность или конформность» (8)	0,63879	
«Индивидуальная уникальность» (1)	0,53219	
«Спортивная деятельность» (5)	0,43725	
«Эгоизм и эгоцентризм» (7)	0,18470	
«Самопознание и самооценка» (6)	0,15576	Наибольшие различия между американскими респондентами
«Внешняя привлекательность (имидж) или нарциссизм» (9)	-0,03144	
«Патриотизм» (3)	-0,47636	
«Политическая и социально-экономическая дифференциация» (10)	-0,50449	
«Образование и профессиональное развитие» (4)	-0,76388	

В принципе, речь идет о том, что социализация американских респондентов совершается через усвоение норм социального поведения в процессе удовлетворения потребности в аффилиации. Семья не играет существенной роли в данном процессе – особый фактор «семьи» в факторной структуре «я»-аспектов американских респондентов не установлен. Данный вариант социализации и инкультурации может быть назван американским. Отличительная особенность американского способа социализации характеризуется тем, что он сильнее опосредуется периферическим (социальные институты), а не проксимальным (семья) социальным окружением. Другая его отличительная особенность связана с предоставлением личности большей автономности в частной, проксимальной сфере жизни.

В результате, факторная структура «я»-аспектов идентичности носителей американской культуры в большей степени ориентирована на социальное поведение в аспекте аффилиации, как следствие – более эгоцентрична и менее рефлексивна. Усилению индивидуалистической направленности идентичности американских респондентов также служит выявленный нами особый фактор 10 – «политическая и социально-экономическая дифференциация».

В целом, структура личностной идентичности американцев в силу высокой дифференцированности факторов, образованных «я»-аспектами, мало способствует ассимиляции личности, что придает ей индивидуалистический характер. Идентичность американцев отнюдь не монолитна, следовательно, пластична и адаптивна. Низкая ригидность и большая пластичность, характерные для дифференцированной структуры, в известной степени допускают возможность безболезненной трансформации и адаптации идентичности к изменениям условий социального окружения.

Примечания

¹ См.: *Phinney J.P., Landin J.* Research Paradigm for Studying Ethnic Minority Families Within and Across Groups // *Studying Minority Adolescents. Conceptual, Methodological and Theoretical Issues.* Mahwah; L., 1998.

² См.: *Cheek J.M.* Identity Orientations and Self-Interpretation // *Personality Psychology: Recent Trends and Emerging Directions* / Ed. by D.M. Buss, N. Cantor. N.Y., 1989.

³ См.: *Hofstede G.* Culture's Consequences. Thousand Oaks. L., 2001.

⁴ См.: *Weber M.* The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism and Other Writings. N.Y., 2002.

⁵ См.: *Brewer M.B., Miller N.* Intergroup Relations. Pacific Grove, 1996.

⁶ См.: *Aronson E.* The Social Animal. N.Y., 1999; *Cialdini R.B.* Influence: Science and Practice. Boston, 2001; *Zimbardo P.G., Leippe M.R.* The Psychology of Attitude Change and Social Influence. Philadelphia, 1991.

⁷ См.: *Fromm E.* Escape from Freedom. N.Y., 1994.

⁸ См.: *Milgram S.* Obedience to Authority. An Experimental View. N.Y., 1974.

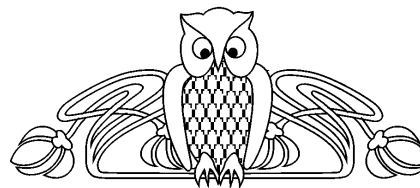

УДК 316.6+159.923

ТРАДИЦИОННЫЕ ДЕТСКИЕ ИГРЫ И СКАЗКИ КАК ФАКТОРЫ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ЛИЧНОСТИ

С.В. Фролова

Саратовский государственный университет
E-mail: frolovasv71@mail.ru

Статья посвящена анализу участия таких элементов культурного наследия как традиционные детские игры и народные сказки в развитии эмоциональной сферы и творческого мышления дошкольников, а также в построении жизненной стратегии через эмиграцию в юношеском возрасте. Автор приводит результаты эмпирических и экспериментальных исследований в изучаемой области.

Ключевые слова: культурное наследие, традиционные детские игры, народные сказки, развитие эмоциональной сферы, творческое мышление, эмиграционные намерения.

Traditional Children's Games and Folk Fairy Tales as Factors of Mental Development of Person

S.V. Frolova

The article shows how such elements of cultural tradition as folk fairy tales and traditional children's games participate in the development of emotional sphere and creative thinking of preschool children, as well as in building their life strategies including emigration at mature age. The author present the results of experimental work and empirical research in the subject field.

Key words: cultural tradition, traditional children's games, folk fairy tales, development of emotional sphere, creative thinking, emigratory intentions.

Идея социокультурной детерминации в развитии личности, укрепившаяся в психологии еще со времени появления французской социологической школы и нашедшая свое воплощение в становлении многочисленных теорий XX в., объединивших культуру и личность в одном проблемном исследовательском поле, нисколько не теряет своей актуальности в современности, открывая все новые неизученные грани.

Ускорение темпов глобальных перемен в обществе, связанных с техническим прогрессом, индустриальной революцией, ростом числа изобретений, стремительным увеличением скорости передачи информации, становится неоспоримым фактом глобального современного мира, значительно влияющим на изменения внутренней психической организации человека, часто вызывая разрушительный стресс и дезориентацию —

«футуршок» (или «шок перед будущим») в терминологии новой теории адаптации Э. Тоффлера¹. В качестве примера лучшего качества адаптации к переменам Тоффлер называет тип «людей будущего», которые привязаны к высокоскоростному темпу жизни. Они живут в условиях «высокой временности», не привязываясь ни к определенным отношениям, ни к вещам, ни к месту проживания. Культ новизны в современном обществе заставляет задуматься и о проблемах глобального масштаба. Если прошлое общество базируется на постоянстве, будущее общество — на недолговечности. Будет ли жизнеспособно такое общество, и будет ли здоров такой человек, который не испытывает ни малейшего дискомфорта из-за стремительных преобразований? Возможна ли вообще какая-либо организация жизни, исключая постоянство, закрепляемое в обществе нормами, принципами, правилами и ценностями, составляющими культурное наследие? Не потеряет ли человек с отсутствием привязанностей, являющихся одной из основ формирования ценностей, свою человеческую сущность, и каковым будет становление идентичности для личности, мотивируемой преимущественно новизной и быстрыми темпами перемен?

Развитие и поведение человека управляется не только устремленностью в будущее, но и опорой на прошлое. Психическое развитие личности, согласно Л.С. Выготскому, может быть представлено как история переживаний, ядром которых выступает эмоционально испытываемое постижение смыслов и ценностей культуры². Приобщение к традициям, преданиям, сказкам, мифам, являющимся воплощением «духовной коллективности» народа, вызывает у его представителей похожие переживания и способствует гармонизации процесса идентичности в юно-

шеском возрасте³. Именно усвоение материала традиции как механизма передачи социокультурного наследия заключает в себе основной смысл детства и делает нас, по мнению священника и психолога В.В. Зеньковского, людьми в истинном смысле слова⁴. Усвоение культурного наследия не только способствует обретению объективных жизненных смыслов, но и служит основой построения субъективной картины мира и успешной социальной адаптации.

Одной из проблем преемственности культурного наследия в реформируемом обществе становится «социальная амнезия» – феномен массовой утраты памяти об историческом опыте, забывание современным поколением или отдельными социальными группами исторических и национальных ценностей, их негативная оценка; отсутствие интереса к сохранению и распространению достижений отечественной культуры; незнание традиций и обычаев народа, географии страны; поиск будущего для общества в чужих образцах и примерах⁵. Культурное наследие имеет внутренний и внешний аспекты: сохранение и передача ценностей национальной культуры, социального и духовного опыта собственной истории; ассимиляция материального и духовного наследия народов других стран. Усвоение наследия мировой культуры начинается с приобщения и уважительного отношения к родной. Целью данной статьи является анализ детерминации психики со стороны элементов внутреннего аспекта культурного наследия – наследия культуры своего народа, в частности, таких её элементов, как традиционные детские игры и народные сказки.

Традиционные детские народные игры закреплены в социальной памяти народа, отражая особенности его многовековой жизни, отношений людей между собой, их отношения к родной природе, культурным ценностям. Народная игра имеет очень длительную историю, является важным механизмом социализации, отличается своей активностью, коллективностью, наличием разносложных правил и разными сюжетами, насыщающими опыт ребенка новым социальным содержанием. Процесс психического развития современного ребенка протекает в условиях ускоряющихся перемен в жизненном прост-

ранстве общества и смешения различных культур, и из него все чаще «выпадают» (полностью отсутствуют) народные игры. На смену им приходят игры и игрушки, привнесенные из зарубежных детских субкультур и компьютерные игры с виртуальными партнерами.

На наш взгляд, народная игра, адаптированная для восприятия ребенка, имеет не только обучающее и воспитательное значение, она способствует более успешной адаптации к реальной этносреде (культурной и природной среде жизни своего народа) и служит гармонизации эмоциональной и интеллектуальной сфер личности за счет предоставления ребенку возможности переживания себя в различных эмоциональных ролях и постижения содержания разнообразия опыта социального взаимодействия. Для проверки предположения об оптимизирующем влиянии народной игры на развитие эмоционально-волевой сферы и творческих способностей дошкольников нами было проведено исследование с использованием констатирующего и формирующего эксперимента. В выдвижении данной гипотезы мы опирались на принцип согласованности содержания психического развития с содержанием этнокультурной среды как необходимого условия нормального (адаптивного) личностного развития, введенный А.В. Сухаревым⁶.

В исследовании применялся следующий психодиагностический инструментарий: проективная рисуночная методика «Дом. Дерево. Человек»; тест креативности Е. Торренса; тест Роршаха; наблюдение; беседа. Для осуществления статистически-математического анализа полученных данных применялись ϕ^* -критерий углового преобразования Фишера, t -критерий Стьюдента для зависимых и независимых выборок. Исследование проводилось в течение трех лет на базе четырёх дошкольных образовательных учреждений, два из которых работали по специализированному обучающему и развивающему программам, направленным на формирование логического мышления и творческого интеллекта⁷. Такие образовательные программы уделяют особое внимание развитию интеллектуальной сферы ребенка посредством дидактических игр, вытесняя традиционные сюжетно-ролевые игры.

По критерию наличия или отсутствия в жизни детей народных игр нами были выделены две основные группы дошкольников (в возрасте от 5,5 до 6 лет): 1) играющие в народные игры (35 детей); 2) не играющие в народные игры (67 дошкольников). В двух подгруппах детей (30 дошкольников), не знакомых с традиционными народными играми, был проведен формирующий эксперимент, направленный на ознакомление и последующее овладение такими играми, как «Ручеек», «Утка, утка, гусь», «Горелки», «Золотые ворота», «Зайка», «Каравай», «Лиса в курятнике», «Теремок», «Зайцы и волк», «У медведя во бору» и другие.

Проведенное исследование позволило констатировать значительное снижение уровня конфликтности ($p \leq 0,05$) и агрессии ($p \leq 0,05$) личности дошкольника в ходе овладения народными играми, что свидетельствует о гармонизации его эмоционально-волевой сферы. Агрессия как незрелая форма совладания с ситуациями фрустрации заменялась другими, более зрелыми и адаптивными формами реагирования в общении. Со всем неожиданным кажется еще один обнаруженный факт: у детей, не играющих в традиционные народные игры, наблюдается с течением времени возрастание конфликтности (при $p \leq 0,05$) и рост агрессивных проявлений ($p \leq 0,05$).

Таблица 1

Выраженность показателей эмоционально-мотивационного контроля и творческого мышления по Роршах-тесту

Показатели	Дошкольники, играющие в народные игры		Дошкольники, не играющие в народные игры	
	В начале исследования	Спустя год	В начале исследования	Спустя год
Эмоционально-мотивационный контроль, регулируемый интеллектом (ответы FFb+)	0,5*	1,5*	0,3	0,3
Оригинальность мышления	0,86*	2,57*	0	0,25
Ригидность мышления	1,86*	0,86*	2,75	2,25

Знаком * отмечены показатели, достоверно значимо различающиеся, уровень статистической значимости – $p < 0,05$.

В ходе овладения народной игрой у дошкольников значительно увеличивается ($p \leq 0,05$) количество формоцветовых ответов (FFb+) по Роршах-тесту, которые являются показателями согласованного взаимодействия когнитивной и эмоциональной сфер личности, развитой функции интеллектуального контроля над эмоциями, личностной целостности и успешной адаптированности (табл. 1). У детей, не играющих в народные игры, значимых улучшений в регуляции эмоциональной сферы с течением времени не происходит.

Помимо различий в эмоционально-волевой сфере были обнаружены различия исследуемых групп в развитии творческого мышления. Динамика показателей творческого мышления по Роршах-тесту говорит об увеличении уровня оригинальности мышления в группе детей, играющих в народные игры ($p \leq 0,05$, см. табл. 1). Об этом же свидетельствуют и показатели образной креативности по тесту Торренса. Особенно характерно, что занятия ТРИЗ (практическое применение теории решения изобретательских задач), являющиеся частью образовательной программы одного из дошкольных образовательных учреждений, где проводилось исследование, оказываются не настолько эффективными в развитии творческого мышления, если происходит полное «выпадение» детской народной игры из жизни дошкольников. Средние значения выраженности образной креативности в группе, занимавшейся ТРИЗ и игравшей в народные игры, спустя год превышали более чем в два раза данные показатели контрольной группы, где дети занимались только ТРИЗ. Таким образом, овладение традиционными детскими играми своего народа способствует наиболее эффективному развитию творческих способностей дошкольников.

Сопоставляя данные о возрастании креативности с оптимизацией взаимодействия эмоциональной и интеллектуальной сфер у дошкольников экспериментальной группы, мы можем предположить, что в качестве внутреннего фактора развития творческих способностей выступает гармонизация личности благодаря установлению взаимосвязей между эмоциональной и интеллектуальной сферами, а в качестве внешнего фактора –

погружение ребенка в мир этнически согласованной традиционной сюжетно-ролевой игры.

Как показывают наши исследования, временная или постоянная эмиграция – одно из наиболее часто желаемых и планируемых событий жизни современных молодых людей⁸. «Никогда еще отношения человека с местом проживания не были столь хрупкими и недолговечными <...>, мы воспитали новую расу кочевников», – констатирует Тоффлер⁹. Отчасти – это дань престижу, моде, возможно, – это способ совладания с возникшими в жизни трудностями, кроме того – это отсутствие привязанности к определенным отношениям, вещам, месту проживания, традиционным культурным ценностям.

В качестве особой деятельности смыслопорождения планируемых жизненных целей Ф.Е. Василюк предлагает рассматривать значимые переживания¹⁰, ядром которых, согласно Выготскому, выступает эмоционально испытываемое постижение смыслов и ценностей культуры¹¹, в самом раннем возрасте осуществляемое через приобщение ребенка к «духовной коллективности» народа, воплощенной в преданиях, сказках, мифах. Проблемы волшебной сказки и ее значения в психическом развитии человека являются предметом специального научного анализа¹². В этой связи особый интерес представляет изучение эмоционально-когнитивного следа, оставленного детскими переживаниями сказочно-мифологических образов своего народа, и его взаимосвязь с построением жизненной стратегии через эмиграцию.

Для изучения содержания сказок как социокультурных детерминантов образования эмиграционных намерений нами были обследованы 367 старшеклассников и студентов в возрасте от 16 до 22 лет с использованием структурированного психологического этно-функционального интервью А.В. Сухарева¹³, с помощью которого выявлялся когнитивно-эмоциональный след в психике испытуемого от восприятия образов культуры своего народа. Среди предлагаемых вопросов были касающиеся характера и содержания первых воспринятых в детстве сказок, любимых персонажей, героев. Данный метод является одной из форм психологического анамнеза, на особую роль которого в пони-

мании личности указывал В.Н. Мясищев. Неполнота фактического материала, собранного при помощи данного метода, становится «средством необходимой реализации принципа избирательности»¹⁴: личностью запечатлевается и воспроизводится наиболее отчетливо то, что было важным.

При помощи математической обработки (с применением ϕ^* -критерия Фишера и χ^2 -критерия Пирсона) удалось установить достоверные различия между группами по характеру большинства актуализируемых образов сказок, воспринятых, по субъективным данным опрошенных, от 2 до 5 лет (табл. 2).

Таблица 2

Характер воспринятых сказок в раннем детстве

Выделенные группы испытуемых	Первые воспринятые сказки		
	русские народные	других народов	авторские
Хотят постоянно жить и работать за рубежом	38,7%** ^{2,3}	22%	63,1%** ²
Хотят постоянно жить и работать в России	86,8%** ^{1,3}	29,6%	34,7%** ^{1,3}
Хотят постоянно жить в России с возможностью учиться / работать за рубежом	50%** ^{1,2}	19,3%	53,2%** ²

Знаком * отмечены показатели, достоверно значимо различающиеся, уровень статистической значимости – $p \leq 0,05$; знаком ** отмечены показатели, различающиеся с уровнем достоверности – $p \leq 0,01$; ^{1, 2, 3} – номера выделенных групп.

В группе юношей и девушек, планирующих свою дальнейшую жизнь на родине, в качестве первых воспринятых в детстве сказок достоверно чаще, чем в группах с эмиграционными намерениями, выбираются русские народные сказки ($p = 0,00$). Реже всего русские народные сказки выбираются в группе желающих постоянно жить за рубежом ($p \leq 0,01$). В группе с «временными» эмиграционными намерениями русские народные сказки выбираются также реже по сравнению с группой отрицательного отношения к эмиграции. В группе с намерениями постоянной эмиграции в качестве первых воспринятых в детстве сказок наиболее часто отмечают авторские сказки ($p \leq 0,05$).

Различия обнаружены и в характере выбираемого эмоционально притягательного сказочного персонажа. Представители груп-

пы с постоянными эмиграционными намерениями значительно чаще, чем представители группы без эмиграционных намерений, идентифицировали себя в детстве с героями зарубежных авторских сказок ($p \leq 0,03$).

Таким образом, смыслопорождение эмиграционного намерения связано с дефицитом переживания в детском возрасте образов сказочно-мифологического аспекта культуры своего народа и с преобладанием в субъективном анамнезе значимых переживаний образов зарубежных авторских сказок, не имеющих преемственности и связи с историей и культурой своего народа и более открытых для этнически рассогласованного содержания.

Культурное наследие может наполнять жизнь человека особыми смыслами, приобщение к которым с самого раннего возраста создаёт надёжную основу для его гармоничного психического развития и формирования жизненной направленности, выражающую себя в определении целей и построении жизненных планов.

Проведенное нами исследование позволило подтвердить выдвинутую гипотезу об оптимизирующем влиянии народных игр на развитие эмоционально-волевой сферы и творческих способностей дошкольников. Исключение из жизни ребенка такого традиционного института социализации как народная игра, ставшего за многовековую историю народа естественным средством социального воспитания и передачи культурного опыта, приводит к снижению психической адаптации (о чем свидетельствуют возрастание показателей тревожности, конфликтности, агрессивности и снижение показателей творческого мышления) и торможению естественного хода психического развития.

Нарушение преемственности культурного наследия своего народа может играть роль в формировании жизненной направленности личности и построении стратегий будущего. В частности, как показывают наши исследования, смыслопорождение эмиграционного намерения связано с дефицитом переживания сказочно-мифологических образов культуры своего народа в раннем возрасте (от 2 до 5 лет) и идентификацией только с героями зарубежных авторских сказок, не имеющих преемственности и связи с историей и культурой своего народа.

Состояние духовного мира человека во многом определяется взаимосвязями его прошлого, настоящего и будущего. Потеря связи с прежним состоянием нарушает целостность, идентичность человеческой жизни. Августин считал, что прошедшее, настоящее и будущее – три проявления единого времени: настоящее прошедшего – это память; настоящее настоящего – это непосредственное созерцание; настоящее будущего – его ожидание¹⁵. С этой точки зрения, искусственное выставление барьеров между прошлым, настоящим и будущим, рациональным и традиционным приводит к разрыву связи времен и к нарушению целостности социального самосознания, культурной идентичности народа и нормального развития отдельной личности.

Примечания

- ¹ См.: Тоффлер Э. Шок будущего / Пер. с англ. М., 2002.
- ² См.: Выготский Л.С. Собр. соч.: В 6 т. М., 1984. Т.4. С.383.
- ³ См.: Хотинец В.Ю. Психологические характеристики этнокультурного развития человека // Вопр. психологии. 2001. №5. С.71.
- ⁴ См.: Зеньковский В.В. Психология детства. Екатеринбург, 1995. С.314.
- ⁵ См.: Курсак В.А. Переходное общество: наследие, традиции, опыт. М., 1999. С.61.
- ⁶ См.: Сухарев А.В. Этнофункциональная психология в воспитании, психотерапии и психопрофилактике: Учеб. пособие. М., 2004.
- ⁷ Частично результаты данного исследования освещались (см.: Фролова С.В. Роль этнической функции содержания игр в профилактике и психокоррекции эмоциональных нарушений дошкольников // Социальная психология в образовании: проблемы и перспективы: Материалы междунар. науч. конф.: В 2 ч. Саратов, 2007. Ч.2. С.270–273).
- ⁸ См.: Фролова С.В. Смыслообразующие факторы эмиграционных намерений студентов // Психол. журн. 2006. Т.27, №3. С.58–67.
- ⁹ См.: Тоффлер Э. Указ. соч. С.89.
- ¹⁰ См.: Василюк Ф.Е. Психология переживания (анализ преодоления критических ситуаций). М., 1984.
- ¹¹ См.: Выготский Л.С. Указ. соч.
- ¹² См.: Ленц Ф. Образный язык народных сказок. М., 2000; Сапогова Е.Е. Культурный социогенез и мир детства: Лекции по историографии и культурной истории детства. М., 2004.
- ¹³ Сухарев А.В. Этнофункциональная психология в воспитании, психотерапии и психопрофилактике. М., 2004. С.56–64.
- ¹⁴ Мясницев В.Н. Психология отношений / Под ред. А.А. Бодалева. М.; Воронеж, 2003. С.283–312.
- ¹⁵ См.: Антология мировой философии: В 4 т. М., 1969. Т.1, ч.2. С.292.

ПЕДАГОГИКА

УДК 15:378.1

РОЛЬ СОВРЕМЕННЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ПОДГОТОВКЕ БУДУЩИХ ОФИЦЕРОВ ТЫЛА К ИНОЯЗЫЧНОЙ КОММУНИКАЦИИ

О.В. Капитанова

Вольский военный институт тыла и транспорта
E-mail: aperia@inbox.ru

Современные информационные технологии являются перспективным и высокоэффективным инструментарием в подготовке будущих офицеров к иноязычной коммуникации, позволяющим предоставить массивы информации в большем объеме, чем традиционные источники информации. Данные технологии предполагают овладение не только вербально-семантическим кодом изучаемого иностранного языка, но и обширной внеязыковой информацией, необходимой для общения и взаимопонимания на межкультурном уровне.

Ключевые слова: информационные технологии, иноязычная коммуникация.

Role of Modern Computerized Technologies in Preparation of the Future Logistics Officers for Foreign Language Communication

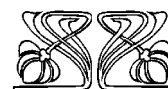
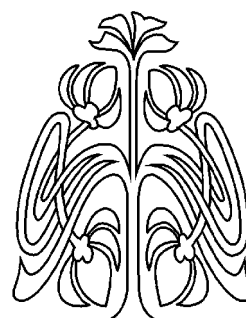
O.V. Kapitanova

At present time the most important question of foreign language teaching is developing of the future logistics officers' communicative skills for speaking and communicating foreign language fluently and correctly. New computerized technologies and multimedia means promote perfection of educational process of foreign language learning. Multimedia is exclusively useful and fruitful educational technology, due to its characteristics such as interactivity, flexibility and integration of various types of the multimedia educational information, and also due to possibility to take into part specific features of trainees and to promote increase of their motivation. Modern computerized technologies are perspective and highly effective toolkit in preparation of cadets for the foreign language communication.

Key words: modern computerized technologies, foreign language communication.

В современную эпоху усиливается взаимозависимость стран и наций, интернационализируются разные стороны человеческой деятельности, насущными становятся интеграционные процессы международного сотрудничества, в том числе и в военной сфере. Это определяет необходимость подготовки в военном вузе будущих офицеров тыла к иноязычной коммуникации, что в не малой степени будет способствовать повышению эффективности их профессионально-личностного становления, способности принимать эффективные управленческие решения в условиях обеспечения различных родов войск Российской Федерации, на что указывают и требования к военно-профессиональной подготовке будущих офицеров-менеджеров.

Основной целью обучения иностранному языку на современном этапе развития отечественного высшего профессионального образования ввиду постоянно возрастающих требований

**НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ**

рынка труда к знаниям молодого специалиста является овладение навыками иноязычного профессионально ориентированного общения, поэтому языковая подготовка курсантов, включающая формирование и развитие навыков иноязычной профессиональной коммуникации, представляется на данный момент актуальной задачей. Осознанный способ овладения иностранным языком может позволить курсантам самостоятельно оперировать иноязычным пространством коммуникативной учебной задачи, использовать предлагаемый методический алгоритм трансформации иноязычного континуума с целью конструирования контекста решения возникающих профессионально ориентированных задач.

Успешное решение проблемы подготовки будущих офицеров тыла к иноязычной коммуникации требует формирования уже в стенах военного вуза у курсантов готовности к такой деятельности, которая является результативным показателем определенного этапа профессиональной подготовки. Готовность специалиста к профессиональной деятельности заключается в усвоении им полного состава специальных знаний, профессиональных действий и социальных отношений, сформированности и зрелости профессионально значимых качеств личности.

Понятие «готовность» к выполнению какой-либо деятельности, несмотря на его широкую распространенность, имеет неоднозначную психолого-педагогическую интерпретацию. Анализируя различные подходы к определению этого понятия, можно выделить следующие.

Готовность определяют как условие успешного выполнения деятельности, как избирательную активность, настраивающую организм, личность на будущую деятельность¹. Близким к приведенному является понимание готовности как активного состояния личности, обеспечивающего ее самореализацию в подготовке и решении определенных задач на основе собственного опыта². В ряде исследований подчеркивается, что готовность – это не только предпосылка, но и регулятор деятельности³. Это понятие трактуется также через качества и свойства лич-

ности: «целостная система свойств личности»⁴, «интегральное качество личности»⁵, «структурированная система качеств личности»⁶.

В работах М.И. Дьяченко, Ф.И. Ивашенко, Л.А. Кандыбович, А.И. Кочетова, Д.Н. Узнадзе раскрываются теоретические основы профессиональной готовности, включающие овладение знаниями, умениями, навыками в соответствии с профилем деятельности. Готовность к деятельности авторы рассматривают на личностном и функциональном уровнях: как активное состояние личности, вызывающее деятельность; следствие деятельности; качество, определяющее установки на профессиональные ситуации и задачи; предпосылки к целенаправленной деятельности, ее регуляции, устойчивости, эффективности.

Подготовка будущих офицеров тыла к иноязычной коммуникации, результатом которой выступает готовность к данному виду профессиональной деятельности, осуществляется в процессе общей профессиональной подготовки и имеет общие с ней компоненты. В то же время она имеет свои специфические особенности, обусловленные характером военной деятельности и требованиями к личности, ее осуществляющей. Следовательно, согласно ведущим идеям личностно-деятельностной теории (А.Н. Леонтьев, Л.С. Выготский, С.Л. Рубинштейн и др.), являющейся в нашем исследовании методологической основой выделения структуры готовности будущих офицеров тыла к иноязычной коммуникации, будем рассматривать данную структуру как совокупность четырех взаимосвязанных структурных компонентов, наполненных качественными характеристиками и показателями: 1) мотивационного, выражающего осознанное отношение курсантов к иноязычной коммуникации; 2) содержательного, объединяющего совокупность знаний курсантов о сущности иноязычной коммуникации и специфике ее использования в военной деятельности; 3) операционного, основанного на комплексе умений и навыков по осуществлению иноязычной коммуникации в структуре собственной деятельности; 4) рефлексивного, характеризующего позна-

ние и анализ курсантами явлений собственного сознания и деятельности в процессе иноязычной коммуникации.

Эффективное формирование готовности будущих офицеров тыла к иноязычной коммуникации возможно на основе использования в образовательном процессе военного вуза технологий, учитывающих педагогические условия обучения иностранному языку будущих офицеров тыла. Данные технологии предполагают овладение не только вербально-семантическим кодом изучаемого иностранного языка, но и обширной внеязыковой информацией, необходимой для общения и взаимопонимания на межкультурном уровне.

Построение современных образовательных технологий обучения иностранному языку в военном вузе, на наш взгляд, должно осуществляться при соблюдении следующих условий:

1) во главу угла ставится не «обучение иностранному языку», а «иноязычное образование». Целью иноязычного (как и любого другого) образования является сам человек, точнее становление человека, человека духовного; содержанием образования является культура, в нашем случае – иноязычная культура, которая имеет четыре аспекта: познавательный (знания о языке и культуре страны), развивающий (способности), воспитательный (нравственность) и учебный (владение умением общаться);

2) процесс образования должен строиться как модель реального общения, но при этом организовываться так, чтобы курсант имел возможность сам познавать и развиваться, овладевать иноязычной культурой;

3) у курсанта необходимо наличие личностного смысла его участия в образовательном процессе, в овладении иноязычной культурой с целью становления его как индивидуальности, как профессионала, как субъекта родной культуры и как участника будущего диалога культур;

4) постоянное включение курсантов в процесс решения задач реального общения, связанного с контекстом предстоящей военно-профессиональной деятельности;

5) организация общения в ситуациях, понимаемых не как обстоятельства (на переговорах, на учениях и т.п.), а как система взаимоотношений между субъектами обучения;

6) опора на проблемную организацию материала, его коммуникативную ценность и аутентичность;

7) планирование и организация обучения;

8) мотивация учебной деятельности;

9) организация педагогического взаимодействия субъект-субъектного характера с учетом витагенного опыта курсантов;

10) поэтапность учебной работы, включающая самостоятельную деятельность и систему контрольных заданий.

Данные педагогические условия должны реализоваться комплексно с целью активизации интеллектуального и эмоционального потенциала будущих офицеров и направленности на подготовку к иноязычной коммуникации.

На современном этапе отличительной особенностью развития человечества является переход к информационной цивилизации. В этих рамках приоритетное развитие получают информационные технологии, расширяющие и углубляющие интеллектуальные возможности людей по созданию и использованию в своей деятельности разнообразной информации.

Одним из наиболее эффективных путей совершенствования военного образования, определенных в Федеральной целевой программе «Реформирование системы военного образования в Российской Федерации на период до 2010 года», является информатизация военного образования. Таким образом, перечень условий подготовки курсантов к иноязычной коммуникации может быть дополнен условием использования в процессе подготовки новых информационных технологий.

Анализ работ М.И. Жалдакова, Л.В. Луцевич, Е.И. Машбиц, П.И. Образцова, И.В. Роберт, В.Ф. Шолохович и др.⁷ позволяет сделать вывод, что в настоящее время существует два подхода к определению информационной технологии обучения. В первом пред-

лагается рассматривать ее как дидактический процесс, организованный с использованием совокупности внедряемых (встраиваемых) в системы обучения принципиально новых средств и методов обработки данных (методов обучения), представляющих целенаправленное создание, передачу, хранение и отображение информационных продуктов (данных, знаний, идей) с наименьшими затратами и в соответствии с закономерностями познавательной деятельности обучаемых. Во втором случае речь идет о создании определенной технической среды обучения, в которой ключевое место занимают используемые информационные технологии. Таким образом, в первом случае речь идет об информационных технологиях обучения (как процессе обучения), а во втором – о применении информационных технологий в обучении (как использовании информационных средств в обучении).

Наибольший эффект от внедрения современных информационных технологий в учебный процесс достигается при их комплексном применении: в качестве – средств информационно-методического обеспечения и управления учебным процессом, информационно-поисковой деятельности, автоматизации процессов контроля, коррекции результатов учебной деятельности, для отработки навыков и умений самостоятельно решать разного рода задачи по иностранному языку.

Одним из примеров использования новых информационных технологий в подготовке курсантов к иноязычной коммуникации являются мультимедийные компьютерные классы (МКК).

Работа в МКК на занятиях по иностранному языку предоставляет преподавателю, во-первых, огромные возможности для использования иллюстраций цифрового, графического или наглядного материала по изучаемому курсу на практических занятиях; во-вторых, сопровождать излагаемый материал видеоизображением, анимационными роликами с аудиосопровождением, использовать материал из Интернет, обучающие программы, презентации занятий, лабораторные работы по всем изучаемым темам.

Появление МКК и внедрение различных средств коммуникаций дает возможность для проведения разного рода семинаров, круглых столов с участием преподавателей, курсантов и других заинтересованных лиц, проведение олимпиад, брейн-рингов. Мультимедийные средства помогают развитию самостоятельной деятельности курсантов в рамках научно-исследовательских работ.

Новые информационные технологии и мультимедийные средства способствуют совершенствованию учебного процесса. Качественные, как с точки зрения программного обеспечения, так и с методической, мультимедийные продукты имеют свои достоинства. Это эффект новизны, смена привычной атрибутики занятий, что, несомненно, оказывает огромное влияние на формирование и поддержание интереса к самому процессу обучения. Мультимедиа является исключительно полезной и плодотворной образовательной технологией благодаря присущим ей качествам интерактивности, гибкости и интеграции различных типов мультимедийной учебной информации и возможности учитывать индивидуальные особенности обучаемых и способствовать повышению их мотивации. Современные информационные технологии являются перспективным и высокоэффективным инструментарием в подготовке курсантов к иноязычной коммуникации, позволяющим предоставить массивы информации в большем объеме, чем традиционные источники информации.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что современные информационные технологии направлены на эффективное формирование готовности будущих офицеров тыла к иноязычной коммуникации.

Примечания

¹ Вопросы формирования готовности к профессиональной деятельности: Экспресс-информация / Отв. ред. Ю.К. Васильев. М., 1978.

² Лаврикова Т.В. Подготовка студентов педвуза к применению личностно-ориентированных технологий обучения: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Волгоград, 1996. С.12.

³ Янотовская Ю.В. Экспериментальное исследование самостоятельности в трудовой деятельности: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 1973. С.7.

⁴ Сериков В.В. Формирование у учащихся готовности к труду. М., 1988. С.29.

⁵ Яцукова И.Л. Подготовка будущих учителей к выбору педагогических технологий: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Астрахань, 1996. С.14.

⁶ Госсе О.В. Подготовка будущего учителя к социально-педагогической деятельности: Автореф. дис. ... канд. пед. наук. Волгоград, 1996. С.16.

⁷ См.: Луцевич Л.В. Вопросы эффективного использования ЭВМ в учебном процессе // Автоматизированные системы научных исследований, обучения и управления в вузах:

Межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск, 1986. С.33–39; Маулици Е.И. Компьютеризация обучения: Проблемы и перспективы. М., 1986; Образцов П.И. Психолого-педагогические аспекты разработки и применения в вузе информационных технологий обучения. Орел, 2000; Роберт И.В. Теоретические основы создания и использования средств информатизации образования: Автореф. дис. ... д-ра пед. наук. М., 1995; Шолохович В.Ф. Дидактические основы информационных технологий обучения в образовательных учреждениях: Автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Екатеринбург, 1995.

УДК 355.23:37.014.6

ОРГАНИЗАЦИЯ КОНТРОЛЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ КУРСАНТОВ ВОЕННЫХ ВУЗОВ

А.С. Косарев

Саратовский военный институт внутренних войск МВД РФ
E-mail swki@yandex.ru

В статье раскрываются понятие контроля, методика организации и проведения некоторых наиболее распространенных форм контроля знаний курсантов Саратовского военного института внутренних войск МВД России, а также рассмотрены единые критерии оценки знаний курсантов.

Ключевые слова: контроль, индивидуальная беседа, преподаватель, контрольное собеседование, семинар, экзамен, письменные работы курсантов.

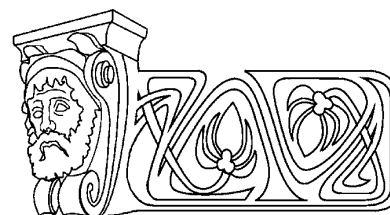
Organization of the Professional Cadets' Training Control in the Military Institutes of Higher Education

A.S. Kosarev

The article describes the definition of control and reveals the methods of different control forms organization, that are used to check up cadets' knowledge in the Saratov Military Institute for the Internal Troops of the Ministry of the Interior of the Russian Federation. Also the unified grade criteria are represented

Key words: control, individual talk, teacher, controlling interview, seminar, exam, cadets' written tests.

Весь ход, содержание и результаты учебно-воспитательной работы в вузе во многом зависят от того, насколько систематично, глубоко и целеустремленно осуществляется контроль учебного процесса как один из обязательных аспектов многогранной деятельности руководства вуза, кафедр по управлению всей учебной работой. Однако «управленческая», или направляющая роль контроля вовсе не означает, что он стоит вне самого учебного процесса или над ним. Педагогическая наука рассматривает контроль как важную составную часть этого процесса.

Вопросы контроля и оценки знаний студентов начали активно освещаться в психолого-педагогической литературе лишь с 1960-х гг. Одним из первых исследовал эту проблему известный отечественный психолог А.Н. Леонтьев¹.

В педагогике понятие контроля получило широкое освещение в трудах известных учёных. Так, С.М. Вишнякова даёт следующее определение: «Контроль <...> составляющая часть управления объектами и процессами, заключающаяся в наблюдении за объектами с целью проверки соответствия наблюдаемого объекта желаемому и необходимому состоянию, предусмотренному законами, инструкциями, положениями, другими нормативными актами, а также программами, планами»².

П.И. Пидкасистый определяет контроль как обязательный компонент процесса обучения – проверку его результатов, при этом он подчеркивает его ярко выраженную диагностическую направленность и даже отождествляет понятия «контроль» и «педагогическая диагностика». Контроль понимается не только как процесс измерения уровня усвоения знаний, некоторых сторон развития и воспитанности, но и как обработка и анализ полученных знаний, обобщение и выводы, касающиеся корректировки этого процесса,

продвижения обучающихся на следующие этапы, эффективности работы и учителей, и всего образовательного учреждения³.

В Положении об организации деятельности военного образовательного учреждения высшего профессионального образования внутренних войск Министерства внутренних дел Российской Федерации введено понятие контроля успеваемости и качества подготовки курсантов. В свою очередь, контроль успеваемости подразделяется на текущий контроль, промежуточную аттестацию и государственную итоговую аттестацию⁴.

Наибольший интерес вызывает организация *текущего контроля*, формы которого довольно многообразны. Одни из них являются «фронтальными», то есть охватывают весь состав курсантов (зачеты, курсовые работы и т.п.), другие проводятся выборочно (индивидуальные собеседования, проверка конспектов и др.); одни применяются всеми кафедрами, другие – преимущественно юридическими (коллоквиумы, зачеты по знанию нормативных документов), третьи – главным образом или исключительно кафедрами социально-гуманитарных дисциплин (контрольный опрос в начале занятия, «летучки», контрольные письменные работы, задачи и др.). Остановимся кратко на методике организации и проведения некоторых наиболее распространенных форм контроля знаний курсантов.

Индивидуальные беседы с курсантами проводятся во внеучебное время с целью проверки систематичности и качества самостоятельной работы, степени усвоения изучаемого (программного) материала. Такие беседы сопровождаются или завершаются консультациями, советами для последующей самостоятельной работы.

Контроль на семинарских занятиях. Главная цель семинарских занятий – систематизация, углубление и закрепление знаний курсантов путем коллективного творческого обсуждения основных вопросов темы. В то же время, как показывает опыт, семинары являются важной формой контроля содержания и качества учебы курсантов. Здесь проверяются их знания, раскрываются положительные стороны и недостатки самостоятельной работы. Эта форма занятий дает

возможность направить работу курсантов на изучение слабо усвоенных вопросов, оказать им необходимую помощь и тем самым проводить обучение и воспитание конкретно и целеустремленно.

В ходе проведения семинара преподаватель повышает его контрольные функции, в частности, путем сочетания принципа добровольности в выступлениях с периодическим вызовом курсантов. Преподаватель заранее планирует, кого и когда он обязательно вызовет с целью контроля. Разнообразие форм привлечения курсантов к активной работе семинара побуждает их готовиться по каждому из вопросов плана, стимулирует более серьезную самостоятельную работу, повышает ответственность, не позволяет отмалчиваться после своего выступления.

Контрольная функция семинара состоит также в преодолении элементов заучивания. Преподаватели стремятся выяснить, как курсант понимает употребляемые им научные понятия или теоретические положения, просят доказать их, сделать выводы из сказанного, увязать изучаемый материал с практикой будущей деятельности. Перед аудиторией также ставятся дополнительные вопросы, на которые нет прямых ответов в учебном пособии или лекции и которые требуют творческого осмысления всего изученного. Иногда даже вопрос, заданный в измененном по сравнению с книгой или планом семинара виде, дает возможность проверить самостоятельность мышления, степень усвоения сущности проблемы, активизирует курсантов, приучает их рационально группировать материал, выделять в нем главное, обнаруживать связь и взаимозависимость отдельных вопросов. Преподаватель проверяет на семинаре, насколько свободно и аргументированно курсанты излагают свои мысли.

Преподаватели, подводя итоги проведения семинаров по определенной теме во всех учебных группах, получают необходимые представления об уровне подготовки курсантов, делают выводы, необходимые для дальнейшей работы.

Контрольные собеседования (коллоквиумы). Эта форма рубежного контроля проводится два-три раза в семестр для подведения итогов текущей успеваемости. Они пре-

следуют цель оперативного влияния на успеваемость курсантов в течение всего семестра, включены в тематические планы и предусматриваются расписанием занятий. На коллоквиум выносятся ряд тем или определенный раздел программы дисциплины.

Контрольные собеседования проводятся, как правило, в форме устного опроса курсантов. Вопросы ставит преподаватель по своему усмотрению, однако обычно разработан ориентировочный вопросник, который охватывает основное содержание тем, выносимых на контрольное собеседование. Преподаватели на контрольных занятиях практикуют и письменные задания. Целесообразность данной формы объясняется тем, что не всегда оказывается возможным опросить устно в течение 4-х часов группу в 20–25 человек. Кроме того, выполнение таких заданий дает возможность курсантам приобрести навыки письменного изложения ответа на поставленный вопрос, а преподавателю проверить не только знания, но и стиль изложения, грамотность курсантов. Для выполнения работы отводится от 1 до 2 часов, в зависимости от объема и сложности темы.

Регулярно проводимые контрольные собеседования являются эффективной формой текущего контроля, они стимулируют планомерную самостоятельную работу курсантов, изучение ими программного материала и обязательной литературы к определенным срокам. Анализ итогов контрольных собеседований дает возможность кафедрам, преподавателям не только лучше изучить курсантов, но также проверить эффективность методов преподавания, вносить необходимые коррективы.

Письменные работы курсантов. В учебном процессе с целью контроля применяются различные виды письменных работ:

задания курсантам на коллоквиумах и семинарах по различной тематике;

задания, выполняемые всеми курсантами учебной группы одновременно на одну и ту же тему;

отчеты о стажировке;

курсовые работы и т.д.

Контрольные письменные работы во время учебы способны охватить сразу всех курсантов и проверить каждого из них за не-

большой промежуток времени. Однородность работы позволяет провести сравнение знаний и навыков обучающихся данной группы, выявить общие недостатки, а также ошибки, присущие отдельным курсантам.

Зачеты – традиционная форма контроля. Они проводятся по всем дисциплинам. В тех случаях, когда зачеты принимаются в ходе семестра с целью проверки текущей успеваемости курсантов или качества их практических работ, они по своему характеру приближаются к формам текущего контроля. Если же эта работа проводится в конце семестра, по одному из завершенных разделов того или иного курса, они играют роль периодического, или рубежного контроля (между текущим и итоговым).

Зачеты осуществляются путем индивидуального опроса курсантов, собеседования с ними. Одни преподаватели дают курсантам вопросы и предоставляют время для подготовки, обдумывания ответа; другие – сразу, без подготовки начинают собеседование с курсантом по существу поставленных вопросов. Иногда зачет принимается в присутствии всей учебной группы, но вопросы задаются персонально. Зачеты по лекционным курсам, не выносимым на экзамен, по своему характеру и уровню требований приближаются к экзаменам. Большинство преподавателей свободно владеет различными приемами проведения зачетов, учитывая специфику предмета, особенности отдельных курсантов и т.д. Однако в осуществлении этой формы контроля есть и существенные недостатки: у некоторых курсантов наблюдается недостаточно ответственное отношение к ней. Они «мотивируют» это тем, что «на зачетах не ставятся оценки в баллах: здесь и «натянутая» тройка, и пятерка – одно и то же». Такое отношение порождается, вероятно, тем, что отдельные преподаватели сами недооценивают эту форму контроля, не предъявляют необходимых требований. При проведении зачета в присутствии всей учебной группы допускаются элементы формализма, спешки. Всё это говорит о том, что необходимо повышать роль зачетов в общей системе контроля, совершенствовать методику их проведения и более требовательно относиться к курсантам.

Экзамены – основной вид итогового контроля за семестр и год, заключительный этап изучения всей дисциплины или одной из ее крупных частей. Главная задача экзаменов состоит в выяснении и объективной оценке глубины и прочности знаний и практических навыков курсанта, самостоятельности его мышления, умения анализировать и обобщать, делать правильные практические выводы.

Известно, что успех экзаменов определяется всем процессом учебных занятий, самостоятельной работы курсантов, организацией текущего контроля в течение семестра и учебного года. Поэтому можно сказать, что подготовка к экзаменам начинается с первых дней учебных занятий. Уже во вводной лекции преподаватели говорят об источниках изучения предмета, методике самостоятельной работы, о том, когда и какие экзамены придется сдавать, а также о требованиях, которые будут предъявлены к курсам. Накануне и в период экзаменационной сессии преподаватели кафедр намечают и проводят целую систему мероприятий в помощь курсантам: групповые и индивидуальные консультации, обзорные лекции и т.д.

Опыт проведения экзаменов в Саратовском военном институте показывает, что подавляющее большинство преподавателей правильно применяют разработанные по каждой дисциплине критерии оценок и в соответст-

вии с ними объективно оценивают знания курсантов. Конечно, некоторые отклонения в ту или другую сторону (завышение или занижение оценок) иногда встречаются, поскольку во всякой оценке качества неизбежно сказываются субъективные моменты – квалификация и опытность преподавателя, уровень его требований и т.д.

Таким образом, главная цель контроля подчинена общей задаче – обеспечению высокого теоретического и научного уровня учебно-воспитательной работы и, следовательно, качественной подготовке кадров. Что же касается характера контроля, его приемов и решаемых им частных задач, то это зависит от того, на какой компонент единого учебного процесса он направлен. Однако нет такой частной задачи контроля, которая не служила бы его общей цели – улучшению качества обучения и воспитания.

Примечания

¹ См.: Леонтьев А.Н. Избранные психологические произведения: В 2 т. М., 1983. Т.1. С.254.

² См.: Вишнякова С.М. Профессиональное образование: Словарь. М., 1999. С.137.

³ См.: Педагогика: Учеб. пособие для студентов пед. вузов и пед. колледжей / Под ред. П.И. Пидкасистого. М., 1998. С.329.

⁴ См.: Положение по организации деятельности военного образовательного учреждения высшего профессионального образования внутренних войск МВД РФ. Саратов, 2005. С.40.

УДК 005: 355.232.6

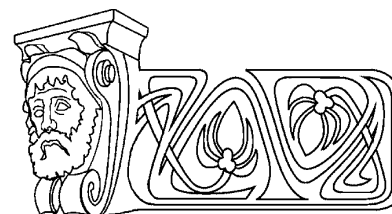
УПРАВЛЕНЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ВОЕННОГО РУКОВОДИТЕЛЯ

С.Д. Мухоед

Саратовский военный институт внутренних войск МВД РФ
E-mail: swki@yandex.ru

В статье приводится характеристика управленческой культуры, анализ концепций и научных подходов к ее изучению, описывается сущность управленческой культуры военного специалиста. Выделяются ценности управленческой культуры, а также ее аспекты как творческого процесса.

Ключевые слова: культура, управленческая культура, аксиологическая концепция культуры, деятельностная концепция культуры, гносеологический, когнитивный, эмоционально-психологический и эмпирический аспекты управленческой культуры.

Management Culture of a Military Specialist

S.D. Mukhoed

The article deals with the characteristics of management culture, the analysis of concepts and scientific approaches to its study. The essence of management culture of a military specialist has been described. Values of management culture are marked, and also the aspects of this culture as creative process.

Key words: management culture, axiological concept of culture, activity concept of culture, aspects of management culture.

В настоящее время понятие «управленческая культура» всё чаще звучит в научно-практическом контексте. Она рассматривается как целостный феномен, который не может быть описан через простую сумму составляющих. Это особое свойство человека, профессиональным занятием которого является управление в широком понимании, как специфическая область работы с человеком.

Обратимся к пониманию категории «культура» в современном культурологическом обосновании. Философы рассматривают культуру «как деятельность людей по воспроизведению и обновлению социального бытия, а также включаемые в эту деятельность её продукты и результаты»¹.

В отечественной культурологии доминируют два исследовательских направления. С середины 60-х гг. XX в. культура рассматривалась как совокупность духовных и материальных ценностей, созданных человеком. Аксиологическая концепция интерпретации культуры заключается в вычислении той сферы бытия, которую можно назвать миром ценностей. Именно такая трактовка нашла отражение в философском словаре, во втором издании Большой советской энциклопедии и других трудах. Сторонники деятельностной концепции (Э. Маркарян, М. Каган) усматривают в такой трактовке понятия культуры известную ограниченность. По их мнению, аксиологическая интерпретация замыкает культурные явления в относительно узкой сфере, тогда как «культура – диалектически реализующийся процесс в единстве его объективных и субъективных моментов, предпосылок и результатов»².

Современная культурология изучает не только результаты культурной деятельности, но и решает более глубокую задачу – усвоение духа культуры (менталитета, культурной парадигмы). В данном случае обнаруживается второй – коммуникативный – слой культуры, это уровень общения и институтов образования. Основой культуры, её ядром является структура культуротворческой деятельности (И.А. Ильин, Э.В. Ильенков, М.С. Каган, Л.Н. Коган, Э.С. Маркарян, М.К. Мамардашвили, Э. Фромм и др.).

В психолого-педагогическом значении культура рассматривается как «исторически определенный уровень развития общества, творческих сил и способностей человека, выраженный в формах организации жизни и деятельности людей, в их взаимоотношениях, а также в создаваемых ими материальных и духовных ценностях»³.

«Культура личности» (от неё зависит эффективность любой деятельности) определяется тем, насколько широко способен специалист осмысленно решать частные профессиональные задачи, чутко реагировать на условия и требования социума, насколько свободно он владеет наукоёмкой техникой и высокой технологией, насколько развиты в нём чувство нового и способность «не отстать» от темпов развития общества, насколько эти качества пронизывают понимание общечеловеческих приоритетов⁴.

Утверждения культуры как механизм (технологии) деятельности помогают понять саму её суть. Технологичность культуры, понимание её как способа деятельности предполагает, что культура – это исторически конкретная совокупность тех приёмов, процедур, норм, которые характеризуют уровень и направленность человеческой деятельности.

Таким образом, феномен культуры столь сложен, что на данном этапе его изучения правомерно использование множества подходов и интерпретаций, описывающих его в различных аспектах. В ходе нашего исследования мы выделили следующие положения:

культура – не самостоятельная социальная сфера, а сквозная характеристика всей социальной системы, и в любом общественном явлении существует социологический культурный аспект;

культура – определённый уровень организации жизнедеятельности людей, выраженный в продуктах материального и духовного творчества, в характере овладения приёмами и методами труда, интеллектуальной деятельности, собственного физического и духовного развития;

сущность культуры проявляется, прежде всего, в деятельности, а не только в совокупности достижений и ценностей, накопленных человечеством в процессе исторического развития; культурный потенциал личности представляет собой сочетание ряда элементов, своеобразные «срезы» культуры – физический, умственный, нравственный, эстетический, правовой, конфессиональный, политический, психологический, профессионально-трудовой. В каждом из элементов культуры выделяют четыре функциональных качества: знания, чувства или отношения, мотивация выбора или интерес, действия;

культура есть сущностный признак отдельного человека, групп людей, социальных, профессиональных и национальных общностей, всего общества в целом. Если речь идет о молодом специалисте, то следует иметь в виду и отдельную личность, и представителя определённой профессиональной группы, и часть национальной общности, различные социальные сообщества. Культура специалиста, как в фокусе, соединяет все эти интегрированные признаки;

основная социальная функция культуры – человекотворчество, то есть личность как абсолютный объектный и субъектный предмет культуры.

Термин «управленческая культура» может быть рассмотрен в контексте культуры личности. Управленческая культура на уровне личности начинается лишь с того момента, когда появляется и целенаправленно реализуется индивидуальный смысл профессиональной деятельности. Уровень сформированности управленческой культуры может быть разным, а её содержательные характеристики всегда несут конкретную социально-историческую нагрузку. При этом уровень индивидуальной управленческой культуры соотносится не только с уровнем другого человека, но и с управленческой культурой государства, национальной общности, определённого типа учреждения и др.

Характеризуя сущность управленческой культуры военного специалиста, выделяют её следующие содержательные аспекты: ценность, процессуальность, результативность.

Ценностная характеристика предполагает её рассмотрение в двух аспектах: как общественную ценность и как личностную.

Управленческая культура как общественная ценность является частью общечеловеческой, она интегрирует историко-культурный опыт управления и регулирует сферу взаимодействия людей. Совокупным субъектом в этом случае выступает всё общество, определяющее цели и содержание процессов – социализации и образования, а его «агентами» в профессиональном взаимодействии – руководители, реализующие этот заказ при помощи конкретно-исторического и личного опыта.

Личностная ценность управленческой культуры офицера – это индивидуально-мотивированное и стимулированное отношение военного специалиста к собственному образованию, его уровню и качеству в области управления. Ценности управления рассматривались в работах О.А. Абдуллиной, К.А. Абульхановой-Славской, Е.В. Бондаревской, В.П. Зинченко, В.В. Николиной, В.А. Сластенина и др. Личностную ценность можно представить в виде:

ценностей-целей (цели управления подразделением, управления воинским коллективом, управления развитием личности), личностное принятие, признание и оценка которых делают их своеобразными регуляторами управленческой деятельности;

ценностей-знаний (знание методологических основ управления, внутриорганизационного менеджмента, особенностей работы с военнослужащими, с офицерским коллективом, знание критериев эффективности управления) раскрывают значение и смысл управленческих знаний в военной сфере;

ценностей-отношений (отношения к себе, к своей деятельности, межличностных отношений в коллективе) определяют значимость взаимоотношений между участниками процесса управления;

ценностей-качеств (способности прогнозировать свою деятельность, соотносить свои цели и действия с целями других, способности к самоуправлению) выявляют многообразие индивидуальных, личностных, коммуникативных, поведенческих качеств лично-

сти офицера как субъекта управления, отражающихся в специальных способностях⁵.

Таким образом, на основе сказанного можно выделить следующие аспекты управленческой культуры как творческого процесса: наличие личностно-деятельностной основы; управленческая культура формируется на основе механизмов умственной деятельности (гносеологический аспект); творческое проявление управленческой культуры осуществляется на основе закономерностей процесса познания (когнитивный аспект); в структуру управленческой культуры как творческого начала входит и мотивационная направленность специалиста, ориентация его на приобретение новых знаний, готовность к реализации изобретательских потенций (эмоцио-

нально-психологический аспект); управленческая культура формируется на основе эмпирического опыта, не поддающегося рефлексии, формально не выражаемого, существующего в традициях восприятия, практическом мастерстве (эмпирический аспект).

Примечания

¹ Каган М.С. Философия культуры. СПб., 2006. С.89.

² Каган М.С. Указ. соч. С.94.

³ Межуев В.М. Культура и история: Учеб. пособие для вузов. М., 2005. С.221.

⁴ См.: Гуревич П.С. Философия культуры: Учеб. пособие для студентов гуманит. вузов. М., 2004. С.25.

⁵ См.: Раицкий В.П. Профессиональная подготовка офицеров внутренних войск: Автореф. дис. ... канд. воен. наук. М., 1994. С.4.

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 001:1

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТЬ КАК ТОТАЛЬНЫЙ ФЕНОМЕН ПОЗНАНИЯ XXI ВЕКА: СТАНОВЛЕНИЕ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОГО СЛОВАРЯ НАУКИ

С.П. Позднева

Саратовский государственный университет,
кафедра философии и методологии науки
E-mail: maslovrv@sgu.ru

Статья посвящена одному из самых значимых открытий XX столетия – феномену междисциплинарности. Автор сосредоточил свое внимание на становлении междисциплинарного словаря науки.

Ключевые слова: междисциплинарность, статус междисциплинарных понятий, категориальный строй философии, система философских категорий, система междисциплинарных понятий.

Interdisciplinary as a Total Phenomena of Cognition of XXI Century: Conception of Interdisciplinary Vocabulary of Science

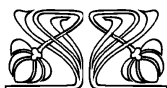
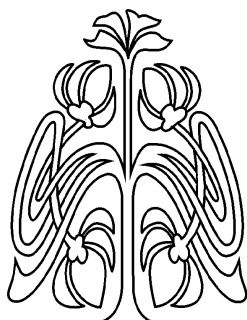
S.P. Pozdneva

The article is about one of the most significant XX century s discovery – interdisciplinary phenomena. The author was concentrated her attention to conception of interdisciplinary vocabulary of science.

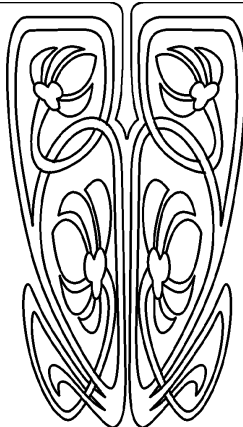
Key words: interdisciplinary, state of interdisciplinary conceptions, philosophy categories' order, philosophy categories' system, interdisciplinary conceptions' system.

Имманентная тенденция к теоретическому и концептуальному синтезу – одна из характерных особенностей современного научного знания. Огромные сдвиги в интеллектуальном климате, вызванном «диалогом» двух культур – естественных и технических, с одной стороны, и гуманитарных и социальных – с другой, перекрытием стыковых и промежуточных зон знания не могли не привлечь внимания философов и породили различные «программы» синтеза научного знания.

В поле зрения философского анализа оказались напряженные «перекрестки» человеческого знания и, прежде всего, проблема систематизации категориального аппарата философии в различных аспектах как одна из центральных проблем гносеологии и неразрывно связанная с ней проблема взаимосвязи философских и конкретно-научных понятий. Современная научно-техническая революция чрезвычайно обострила интерес к исследованию понятийной и категориальной форм мышления. Концептуальное осмысление инструментария науки традиционно опиралось на деление всех понятий на два основных типа – философские и специально-научные. Такая дихотомия долгое время была вполне обоснованной, позволявшей четко дифференцировать проблемные «поля» философского и конкретно-научного исследования.

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

Каждая наука имеет свой концептуальный язык, свою «инфраструктуру», относительно автономную систему базисных понятий: физика пользуется понятиями поле, импульс, частица, волна, масса и т.д., химия – ион, валентность, элемент, кислота и др., биология – жизнь, организм, ген и др., математика – число, предел, множество, дифференциал, интеграл и др., география – рельеф, ландшафт, климат и др., политэкономия – товар, деньги, стоимость и т.д. Понятия – это «инфраструктура» теории: принципы, идеализированные объекты, эмпирические данные могут быть включены в теоретическую конструкцию, лишь будучи «отлиты» в форму понятий.

Философия также представляет собой относительно замкнутую систему понятий, «словарь», называемый философскими категориями. Философские категории, ассоциируя «гнезда» конкретных понятий, порождают собственный концептуальный язык, выполняя по отношению к последним методологическую функцию. Ретроспективный анализ показывает, что категории возникли в определенной последовательности в виде категориального «ряда», многозвенной «цепочки», фиксируя всеобщие стороны и связи действительности. Категории представляют собой своеобразный социокультурный феномен, имеющий длительную историю развития. Необходимость дальнейшего совершенствования категориального аппарата философии на пересечении естественно-научного, социального и технического знания стала одной из ведущих ориентаций современных философских исследований.

В настоящее время все ведущие научные направления находятся в мощном «силовом поле» современной научно-технической революции. Процесс дифференциации и интеграции науки стимулировал контакты на стыковых, промежуточных зонах знания, что потребовало трансляции нового научного «словаря» и частичной модификации традиционного языка науки. С развертыванием современной научно-технической революции интегративные тенденции приводят к новому концептуальному феномену XX в. – особому классу понятий, получившему название общенаучных, или междисциплинарных.

Открытие междисциплинарных понятий считают наиболее значимым событием познания XX столетия. Возникнув сравнительно недавно, в последние десятилетия термин «междисциплинарный» сразу завоевал популярность. Этим термином стали обозначать не только понятия, но и принципы (К.И. Иванова, В.И. Снесар), проблемы (А.Д. Урсул), методы (В.С. Готт, А.Д. Урсул, Э.А. Семенюк), операции (Е.Д. Бляхер) и т.д.

По своему происхождению термин «общенаучный» возник, чтобы отразить объективно сложившуюся гносеологическую ситуацию – становление особого класса научных понятий, имеющих большую «шкалу частот», большую сферу применимости среди остальных научных понятий.

Анализ дефинитивных признаков общенаучных понятий, а также функций, выполняемых ими в процессе познания, позволил нам в первом приближении принять в качестве «рабочего» следующее определение. *Междисциплинарными называются понятия современной науки, способные к продуктивному употреблению в самых различных областях знания, допускающие возможность выражения в лоне логико-математических теорий и являющиеся носителями специфических методов познания.*

Знакомство с современной философской литературой свидетельствует, что проблема общенаучных концепций в последнее время перестала быть предметом узкопрофессионального интереса отдельных философов и получила право обсуждаться наряду с важнейшими проблемами философии. Исследователи насчитывают в общей сложности более двух десятков междисциплинарных понятий. Так, В.С. Готт и А.Д. Урсул перечисляют 29 понятий: алгоритм, вероятность, знак, инвариант, информация, структура, функция и др. Э.П. Семенюк – шесть, В.Г. Пушкин – три – информация, надежность и самоорганизация.

К числу общенаучных исследователи относят понятия «дифференциация» и «интеграция» (О.Н. Нурлепесов), «память» (Я.К. Ребане), «последствие» и «стохастичность» (Я.Г. Неуймин) и многие другие. Мы посвятили монографию общенаучному понятию «симметрия» (физич., матем.)¹, писали о

междисциплинарном статусе понятий «город» и «регион» (географ.)², «социальная память» (социолог.)³, «закон» и «порядок» (юридич.)⁴, категории «рынок» (эконом.)⁵ и т.д. «Пучок» общенаучных понятий расширяется веерообразно.

Термин общенаучный (или междисциплинарный) еще не стал номенклатурным, т.е. не вошел в философские словари и энциклопедии, но на очередь дня вполне осознанно, по нашему мнению, ставится задача обсуждения онтологического, логико-гносеологического и методологического статуса общенаучных понятий. Неслучайно в паспорте специальности 09.00.01 – онтология и теория познания – в качестве тем исследования значится проблема «Междисциплинарные понятия и философские категории», а в Институте философии РАН существует сектор междисциплинарных исследований. Ныне *любое* исследовательское направление в науке носит ярко выраженный междисциплинарный характер. Естественно, требуется осмыслить тотальность этого необычного феномена, а для этого необходимо обратиться к истории становления междисциплинарного словаря науки.

Вопрос о междисциплинарных понятиях, по нашему мнению, имеет непосредственное отношение к двум ключевым проблемам философии: 1) особенностям взаимосвязи философии и науки и 2) путям обогащения философского знания. И если признать, что в каждой науке существуют две группы проблем: во-первых, рабочие, конкретные – внутритеоретические, или «тактические»; во-вторых, философско-методологические, или «стратегические», то проблему общенаучных концепций следует, бесспорно, отнести к глобальным, стратегическим проблемам в науке.

В обсуждении статуса междисциплинарных понятий можно предложить два варианта: 1) общенаучные понятия тождественны философским категориям и 2) общенаучные понятия – «промежуточный» слой понятий между философскими и специально-научными понятиями. Заметим, что решение проблемы не является окончательным, оставляя её дискуссионной. Так, в последнее вре-

мя в ряде исследований общенаучные понятия системы, структуры, элемента, функции, вероятности относят к философским категориям.

В ходе обсуждения статуса уточнено семантическое содержание термина «общенаучность» (междисциплинарность). Общенаучность определяется как способность функционировать в широких комплексах наук (в принципе, во всех науках). Выделены дефинитивные признаки общенаучных понятий: высокая степень общности по объему; фиксация в содержании наиболее общих связей и отношений объекта; функционирование в роли методологических принципов; высокая степень использования; несинонимичность. Однако толкование статуса общенаучных понятий разными исследователями существенно отличается.

В.С. Готт и А.Д. Урсул различают два типа общенаучных понятий и соответственно их статус. Первый тип (система, модель, информация) имеют ограниченный онтологический статус. Второй тип (алгоритм, знак, значение, прогноз) имеют сугубо логико-гносеологический статус, отражая операционно-деятельностную сторону человеческого познания. Э.П. Семенюк настаивает на категориальном статусе общенаучных понятий. И наконец, Г.И. Рузавин, А.И. Уемов, Г.И. Садовский отвергли в принципе концепцию общенаучных понятий. Их аргументация такова: общенаучным характером обладают лишь философские категории. Для применения общенаучным понятиям нужна теория в виде определенных идеальных объектов. Общенаучные понятия не образуют теоретического единства, обязательного для каждой науки. А поскольку не может быть «ничьих» понятий, поэтому они не имеют права на самостоятельное существование.

Такой разницей во мнениях определяется, по-видимому, тем, что исследователи имеют в виду по крайней мере четыре различных аспекта статуса общенаучных понятий: категориальный статус, онтологический, логико-гносеологический и методологический статус. Попытка «развести» эти статусы по отношению к общенаучным понятиям, безусловно, имеет смысл в пределах довольно узко очерченной гносеологической облас-

ти. Не останавливаясь на нюансах такого различия, подчеркнем, что если категориальный, онтологический, логико-гносеологический статусы общенаучных понятий вызывают разночтения, то методологический ни у кого не вызывает сомнения. Именно этот момент составляет, по нашему мнению, самую характерную черту общенаучных понятий, определяющую их ведущее место в языке современной науки, позволяющую им выполнять интегрирующую функцию в научном познании и разнообразные гносеологические функции, в том числе и метатеоретическую и сближающую их с методологией – методологическую – способностью формировать специфические методы познания, быть носителями этих методов. Попытка же в принципе отрицать статус общенаучных понятий под предлогом отсутствия соответствующей теории представляется нам некорректной, ибо история науки преподнесла немало гносеологических уроков, когда именно сложившиеся теории оказывались неспособными объяснить новые факты, что вызывало их ломку и крушение, необходимость замены и расширения, прежде всего, понятийного инструментария науки, переосмысления сложившихся традиционных средств познания. Сейчас перед нами аналогичная гносеологическая ситуация, усложненная событиями, разыгрывающимися на стыках, «перекрестках» наук, настоятельно требующая «перенормировки» научных понятий, расширения их семантического содержания, их трансляции в новые сферы реальности.

Исследование и изучение новых познавательных процедур – междисциплинарных понятий и концепций представляется нам как ряд этапов: во-первых, установление их связи, контакта с категориальным аппаратом философии; во-вторых, сведение общенаучных понятий в систему, установление их генетического, структурного, функционального и методологического единства; в-третьих, включение системы общенаучных понятий в качестве подсистемы в общую систему знания. В настоящее время мы находимся в начальной стадии – становления общенаучной методологии, ее основных структурных элементов.

Со становлением общенаучных понятий и концепций происходит «перенормировка» понятий, и структурный каркас науки становится трехмерным: к философским категориям и специально-научным понятиям добавились междисциплинарные. При этом методологическая ценность аппарата философии существенно возросла. Оказалось, что исследование, обоснование, а подчас и выдвижение новых теоретических положений в специальных областях физики, химии, биологии, социологии и т.п. возможно лишь в резонансе с категориальным аппаратом философии, ибо категории выступают в качестве итога, суммы, вывода истории познания мира, причем это не арифметическая сумма знаний, не простой каскад значений, а интегральное, синтетическое знание. Категории – своего рода суперпозиция, концентрированная логическая сеть, способ аппроксимированного подхода к изучению любого объекта действительности.

Важная методологическая функция категорий философии обуславливает перманентный интерес исследователей как к отдельным категориям, так и их целостной системе. Любое философское исследование немислимо без изучения традиционной философской проблемы – становления, развития и систематизации философских категорий.

Человеческое мышление по природе своей является категориальным мышлением. Категории представляют собой универсальные формы мышления. В них аккумулирован весь опыт человеческого познания, «схвачены в мысли» целые исторические эпохи. Категории представляют собой своеобразный социокультурный феномен, имеющий длительную историю развития.

Основные этапы осмысления категориального аппарата в истории философии связаны в именами Аристотеля, Канта и Гегеля. Ретроспективный анализ выдвигавшихся систем категорий показывает сложность и нетривиальный характер задач, встававших перед исследователями. Относя подход Канта к аналитическому, структурному типу, а подход Гегеля – к генетическому, синтетическому, можно указать следующую типологию проектов – программ систематизации кате-

горий: семантический, исторический (эволюция содержания категорий), онтологический (выявление и исследование атрибутов действительности), гносеологический, системный (построение «гнезд» категорий), логический (использование методов современной логики). Дополнить этот список можно еще двумя – культурологическим и ценностно-аксиологическим. Появление последних, на наш взгляд, объясняется тем, что приоритетными являются ныне не проблемы познания, а проблемы философской антропологии, связанные с бытием человека – как центральной проблемой философии.

Традиционно наиболее широко в литературе был представлен онто-гносеологический подход. Фундаментальными трудами этого направления являются работы А.П. Шептулина, О.С. Зелькиной и В.Н. Сагатовского. А.П. Шептулин различает исходное «начало» – принципы классификации категорий. Исходными категориями у него являются три: материя, сознание и практика. Главными принципами классификации категорий выступают принцип единства исторического и логического, принцип восхождения от абстрактного к конкретному и принцип тождества диалектики, логики и теории познания.

Система В.Н. Сагатовского внушительна по масштабам: взяв за исходные пять неопределяемых понятий (элемент, множество, бытие, небытие, изменение), он связывает с ними 60 категорий «уровня данности», 11 категорий «определенности» и 64 категории «обусловленности». При всей сложности системы, включающей около 140 категорий, система Сагатовского обладает несомненным достоинством – всем философским категориям дано четкое определение в рамках математической логики.

За последнее время проблема классификации философских категорий не утратила своей остроты. Построение систем категорий задает общую программу постановки вопросов природе, обусловленную интеллектуальным и культурным фоном и социально-политической «атмосферой» формирования нового знания. Система категорий – это, но существу, остов, «скелет» человеческой деятельности, общая программа деятельности.

Построение системы категорий – задача комплексная, составными компонентами которой являются проблемы: генезиса, становления и развития категорий; категориального статуса философских понятий; корреляции философских категорий со специально-научными и общенаучными понятиями как дополнительным «резервом» новых философских категорий; системы критериев ввода новых категорий.

Проблема систематизации философских категорий продолжает оставаться дискутируемой на пересечении онтологического, гносеологического и логико-гносеологического направлений. Предлагаются оригинальные «программы» систематизации категорий: категориальные «цепочки», «ряды», категориальные «гнезда», «блоки», «композиции» и «оппозиции», категориальные «таблицы» и «системы», учитывающие тот или иной «жанр» понятийных картин.

При построении системы категорий можно предложить много логически приемлемых последовательностей, но задача заключается в том, чтобы исходить из естественного центра мировоззрения, который задается решением основного вопроса. Представление о существовании единственной системы категорий спорно, хотя предпочтению единственной одномерной системе категорий способствует, как это ни парадоксально, не только многовековая философская традиция, но и сама дефиниция понятия «система категорий». В литературе принято следующее определение: система категорий – это такая их последовательность, в которой каждая категория занимает строго определенное место, обусловленное ее выводимостью из других. Действительно, все традиционные «таблицы» категорий имели такой одноплоскостной вид. Однако идея многомерного подхода к системе категорий диалектики дает нам возможность уточнить дефиницию этой системы следующим образом: «Система категорий – это такая их совокупность, в которой соблюдается как субординация, так и координация категорий между собой». Здесь возможны не только линейные категориальные «ряды», строго горизонтальные и строго вертикальные «таблицы», но и категориальные

«узлы», «блоки», «гнезда», категориальные «композиции» и «оппозиции».

Знакомство с философской литературой последних лет обнаруживает новые важные тенденции. К их числу следует отнести использование междисциплинарных подходов к разработке различных программ систематизации философского знания. Эти исследования идут в трех направлениях: во-первых, построение системы философского знания с применением общенаучных подходов (О.С. Зелькина); во-вторых, использование общенаучных подходов для уяснения корреляции философских категорий между собой (В.Н. Сагатовский); в-третьих, построение подсистем общенаучного знания, входящих в общую систему знания (Э.П. Семенюк).

Среди междисциплинарных подходов особо выделяется системно-структурный, который оценивается как определяющий генеральную стратегию научного поиска. Он пронизывает всю историю философского знания («таблицы» категорий Аристотеля, Канта, Гегеля). Активно пользуются этим методом современные философы, создавая «гнезда» категорий. В силу особенности определения философских категорий как соотносительных, познание природы любой из них возможно лишь через уяснение связи между ними, т.е. путем систематизации. Систематизация философских категорий, таким образом, не прихоть исследователя, а объективная необходимость.

Путь систематизации междисциплинарного знания представляется перспективным как в плане установления категориального статуса общенаучных понятий, их возможности эксплицировать определенные философские категории в научные знания, так и с учетом прямой зависимости между общенаучными понятиями и философскими категориями, установления координации и субординации между философскими категориями.

В системе научного знания междисциплинарные понятия играют роль связующего (промежуточного) звена между философскими категориями и частнонаучными понятиями. Общенаучные понятия служат формой и способом внедрения философских принципов, идей, категорий в частную научную теорию, формой опосредованной диалектизации специально-научного знания.

Исследования установили несомненную корреляцию обеих групп понятий. Так, междисциплинарные понятия «системы» и «элемента» сопряжены с традиционными философскими категориями «целого» и «части», категория «структуры» с категориями «содержания» и «формы», понятие «информация» включено в познавательные процедуры, описываемые категорией «отражение», понятие «оптимальности» есть рефлексия философской категории «меры», понятия «симметрия» и «асимметрия» корректируются с помощью философских категорий «тождества» и «различия», понятие «функция» находится в отношении суперпозиции с категорией «причинности», «обратная связь» с категорией «противоположности», а междисциплинарное понятие «вероятности» получает концептуальное осмысление на пересечении категориальной композиции: «возможность» – «действительность» и «необходимость» – «случайность». Наличие философского «эквивалента» у каждого из междисциплинарных понятий позволяет высказать утверждение, что общенаучные понятия есть трансформированный вид философских категорий. Диалектика буквально «просвечивает» через общенаучные понятия, которые, будучи двойной рефлексией действительности, обладая дополнительным методологическим статусом, выполняют, образно говоря, функцию «второй производной» (Д.А. Гущин) в концептуальном освоении действительности. Все исследователи, несмотря на расхождения терминологического характера, единодушны во мнении, что дальнейшее развитие категориального аппарата диалектики связано с необходимостью построения системы категорий, учитывающей многоаспектность и поливариантность связей категории философии, – с одной стороны, и анализом междисциплинарных понятий как дополнительного «резерва» категориального аппарата философии – с другой. Очевидно, что выяснение внешней связи между философскими категориями – по «горизонтали» (координация) не вызывает затруднений, в то время как установление внутренней зависимости (субординация) пока не поддается изучению. Представляется, что подключение к этой проблеме общенаучных понятий позво-

лит значительно ускорить путь решения задачи систематизации философских категорий.

Становление и функционирование междисциплинарных понятий актуализировали проблему сравнительного анализа генезиса и развития философских категорий и общенаучных понятий. Философские категории, как и понятия специальных наук, развиваются, но развитие и тех, и других имеет свои особенности. Первая особенность развития категорий философии, что они суть *инварианты в инвариантном* (М.М. Розенталь), наиболее устойчивы в процессе развития понятий, законов, принципов. Вторая особенность – неравномерность их развития в ходе практически-преобразующей деятельности людей. Эта неравномерность приводит к тому, что некоторые общенаучные понятия, в частности «структура», «элемент» и др., были подвергнуты тщательному исследованию и, по мнению ряда исследователей, полностью приобрели философский статус и получили права гражданства в философской литературе. Таким образом, пополнение состава философских категорий возможно как за счет собственно философских понятий, так и на базе некоторых междисциплинарных понятий. Система категорий философии является «открытой», незамкнутой, и ее развитие происходит благодаря обогащению содержания ее составляющих, а также за счет ввода новых категорий в систему. Междисциплинарные понятия выполняют функцию потенциального резерва категориального аппарата философии.

Философские категории и общенаучные понятия, безусловно, и содержательно, и функционально различаются. Во-первых, категории, генетически складываясь на базе естественного языка, предстают первоначально интуитивно очевидными. Общенаучные понятия, будучи, главным образом, продуктом искусственного языка, содействуют наполнению категорий специфическим философским содержанием. Во-вторых, общенаучные понятия представляют собой такую совокупность научных понятий, которые, с одной стороны, отличаются от фундаментальных или исходных понятий отдельных

отраслей науки (отличаются не по происхождению, а по своим функциям), выполняя как содержательную, так и логико-гносеологическую и методологическую роль в развитии научного знания, а с другой – от философских категорий (не столько по степени общности, сколько в мировоззренческом, логико-гносеологическом плане), ибо они не предназначаются для характеристики или решения основного вопроса философии. В-третьих, философские категории обеспечивают преемственность в познании, представляя инвариантное в инвариантном, общенаучные понятия, напротив, фиксируют обособленные этапы в развитии, переходы между которыми носят характер научной революции (В.С. Готт, Ф.М. Землянский).

Но между философскими категориями и общенаучными понятиями есть зоны пересечения. С одной стороны, философские категории на методологическом уровне предстают в качестве истинно общенаучных понятий. С другой стороны, общенаучные понятия выступают как особого рода познавательные конструкции, «переводчики», проводники, синтезирующие в себе различные аспекты содержания целого ряда философских категорий. Общенаучные понятия «система», «элемент», «структура» обнаруживают содержательные моменты таких философских категорий, как «целое», «часть», «необходимость» и «случайность», «возможность» и «действительность», «содержание» и «форма». Междисциплинарные понятия являются носителями мобильного вербального языка науки и способны мигрировать из одной области знания в другую, способствуя эффективному воздействию методологии в различных сферах науки. Междисциплинарные понятия оказывают, таким образом, обратное воздействие на философские категории. Философские категории перестают быть жесткими, распадаются на классы понятий с различной степенью общности и т.д. Это обстоятельство, вызванное тесным взаимодействием общенаучных понятий с философскими категориями, придало дискуссионность вопросу о критериях отличия философских категорий от понятий частных наук.

Как известно, понятия частных наук обозначают сравнительно узкие, конкретные явления действительности – «квантор» в математике, «плазма» в физике, «мутация» в биологии. Для общенаучных понятий характерно использование в широком спектре областей. Так, понятия «система», «информация», «модель» употребляются в биологии и экономике, теории измерений и автоматике, психологии и космонавтике, лингвистике и педагогике, эстетике и науковедении. Однако их общенаучность уже по объему, чем у философских категорий.

Каковы же критерии отличия философских категорий от понятий частных наук и от междисциплинарных понятий? Развернувшаяся дискуссия определила две точки зрения по данному вопросу.

Согласно первой, принадлежность общенаучных понятий к философским категориям самоочевидна и неоспорима. Согласно второй точке зрения, далеко не всякое понятие, используемое даже во всех частных науках, может считаться философским. Были предложены углубленные «параметры» отличия философских категорий от общенаучных понятий с выделением трех «срезов»: логического, содержательно-гносеологического и методологического.

Первый срез – логический – предполагает в качестве критерия всеобщность как отличительную для философских категорий. Но он оказывается неопределенным настолько, что именно по этому критерию многие междисциплинарные понятия относят к философским. В данном случае происходит подмена признака содержательной всеобщности качеством логической или формальной всеобщности.

Второй аспект – содержательно-гносеологический. Философские категории – это не просто предельно общие понятия, они охватывают всю сферу существующего, но в определенном отношении, что обеспечивает их содержательность и нетавтологичность. Необходимо признать, что каждая философская категория, ассоциируя сетку конкретных понятий, в которых получают концептуальное выражение признаки и свойства объектов, порождает собственный концептуальный

язык по отношению к которому философская категория выполняет методологическую функцию. При таком подходе общенаучные понятия выступают как язык углубленной разработки универсальных категорий философии. Раскрывая интегральные характеристики объектов в познании, они эксплицируют определенные категории в конкретно-научном познании.

Итак, вопрос о критериях отличия философских понятий от понятий частных наук и междисциплинарных понятий продолжает оставаться дискуссионным. Подвергается всестороннему анализу казавшийся универсальным и единственным традиционный критерий всеобщности в экстенсивном (количественном) и интенсивном (качественном) аспектах (В.И. Свидерский), в содержательном и формально-логическом плане (Л.В. Озадовская), вводится понятие «комплексного» критерия (Ф.М. Землянский), разрабатывается система критериев (А.И. Никонов) и т.д. Внимание философов все более сосредоточивается на выработке целостной системы критериев отличия философских категорий от общенаучных понятий. В обобщенном виде своеобразная система критериев выглядит следующим образом:

1) всеобщности – универсальной для категорий философии и специфической для общенаучных понятий (В.И. Свидерский, А.Д. Урсул, Э.П. Семенюк);

2) философские категории обладают онтологической, и гносеологической всеобщностью, а общенаучные понятия только методологической и гносеологической универсальностью (А.Д. Урсул, А.К. Астафьев);

3) необходимый характер философских категорий для философского уровня мышления (Ф.Ф. Вяккерев);

4) конкретность общенаучных понятий и абстрактность философских категорий (В.И. Свидерский);

5) в мировоззренческом аспекте – философская нейтральность общенаучных понятий, отсутствие оценочных функций (А.Д. Урсул);

6) необходимая связь общенаучных понятий с формализацией (А.Д. Урсул).

Очевидно, что раскрытие экстенсивной общности междисциплинарных понятий, установление их связи с категориальным аппаратом философии – это первый этап исследования. Представляется, однако, что этот этап является предварительным и сфера применения фундаментальных общенаучных понятий для познания закономерностей действительности может быть значительно расширена, если учесть связи не только с философскими категориями, но и с другими общенаучными понятиями. Правомерна в этом плане постановка вопроса о системе междисциплинарных понятий в той же мере, в какой мы говорим о системе философских категорий. Система общенаучных понятий как комплекс наиболее фундаментальных «лидирующих», занимающих ведущее место в концептуальном синтезе современной науке, включается в качестве подсистемы в систему научного знания как целого.

Формирование системы общенаучных понятий идет перманентно: многие зависимости между ними изучены основательно. Через посредство «философских эквивалентов» обнаруживается взаимосвязь (генетическая, структурная, функциональная и методологическая) между самими общенаучными понятиями. Отсюда становится ясным, почему вопрос о системе междисциплинарных понятий не мог быть сформулирован раньше, чем было произведено дифференцированное изучение каждого из них в отдельности концептуальными средствами категориального аппарата философии.

Для решения проблемы существования целостной системы общенаучных понятий необходимо выявить достаточно необходимые, устойчивые «горизонтальные» связи между ними. Пока что прослеживались лишь «вертикальные» – между понятиями частных наук, общенаучными понятиями и философскими категориями. В качестве аргументации и обоснования существования системы общенаучных понятий указывается на наличие автономных «блоков» (подсистем) в самом категориальном аппарате философии: материя – сознание; материя – отражение, материя – движение – развитие; материя – движение – пространство – время и т.д. Аналогич-

ные семантические «блоки» образуются уже из числа общенаучных понятий: система – элемент – структура; структура – функция; система – информация; информация – вероятность и т.д. В рамках каждого общенаучного подхода возникает специфический внутренний «синтаксис» – система связей между его составными элементами и правила оперирования ими. После того, как такие отношения сложились, они начинают функционировать, особенно при исследовании многообразных явлений действительности, в качестве готовых, укомплектованных «блоков». Постепенно складываются более широкие подсистемы, включающие в себя как категории философии, так и общенаучные понятия: «целое – часть – система – элемент – структура», «материя – отражение – сознание – информация»; «необходимость – случайность – возможность – действительность – вероятность»; «форма – содержание – структура – функция» и т.д. Возможно, в будущем такие категориальные «блоки» составят различные подсистемы единой системы категорий философии.

Разумеется, этими эскизно перечисленными задачами отнюдь не исчерпывается спектр проблем, связанных с изучением системы междисциплинарных понятий. Построение одного из вариантов такой системы – задача дальнейшего исследования. Для решения этой проблемы мы предлагаем стратегию – исследование системы общенаучных понятий путем анализа её через одно из понятий. Эта стратегия должна быть операционально-конструктивной, и она позволит установить генетическое, структурное, функциональное и методологическое единство общенаучных понятий, связующих их в систему. Нам представляется, что в методологическом плане общенаучные понятия являются носителями специфических методов познания – системно-структурного, функционального, вероятностного и т.д., в структурном аспекте все общенаучные понятия объединены в блоки посредством соответствующих философских категорий. С генетической точки зрения они образуют многозвенную цепочку – понятие структуры является генетически исходным для симметрии, симметрия – для понятия ве-

роятности и т.д. В функциональном отношении общенаучные понятия как комплекс «лидирующих» выполняют роль единого языка для специалистов разного профиля.

Итак, бурное развитие современной науки, смена концептуальных «парадигм» требуют постоянного глубокого философского осмысления. Огромный экспериментальный материал, превосходящий узкорегionalные рамки существующей теоретической базы, приводит к постоянной корректировке сложившихся стандартов научного языка. Фронтальное становление синтеза социальных, естественных и технических наук вызывает потребность углубленной разработки нового концептуального феномена – междисциплинарных понятий, свидетельствующих о несомненном возрастании роли и значимости методологических исследований в современной науке.

Работа выполнена в рамках аналитической ведомственной программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2010 гг.)» (проект № 2.1.3/6499).

Примечания

¹ Позднева С.П. Диалектика и общенаучные понятия: философско-методологический анализ категориального строя современной науки. Саратов, 1987.

² Позднева С.П. О междисциплинарном статусе понятий город и регион // Города региона: культурно-символическое наследие как гуманитарный ресурс будущего. Саратов, 2003. С.40–44.

³ Позднева С.П. О междисциплинарном статусе понятия «социальная память» // Философия, человек, цивилизация: новые горизонты XXI века: В 2 ч. Саратов, 2004. Ч.2. С.46–48.

⁴ Позднева С.П., Соколов И.А. О междисциплинарном статусе категорий «закон» и «порядок» // Порядок общества: актуальные проблемы социально-правовой теории. Ростов н/Д, 2008. С.128–134.

⁵ Позднева С.П., Соколов И.А. О междисциплинарном статусе категории «рынок» // Известия Саратов. ун-та. 2008. Т.8, вып.1. Сер. Философия. Психология. Педагогика. С.46–48.